

М. С. Терешъ.

„НА ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ“.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

отъ Москвы по Манчжуріи
и Сахалину до Японіи.



МОСКВА.

Типографія А. П. Поплавскаго, Покровка, д. Сиротининыхъ.

1904

„На Дальній Востокъ“.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

Я отправлялся въ Сибирь и далѣе черезъ Манджурію въ Китай въ качествѣ корреспондента вліятельной газеты. Собираясь въ дальній и рискованный путь, я могу чисто-сердечно сознаться, что не чувство наживы мною руководило въ этомъ рѣшеніи.

Я былъ радъ случаю, дающему мнѣ возможность проникнуть въ страну, прожившую своей обособленной жизнью нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Когда я былъ еще гимназистомъ, меня крайне поражали въ азіатской картѣ громадныя пробѣлы въ мѣстахъ, касающихся центральной Азіи, а въ особенности заколдованнаго Тибета.

Сборы мои были не велики; признаюсь, что этому много помогли воспоминанія о прочитанныхъ мною путешествіяхъ по Азіи и Сибири въ коихъ не были упущены самыя мелкія вещи, нужныя путешественнику.

Купивъ себѣ дорожную одежду, заключающуюся въ теплой курткѣ, брюкахъ, шапкѣ и сапогахъ, низъ которыхъ былъ покрытъ

бѣличымъ мѣхомъ, признаннымъ путешественниками, самымъ удобнымъ какъ дешевизной, такъ и теплотой и легкостію, я былъ, почти готовъ въ путь.

Вечеромъ того же дня я сидѣлъ у патрона, рассматривая купленную мною наканунѣ, карту Сибири и всей Азіи, мирно бесѣдуя о цѣли, трудахъ и даже опасностяхъ, ожидающихъ меня не въ далекомъ будущемъ, въ странѣ рѣшительно мнѣ незнакомой, но записанной уже на страницахъ всемірной исторіи, кровью неустрашимыхъ предшественниковъ.

— Да, батенька,—говорилъ онъ,—долженъ я вамъ правду сказать, дѣло это не шуточное, требующее всю силу энергіи и въ извѣстной степени изворотливости, но помните, что вашъ трудъ будетъ не лишнимъ вкладомъ въ область науки. Каждое новое слово объ Азіи жадно принимается всей образованной Европой, въ ней есть еще много чего то не разгаданнаго, таинственнаго; самые ученые энциклопедисты при разговорѣ о ней повторяютъ лишь то, что помнятъ они со дней юности изъ географическихъ учебниковъ и изъ этнографическихъ описаній путешественниковъ. Не забудьте, что эта страна не имѣетъ ничего общаго съ прочими, вспомните, что всѣ великія историческія событія такъ или иначе связаны съ ней. Великіе всемірные патріархи жили тамъ, и оттуда дали

начало всему человечеству. Правда, писать о ней писали много, но такъ расплывчато, такъ неопредѣленно, что таинственная фizioномія ея не обнаружена. Но все это не суть важно, отправляясь въ такой путь старайтесь не забыть того, что вамъ необходимо, и чего вы не будете въ состояніи купить тамъ. Я вамъ съ своей стороны дамъ хорошій фотографическій аппаратъ, компасъ и прекрасную карту всей Азіи; послѣдніе два предмета должны быть неразлучными спутниками всякаго путешественника,—не разъ его жизнь всецѣло зависитъ отъ нихъ. Откладывать отъѣздъ нѣтъ смысла, чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше, оглянитесь кругомъ, пораздумайте и съ Богомъ въ путь дорогу.

При послѣднихъ словахъ я дѣйствительно чуть не оглянулся, но еслибъ и такъ, то ничего бы не увидалъ.

Давно уже ни спереди ни сзади не было у меня ничего такого, что заставило-бы меня призадуматься о рискѣ и опасности и, если бы судьбѣ угодно было не вернуть меня обратно на родину, то и это не заставило бы никогда особенно задуматься. Я самъ часто встрѣчалъ такихъ людей: при жизни они нужны, пріятны и почти необходимы, но удивительно, что смерть ихъ никого не поражаетъ, а въ особенности и не огорчаетъ. Такъ жилъ человекъ, какъ и всѣ живутъ, ну и умеръ что же это въ порядкѣ вещей...

Не имѣя семьи, не имѣя родныхъ, они и на родинѣ у себя словно чужіе. Отправляясь въ это путешествіе я имѣлъ впереди возможность видѣть новыя, никогда невиданныя картины, то полныя чарующей красоты, то страшныя, холодящія душу, а то, что онѣ сопряжены съ извѣстнымъ рискомъ вполне естественно,—въ свѣтѣ даромъ ничего не дается.

Потому-то, не долго думая, я охотно согласился съ патрономъ выѣзжать хоть завтра, если только будетъ возможность. Придя домой, я прощальнымъ взглядомъ окинулъ свою комнату, бывшую не разъ свидѣтельницей моихъ грустныхъ минутъ; разставаясь съ ней, я не чувствовалъ сожалѣнія, напротивъ, даже скорѣй радость.

Я знаю хорошо, что она не была и быть не могла причиной невзгодъ, выпадавшихъ мнѣ на долю, но такъ ужъ созданъ человекъ,—во всякой неудачѣ онъ ищетъ причину.

У меня явилась мысль,—какъ удивится моя квартирная хозяйка, когда я съ нескрываемой радостію объявлю ей, что завтра навсегда уѣзжаю и тутъ же незамѣтно коснусь всѣхъ мытарствъ, выпавшихъ мнѣ на долю по ея винѣ и въ ея меблированной комнатѣ со столомъ «при благородномъ семействѣ»

Будетъ ли она и другимъ жильцамъ вынимать зимой изъ печекъ вьюшки, не знаю, но что мнѣ она вынимала ихъ я знаю и безъ

всякой положительно съ моей стороны вины, лишь изъ за сумасбродства старой пятидесятилѣтней дѣвы, имѣвшей каждый день столько капризовъ, сколько торчало у ней щетинистыхъ волосъ на верхней губѣ, придававшихъ ей большое сходство съ старымъ Николаевскимъ солдатомъ.

Сложивъ самыя необходимыя вещи въ чемоданъ, я на оставшіеся махнулъ рукой. Меня словно что то толкало впередъ, я положительно не находилъ себѣ мѣста.

Скорѣй лишь сбросить съ себя, пропитанную тлетворнымъ воздухомъ бациллъ и микробовъ, столичную маску и какъ можно скорѣй всей молодой грудью вдохнуть животельный воздухъ чудныхъ безграничныхъ степей или въ таинственной мглѣ дѣвственной тайги чувствовать себя однимъ предъ лицомъ Великаго Мастера.

Природа мать прійметъ меня въ свои объятія, хотя силой обстоятельствъ я былъ на долго отъ нея оторванъ, — она вѣдь это знаетъ и не поставитъ мнѣ въ вину.

Даже опасность милѣе этой якобы культурной, сжатой словно въ желѣзные кандалы, рамки благочинной жизни. Грудь жадно хочетъ дышать свѣжимъ воздухомъ, смѣшаннымъ съ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и распускающихся почекъ деревьевъ; но увы, культурный, громадный, стоящій миллиарды рублей городъ, имѣющій все, — не имѣетъ лишь одного — воздуха.

Устроивши свои вещи такъ, чтобы каждую минуту снести ихъ внизъ, я отправился на половину хозяйки. По обыкновенію она сидѣла за чулкомъ. Толстая, вспотѣвшая, она была ужасно похожа на медузу, вылѣзшую изъ воды, очки сползли на самый конецъ носа и стекла ихъ при огнѣ лампы, переливались разными цвѣтами.

А вдругъ, она меня не пуститъ,—промелькнуло у меня въ головѣ словно молнія, но тутъ же, стряхнувъ съ себя минутную робость, я какъ можно развязнѣе и смѣлѣе, подошелъ къ ней. Но прежде чѣмъ я успѣлъ открыть ротъ, я почувствовалъ на себѣ взглядъ зеленыхъ глазъ старухи. Положивъ на столъ чулокъ и опершись на руку, шепелявя и поджимая губы, она сто первый разъ объявила мнѣ, что нижній жилецъ во что бы то ни было хочетъ нанять мою комнату даже и тогда, если цѣна ея будетъ на пять рублей дороже.

Это была старая пѣсня,—которою она всегда держала меня подъ страхомъ выдворенія; съ другой же стороны она являлась для меня благодѣтельницей, не гонясь за прибавкою цѣны. Нужно замѣтить, что угрожала мнѣ она или зимою, или осенью, вообще въ ненастные дни, когда говорятъ, добрый хозяинъ и собаку не выгонитъ на дворъ.

Хозяйка любовалась моимъ смущеніемъ и беспомощностью. Но на этотъ разъ она жестоко ошиблась; выслушавъ спокойно ти-

раду ея, я вѣжливо заявилъ, что завтра она можетъ его впустить, такъ какъ я отправляюсь въ дальнѣйшій путь. Тутъ пришлось уже удивляться ей,—какъ это я жилецъ, прожившій у нея три года, котораго она вертѣла на всѣ стороны, — и вдругъ случай такой!

Не буду описывать всю сцену, такъ какъ безъ урѣзокъ она могла бы представить собою цѣлую комедію. Скажу только, что успокоившись немного, она мнѣ объявила, что заявить полиціи, чтобы меня не пустили, если же полиція не сдѣлаетъ этого, то она сама не пуститъ. Несмотря на это, она взяла причитывающіяся ей за мѣсяць деньги.

Это было главное, остальное—пустяки.

Спустившись на дворъ, я незамѣтно позвалъ дворника и, приведя къ себѣ далъ ему чемоданъ и постель отнести до перваго извозчика, что тотъ безпрекословно исполнилъ. Не желая скандалить съ медузой, я, имѣя свою квартиру, принужденъ былъ отвезти свои вещи на вокзалъ, и, сдавъ ихъ тамъ на храненіе, самъ отправился ожидать утра къ товарищу.

Несмотря на всѣ мытарства, ночь прошла скоро. Въ десять часовъ утра я былъ у патрона, а въ половинѣ перваго сидѣлъ въ вагонѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ третьяго звонка.

Наконецъ рѣзко раздался давно желанный сигналъ, поѣздъ словно съежился, отскочилъ

назадъ и, снова вытянувшись, загремѣлъ всѣми своими желѣзными частями и, запыхтѣвъ, плавно помчался впередъ.

Картины, давно знакомыя всякому проѣзжавшему хоть разъ по Россіи, замелькали предо мною, не оставляя никакихъ впечатлѣній.

Черезъ двое сутокъ, я былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Городъ вообще какъ и всякій; и только одна красавица Волга, зеленѣя своими водами, давала возможность дышать свободнѣй.

Громадные трехъэтажные пароходы со всякими пристройками на палубѣ, выкрашенные въ разные цвѣта,—разнообразили унылую пристань.

Масса рабочихъ грѣлась на солнцѣ, сидя и лежа на пескѣ; я рѣшилъ, что они отдыхаютъ, но оказалось, что это была партія рабочихъ, присланныхъ изъ Россіи для отсылки въ Манчжурію.

Манчжурія!.. Какъ странно должно звучать для нихъ это чуждое, никогда неслыханное слово; какое представленіе они имѣютъ объ этой странѣ, и особенно о жителяхъ ея? Тамъ, въ далекой, ничего не знающей деревнѣ, нехристи кажутся имъ какими то большеголовыми, на тонкихъ птичьихъ ногахъ, уродами; и несмотря на весь ужасъ при одномъ лишь воспоминаніи, приходится ѣхать къ нимъ, за тридевять земель,—не то беспощадный голодъ заглянетъ въ родимую

хату, а за нимъ и смерть протянетъ свои костлявыя руки къ дѣтской колыбели.

Пароходъ, на которомъ я помѣстился, принадлежалъ компани «Самолетъ», имѣющей лучшіе въ отношеніи комфорта и быстроходнѣйшіе пароходы на Волгѣ. Пассажировъ было немного, всего человѣкъ тридцать во всѣхъ трехъ классахъ; во второмъ классѣ, въ которомъ я ѣхалъ, было всего пять человѣкъ: священникъ, офицеръ, купецъ татаринъ изъ Казани и какой то молодой человѣкъ съ длинными, по женски отпущенными волосами, и очень неряшливо одѣтый; онъ былъ очевидно изъ тѣхъ лицъ, которыя думаютъ о другихъ, забывая о себѣ.

Капитанъ оказался очень милымъ, обязательнымъ господиномъ, видѣвшимъ въ своей жизни лучшіе дни.

Къ тремъ часамъ пароходъ стоялъ на всѣхъ парахъ, ожидая капитанскаго свистка. Наконецъ поданъ свистокъ, пароходъ дрогнулъ и, красиво подбирая подъ свою могучую грудь волны, понесъ меня въ страну Ермака.

Красивы берега Волги, когда чудная зелень съ обѣихъ сторонъ, словно рамой, украшаетъ красавицу. Красивы и горы, дачи и тѣ которыя лишены зелени, — въ нихъ есть что то недосказанное.

Быстро несется пароходъ къ цѣли; зорко глядитъ лоцманъ впередъ... Капризна ужъ очень рѣка, и тамъ, гдѣ вчера на всѣхъ па-

рахъ проносились пароходы,—сегодня одинъ или два сидятъ на мели.

И словно раненый великанъ,—нѣтъ, нѣтъ, да и застонетъ. И непріятенъ этотъ стонъ, какъ всякій вопль, выражающій безсиліе.

Прошли Пьяный Боръ—недалеко до Казани. Громадный городъ, столица, когда-то сильнаго царства, павшаго отъ десницы царя Іоанна Богатыря, но не Іоанна Грознаго—смирннаго монаха въ минуту раскаянія и лютаго въ часъ кровожаднаго разгула. Простоявъ 4 часа на Казанской пристани, пароходъ свернулъ въ Каму и понесся къ Перми.

Вотъ стали обрисовываться вершины горъ, поддѣрнутыя туманомъ,—онѣ въ рѣдкомъ утреннемъ воздухѣ кажутся серебряными. Вотъ и Нижній Тагиль—бывшій монетный дворъ князей Санъ-Донато—Демидовыхъ, цѣлая поколѣнія которыхъ послѣднее время живутъ подъ лазурнымъ небомъ, около красно-пурпурнаго моря, бросая щедрою рукой золото, закопченное дымомъ доменныхъ печей. Когда пароходъ поровнялся съ нимъ, священникъ, который имѣлъ когда-то тамъ приходъ свой, рассказалъ легенду, упорно державшуюся въ народѣ объ одномъ изъ князей Демидовыхъ.—Это было очень давно,—началъ онъ—царствовала тогда въ Россіи мать Великая русскаго народа—Екатерина Вторая; жилъ въ оное время и одинъ изъ Демидовыхъ. Жилъ да такъ хорошо, какъ

иногда и самой царицѣ не по карману было: сегодня балъ, завтра званый вечеръ, послѣ завтра раутъ и такъ каждый день. Сгибались дворовые молодцы его, какъ разносили по магазинамъ полные мѣшки серебра за забранныя вина и яства. А тѣмъ временемъ стали появляться слухи въ столицѣ: сначала такъ себѣ—будто невзначай, а послѣ все громче, да такъ, что и до дворца дошли. А слухи были серьезные,—оповѣщали они, что будто самъ вельможный Демидовъ свой монетный дворъ завелъ у себя въ Нижнемъ Тагилѣ и три сотни рабочихъ рукъ куютъ на боярина деньги. Осерчала матушка-царица, несмотря на всю свою сердечную доброту и приказала разслѣдовать дѣло по закону и правдѣ, чтобъ не обижая невинныхъ, не щадить и виновныхъ. Но лукавъ былъ старый Демидовъ и всюду имѣлъ свою руку: лишь успѣли поговорить во дворцѣ, что надо, молъ, разузнать какъ и что тамъ, а старый ужъ катитъ къ себѣ въ помѣстье словно на отдыхъ. Всю дорогу ѣла крѣпкая дума боярина,—чѣмъ больше думаетъ, тѣмъ яснѣй выступаетъ вина его и тѣмъ глубже становилась складка межъ бровей, тѣмъ сильнѣй напрягалъ онъ свою изворотливую голову, а спасенья нѣтъ, какъ нѣтъ и придумать нельзя ничего. А горе-то все въ томъ, что много холоповъ ужъ знаетъ объ этомъ, а на холопа, что за надежда: погрозятъ ему чиновники, онъ все и выложитъ, какъ на тарелкѣ. Да и не

шибко они любятъ боярина. Крутъ и суровъ былъ въ послѣднее время онъ съ ними. Чиновниковъ развѣ обдарить, да нѣтъ, старшій между ними такой, что не пойдетъ ни на какія сдѣлки, да и самъ чуть-ли не богаче его. Бѣда нашла, да такъ скоро, неожиданно, что не опомнится даже бояринъ; хоть живымъ ложись въ гробъ, и то въ пору. Подъ самымъ Тагилемъ вдругъ повеселѣлъ бояринъ, разошлись суровыя брови и глаза веселѣй на Божій міръ глядятъ. Подкатилъ къ главной конторѣ, а челядь вся уже въ сборѣ, на рукахъ его въ горницу внесли и въ глаза словно собачки глядятъ. Не успѣетъ бояринъ и ротъ открыть, а имъ ужъ кажется, что ни вѣсть что онъ имъ сказалъ, такъ ужъ всѣ его боялись и большой и малый. Глядятъ на него и диву даются, что случилось съ бояриномъ, словно другой сталъ и глаза не тѣ. А бояринъ все со своимъ любимцемъ Спирькой, что-то толкуетъ, да такъ тихо, что и самый близкій ничего не слыхалъ. Поговорилъ со Спирькой и велѣлъ разойтись народу. Разошлись. Но не успѣли дальніе до дому дойти, какъ новый приказъ вышелъ: собираться всѣмъ мастерамъ, что въ завѣтной шахтѣ работаютъ и быть всѣмъ на своихъ мѣстахъ, самъ моль пріѣдетъ и все осмотритъ. Собрались. Другіе даже чистыя рубашки одѣли, чтобъ лучше боярину казаться. Стоитъ каждый за своимъ дѣломъ и изрѣдка въ люкъ

глянетъ: не идетъ ли самъ? Наконецъ, передній увидалъ,—идетъ бояринъ со Спирькой и чудно ему право показалось: бояринъ на лицо бѣлѣе мѣлу сталъ и глаза, какъ свѣчки впотьмахъ горять. Вышелъ на средину и велѣлъ счетчику всѣхъ по именамъ выкликать; всѣ оказались на мѣстѣ, только Дмитрій по прозванію Хромой не пришелъ и то потому, что руку ему намедни съ камнемъ придавило и лежитъ онъ дома. Грозно повелъ бровью бояринъ и велѣлъ Спирькѣ немедленно его позвать. Прошло нѣсколько минутъ. Показался Хромой; идетъ рядомъ, со Спирькой и весь дрожитъ, боится предстать передъ грозныя очи боярина. Но сверхъ чаянія тотъ и словомъ не обмолвился и только вторично спросилъ счетчика: «всѣ ли теперь на мѣстѣ?» Получивъ утвердительный отвѣтъ позвалъ къ себѣ Спирьку и съ нимъ вмѣстѣ пошелъ къ выходу. Минуту спустя раздался страшный трескъ и страшная волна воды ворвалась въ шахты. Затряслись подпорки, вздрогнули семи-аршинные забой, ахнули рабочіе и бросились къ выходу. Но въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ раньше подымался люкъ, чернѣла страшная бездонная яма. Что случилось, никто не могъ понять,—заметались несчастные во всѣ стороны, но нигдѣ не было спасенья, кругомъ скалы и камень. Бросились назадъ, а туда подойти ужъ нельзя, сѣрмя, грязныя волны воды, словно выбрасываемыя изъ ко-

лодца окатили ихъ съ ногъ до головы. И тутъ поняли они, что нѣтъ имъ спасенья. Душу раздирающій крикъ вырвался изъ груди трехсотъ, отчаявшихся въ спасеньи людей и замеръ. Таинственная шахта стала для нихъ могилой.

Прошло нѣсколько дней, пріѣхали чиновники, начался допросъ, но не было ужъ въ живыхъ такого человѣка, который зналъ бы все доподлинно. Узнали лишь, что была, молъ, шахта, да видно попустилъ Богъ и всѣ рабочіе погибли въ ней. Пошли посмотри́ть. Громадная черная яма, наполненная мутной, грязной водой покрыла всѣ слѣды и какъ не бились чиновники, такъ ни съ чѣмъ и поѣхали. Только старшій изъ нихъ, когда Демидовъ на прощаніе просилъ откушать хлѣбъ-соль, глядя прямо въ очи боярину, сурово молвилъ: «что много молъ душъ предстало предъ Господомъ Богомъ сразу, и что тяжело будетъ на томъ свѣтѣ тому, кто былъ виновникомъ ихъ гибели». Но суровый бояринъ глазомъ не моргнулъ, только ласково просить къ столу. Махнулъ на его просьбу рукой старый чиновникъ и велѣлъ немедленно готовить коней. Такъ и уѣхали они ни съ чѣмъ. Что было дальше не знаю, но ходятъ слухи, что когда бояринъ пріѣхалъ въ Петербургъ и устроилъ по обыкновенію своему роскошный балъ, то какъ нежданъ всю ночь онъ гостей, никто такъ и не былъ. Встрѣтилъ было бояринъ одного хорошо

знакомаго, чуть не друга князя, обрадовался что узнаеть причину немилости къ нему, подбѣжалъ къ князю съ протянутой рукой, да тотъ, окинувъ его своимъ взглядомъ съ ногъ до головы, и руки не подалъ и на глазахъ того заложилъ ихъ за спину. Не стерпѣлъ этой обиды бояринъ, закипѣла въ немъ кровь, ударила въ голову, посинѣлъ вдругъ весь и, словно свинцомъ налитый, брякнулся о мостовую. Отвезли домой, позвали врача, тотъ взглянулъ и объявилъ, что боярина стукнула кондрашка. Такъ кончилъ свою жизнь бояринъ и отправился держать судъ предъ Всевышнимъ. И вотъ, съ той поры ходитъ слухъ, что каждый годъ, въ урочный день, лишь пробьетъ полночь изъ шахты той слышится плачь и стоны и чей-то страшный крикъ, похожій на тотъ, когда рѣжутъ кого.

Благодаря занимательному разсказу, въ умѣлой передачѣ батюшки, мы незамѣтно стали приближаться къ Тюмени. Въ окно сталъ врываться вечерній, холодный воздухъ, показались звѣзды на молочно-голубомъ фонѣ неба и таинственная ночь надвигалась на насъ. Въ три часа утра насъ разбудилъ крикъ кондуктора, — оказалось, мы были ужъ въ Тюмени. Полусонные, словно разбитые потащились мы къ виднѣвшемуся вокзалу, имѣя одно желаніе, во что бы-то ни было и гдѣ бы ни было, выспаться. Залъ второго класса оказался полный, такъ что присѣсть нельзя

было, не то что заснуть. Поговоривъ съ дежурнымъ агентомъ, который оказался очень любезнымъ, и узнавъ мой маршрутъ посоветовалъ мнѣ немедленно ѣхать на пристань и помѣститься въ паровой каютѣ. Пароходъ же, отправляющійся завтра въ Тобольскъ мнѣ всякій укажетъ на пристани. Поблагодаривъ обязательнаго железнодорожнаго чиновника, я послѣдовалъ его совету. Извозчика найти было не трудно, уложить небольшіе свои пожитки еще легче; и не далѣе какъ черезъ пять минутъ я ѣхалъ къ пристани по улицамъ темнымъ, неровнымъ со всевозможными закоулками. По дорогѣ я вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ, что въ городѣ не безопасно отъ воровъ, которые нахально срываютъ даже цѣнные шапки съ прохожихъ; при этой мысли я крѣпче натянулъ на себя шляпу, хотя она была въ глазахъ, даже самыхъ скромныхъ жуликовъ очень безцѣнной. Къ моему счастью оказалось все такъ, какъ говорилъ начальникъ станціи. На пристани былъ пароходъ, въ полдень на слѣдующій день отправлявшійся въ Тобольскъ. Разбудивъ приказчика и переговоривъ съ нимъ, я черезъ десять минутъ лежалъ на довольно мягкомъ диванѣ, въ каютѣ второго класса. Но при всемъ моемъ желаніи уснуть, несмотря на то, что глаза сами собой смыкались, я не могъ: клопы, словно бѣшенныя собаки, стадами нападали на меня и черезъ

нѣсколько минутъ вся каюта наполнилась характернымъ запахомъ ихъ. Дождавшись кое-какъ утра я съ рѣшительнымъ намѣреніемъ больше въ ней не спать отправился къ капитану просить какую-нибудь лучшую каюту. До сихъ поръ, благодаря счастливой случайности, на своемъ пути встрѣчалъ я все людей интеллигентныхъ и вѣжливыхъ, но такъ какъ ничто не бываетъ вѣчно подъ луной, такъ и со мной случилась невзгода. Капитанъ былъ молоканиномъ и, какъ впоследствии оказалось, грубымъ, съ утра до вечера пьянымъ. На мою просьбу онъ рѣзко бросилъ мнѣ, что пароходъ не гостиница и не для удобствъ, а для передвиженій и никакихъ кромѣ тѣхъ каютъ, что я уже видѣлъ, у него нѣтъ, при чемъ посоветовалъ мнѣ намазаться на ночь репейнымъ масломъ, запахъ котораго невыносимъ для клоповъ. Видя себя во власти новаго Аннибала и не желая на первыхъ порахъ ссориться и тѣмъ болѣе вооружать его противъ себя, я рѣшился смиренно переносить всѣ мытарства, философски утѣшая себя, что не вѣчно же мнѣ такъ маяться. Къ 12 часамъ собрались всѣ пассажиры и въ половинѣ перваго пароходъ двинулся по Тоболу.

Глазамъ открылась чудная панорама: зеленые со всевозможными цвѣтами луга приковывали взоръ; въ воздухѣ такъ и носился чудный ароматъ левкоя и незабудокъ. Послѣ продолжительнаго путешествія въ желѣзно-

дорожныхъ вагонахъ, быть на палубѣ и чувствовать себя со всѣхъ сторонъ доступнымъ свѣжему воздуху есть своего рода счастье. Пароходъ, шедшій сначала тихо, сталъ все скорѣе развивать силу и черезъ какой-нибудь часъ, мы неслись на всѣхъ парахъ. Сознаюсь, что глядя на невзрачный видъ моего пароходика, я никогда не допускалъ въ немъ рѣзвости.

Человѣкъ легко свыкается и сживается, если необходимо, съ вещами въ иныхъ случаяхъ недопустимыми. Такъ было и со мною: черезъ нѣсколько дней я привыкъ къ клопамъ, къ грязи и ужасно неряшливому повару, приготовлявшему намъ невозможныя блюда, то недожаренныя, то пережаренныя, какъ уголь. Всѣ эти маленькія непріятности съ лихвой вознаграждала чудная природа. Прекрасный, свѣжій, блѣдно-синеватый воздухъ проникалъ во всѣ мускулы, ласкалъ нервы и человѣкъ не раздражился-бы даже и при болѣе крупныхъ непріятностяхъ, а ихъ было довольно. Главный мучитель всѣхъ насъ, не говоря уже о капитанѣ, былъ какой-то отставной чиновникъ, вѣчно пьяный, дерзкій, безъ всякой церемоніи, нахально присаживавшійся къ столу кого-бы то ни было и распоряжавшійся, какъ хозяинъ. Не разъ замѣчали ему всю безтактность его поступковъ, на что онъ, прошедшій вѣрно высшую школу наглости замѣчалъ:

— Э, батеньки, если я не попрошу у васъ

или другого, то что мнѣ дѣлать, съ голоду, что ли, прикажете помирать: виновать ли я, что чувствую слабость къ Бахусу; я вѣдь своего рода неврастеникъ, вообще ненормальный человѣкъ и ваши щепетильные взгляды на порядочность положительно меня не трогаютъ. Я могу подчиниться одному лишь насилію, но и то не безропотно, я буду защищаться до послѣдней возможности, а связанный я вамъ буду подавать такія реплики, что вашъ Максимъ Горькій, со всѣмъ его босяцкимъ міркомъ, щенокъ въ сравненіи со мной.

И вотъ, благодаря этому субъекту, мы испытывали скверныя минуты. Капитанъ, будучи одного поля ягода съ нимъ, втихомолку ему сочувствовалъ и не разъ намъ приходилось видѣть ночью ихъ въ совмѣстной комнатѣ, уже полупьяными за бутылкой вина. За то чудная картина природы вознаграждала насъ за всѣ скорбныя минуты. Тоболь очень красивая и довольно широкая рѣка, прозрачность его водъ изумительная, на глубинѣ нѣсколькихъ сажень видна самая мелкая рыбка. Дно его песчанно и иногда попадаются очень красивые разноцвѣтные камни. Проѣхавъ около 300 верстъ отъ Тюмени, намъ стали попадаться прежніе владѣтели этихъ земель—остяки. Въ легкихъ, быстрыхъ, какъ сами волны, узенькихъ лодкахъ они легко догоняли пароходъ, на всемъ его ходу, успѣвали прицѣпиться къ борту

и влѣзть на палубу. Это бѣдный, если не нищій народъ; смуглолицые съ длинными волосами, связанными у нѣкоторыхъ на макушкѣ вродѣ хвоста, почти нагіе они производили тяжелое впечатлѣніе, всѣ они жадно просили чернаго хлѣба, предлагая взаменъ его всевозможную рыбу, начиная отъ осетра, стерляди и кончая окунемъ и плотвой. Многіе изъ пассажировъ, будучи тронуты ихъ бѣдностью, дарили ихъ, кто чѣмъ могъ. Нужно было видѣть радость этихъ дѣтей природы. Они считаются христіанами, но потихоньку молятся своимъ старымъ богамъ. Общій типъ ихъ лица имѣетъ много сходства съ монгольскимъ. Говорятъ, что они когда-то были людоедами, но это должно быть было очень давно, иначе воспоминаніе объ этомъ не утратилось-бы между ними. Питаются они единственно рыбой, разнообразя свой столъ лѣтомъ водяной птицей, какъ-то: утками, гусями, лебедями и водяными курочками,—кстати, скажу водяной птицы, видимо—невидимо. Спугнутыя стада гусей и лебедей поднимаютъ иногда такой шумъ крыльями, что стукъ пароходнаго винта положительно не слышенъ.

Пароходъ сталъ приближаться къ Тобольску и чаще стали попадаться деревни. Урмань, до сихъ поръ густой, непроходимый, сталъ больше и больше рѣдѣть, начиная быть похожимъ на наши подгородные лѣса. Вотъ и пристань видна; черезъ часъ не болѣе и мы въ Тобольскѣ.

Приближаясь все ближе къ городу, взоръ нашъ приковывался къ какой-то сѣрой громадѣ, которая въ послѣдствіи оказалась громаднымъ памятникомъ Ермаку. Весь вылитый изъ чугуна онъ представляетъ его во весь ростъ, въ кольчугѣ со щитомъ и мечемъ, корпусъ его немного откинутъ назадъ и правая нога выдвинута,—словно, уставъ отъ пройденнаго пути, остановился завоеватель отдохнуть, но въ позѣ, готовой каждую минуту ринуться на врага. Тобольскъ представляетъ изъ себя довольно значительный губернской городъ хоть каменныхъ домовъ въ немъ не Богъ вѣсть сколько; самые большіе изъ нихъ заняты подъ правительственныя мѣста. Обращаютъ вниманіе двѣ каторжныя тюрьмы, такъ называемыя централы; къ сожалѣнію, онѣ всегда полны. Здѣсь содержатся больше долгосрочные каторжники, отбывая срокъ испытанія. Случаются частыя побѣги, но большей частью неудачныя. Тюремная администрація до того бдительна, что иногда съ одного взгляда для посторонняго зрителя, ничего не значущаго, брошеннаго неосторожно арестантомъ на будущее мѣсто побѣга, достаточно ей, чтобъ обратить на него свое особенное вниманіе. Въ 1901 году случился грандіозный побѣгъ. Нѣсколько тяжкихъ преступниковъ, всѣ почти безсрочные, сговорились бѣжать изъ тюрьмы. Осмотрѣвшись и сообразивши, они пришли къ заключенію, что

единственное удобное мѣсто для подготовки представляетъ изъ себя арестантская баня. Началася работа: каждый день одинъ изъ арестантовъ потихоньку проскользалъ въ баню и, забравшись подъ полъ, доска котораго была предварительно общими силами оторвана, копался, какъ кротъ. Подкопъ шель удачно, хотя объ немъ уже знала половина тюрьмы, но страхъ ужасной мести сдерживалъ, быть можетъ, не одного арестанта, желавшаго прислужиться тюремному начальству. Даже если-бъ начальство его и сохранило въ своей тюрьмѣ, то вѣдь не вѣчно ему быть въ одной и той же!

Подобное фискальство съ быстротой молнии разносится арестантами по всѣмъ тюрьмамъ и имя такого арестанта запоминается съ невыразимой ненавистью и даже арестанты, не имѣвшіе ничего общаго съ тѣмъ побѣгомъ, который онъ сфискалилъ, съ удовольствіемъ, при первомъ случаѣ убьютъ его. Подобныхъ случаевъ было тысячи и начальство, несмотря на всѣ мѣры, бессильно защитить такую жертву. И вотъ, благодаря этому страху, подкопъ безпрепятственно со стороны арестантовъ подвигался къ концу. Въ особенности приходилось остерегаться одного стараго надзирателя, прослужившаго тридцать лѣтъ по тюрьмамъ. Онъ зналъ всѣ арестантскія хитрости и не одинъ подкопъ, благодаря ему, обнаружился и былъ замѣченъ. Къ счастью ихъ онъ

былъ нездоровъ и его замѣнилъ не столь дальновидный надзиратель. Но все таки приходилось спѣшить. Лихорадочно принялись арестанты за окончаніе; осталось еще какихъ--нибудь два аршина, за которыми ихъ ожидала воля. А тамъ счастливая минута, удобный поворотъ часового, а по счастью и дремота и... дорогая, оплакиваемая не въ одну долгую ночь, чудная воля. Чѣмъ ближе, приближался побѣгъ къ концу—тѣмъ блѣднѣе, таинственнѣй становились лица арестантовъ. Знали они хорошо, что въ случаѣ неудачи не видать имъ больше тюрьмы. Ожесточенные частыми побѣгами караульные солдаты, которымъ приходилось строго за это отвѣчать, не пощадаютъ ихъ и для примѣра острастки другимъ, если не убьютъ совсѣмъ, то и не долгими жильцами оставляютъ на свѣтѣ. Вотъ почему дѣло выходило роковымъ. Или панъ,--какъ говорятъ,--или пропалъ. О дальнѣйшемъ они не думали,—что они будутъ дѣлать на волѣ, какъ жить, гдѣ скрывать? Эти легкомысленные, большей частью поверхностные люди жили настоящей минутой, заглядывать въ далекое будущее было не въ ихъ характерѣ,—лишь бы тутъ прошло, а тамъ Богъ дастъ. Но что удивительно, что люди, собирающіеся на побѣгъ, удача котораго въ дальнѣйшемъ влечетъ за собой кражи, грабежи и убійства, просятъ въ усердныхъ молитвахъ о ниспосланіи удачи. Съ одной сто-

роны, какъ мнѣ приходилось подмѣчать, у нихъ сильно развито чувство нигилизма невычитанное, нѣтъ,—большая половина ихъ даже читать не умѣетъ, а врожденное, уложившееся въ нихъ подъ впечатлѣніемъ окружающей ихъ жизни, и тѣхъ теченій, которыя, хоть не имѣли въ себѣ ничего осязательнаго, но все таки были настолько сильны, что толкнули впослѣдствіи на путь преступленія. Наконецъ, подкопъ готовъ. Сердца участниковъ побѣга усиленно начинаютъ биться. Блѣдные, внимательные ко всякому пустяку ходятъ они изъ угла въ уголъ. У нѣкоторыхъ является роковая мысль: а ну, если о подкопѣ все начальство уже знаетъ и только нарочно ожидаетъ, чтобы поймать всѣхъ на мѣстѣ преступленія. Чѣмъ больше эта мысль укрѣпляется въ головѣ, тѣмъ больнѣе сжимается сердце, тѣмъ подозрительнѣй впиваются они глазами въ лицо всякаго надзирателя, желая въ немъ что-нибудь прочесть, относящееся къ подкопу. Но спокойны лица надзирателей; долгіе годы въ тюрьмѣ обезцвѣтили ихъ и словно каменные истуканы стоятъ они свои часы и трудно, если не невозможно прочесть на нихъ что-нибудь, даже и тогда еслибъ они и знали. Одинъ изъ арестантовъ даже съ солдатомъ—часовымъ завелъ разговоръ, угостилъ его папиросой, надѣясь авось что-нибудь вывѣдать. Но нѣтъ, ничего не подтверждаетъ страшнаго подозрѣнія. Дастъ

Богъ все сойдетъ благополучно и блѣдной, нервной рукой арестантъ осторожно кладетъ на себя крестное знаменіе. Приближается вечеръ, возбужденіе не только участниковъ побѣга, но вообще всѣхъ арестантовъ дошло до высшей степени, слышно какъ въ обширной камерѣ, гдѣ находится двадцать или тридцать арестантовъ, бьется у каждого сердце. А ночь, словно нарочно выпала темная, какъ могила, словно само небо сжалилось и вняло молитвамъ грѣшниковъ. Въ пяти шагахъ ничего не видать. А тутъ еще пошелъ дождикъ,—благодать да и только. Вотъ коридорные часы пробили одиннадцать. Что жъ такъ долго тянутъ они, мелькаетъ въ головѣ прочихъ арестантовъ, неужели пропустятъ такую ночь, ну тогда они положительно трусы. А еще хвастались: я да я, чуть за луну не хватались, а тутъ въ дѣлѣ бабами оказались. А въ камерѣ, собиравшейся бѣжать, совсѣмъ другое. Тихо кругомъ, только изрѣдка перекинутся нѣсколькими словами сосѣди по кроватямъ, да и то о ничего незнающихъ вещахъ. Одинъ ожидаетъ письма изъ дому, другой надѣется, что скоро его освободятъ въ вольную команду. Всѣ эти разговоры, велись нарочно для отвода глазъ надзирателя, который нѣтъ, нѣтъ да и подойдетъ послушаетъ, что, молъ, ребята межъ собой толкуютъ. Такіе невинные разговоры наполовину усыпляютъ бдительность стража. Но часъ приближается, лихорадочная

дрожь пробѣгаетъ по тѣлу арестантовъ подъ сѣрыми одѣялами. А ну, если неудача, неужели такъ и помирать надо? И мозги, словно съ удовольствіемъ разрабатываютъ дальнюю возможную картину. Вотъ только они показали головы, какъ грозное: «Стой, ни съ мѣста» словно громомъ поражаетъ ихъ. Что тогда дѣлать, мелькаетъ въ умѣ арестантовъ: вылезать ли туда, гдѣ они ожидали воли, а теперь ожидаютъ ихъ побой, или ползти назадъ, подкопать въ камеру; но если подкопъ выдастъ, то вѣдь извѣстно куда онъ идетъ и любой надзиратель пырнетъ саблей въ щель коридорнаго пола, и не того, то другого, но все таки кого-нибудь да пригвоздитъ. Но прочь страхи. Волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить. Да и срамъ какой будетъ предъ всѣми арестантами, если все теперь бросить, глазъ нельзя будетъ показать. Рѣшено. Медленно, словно тѣни скользить одинъ за другимъ подъ кровать, не торопясь, ожидая очереди спускается подъ полъ; времени много, торопиться некуда, — малѣйшій стукъ и все пропало. Надзиратель не поймаетъ — на кроватяхъ подъ одѣялами остались чучела, пока ихъ хватятся, они будутъ Богъ вѣсть гдѣ. Реветъ вѣтеръ. Темно кругомъ, хлещетъ дождь, какъ изъ ведра, жутко становится на сердцѣ у всякаго въ эту темную непроглядную ночь, грусть сжимаетъ сердце. Тоскливо стоитъ на часахъ часовой, грустно и ему, вспомни-

лась родина, родимая избушка. Спятъ, думаетъ онъ, теперь они дома, а маткѣ поди и во снѣ снится все дорогой, ненаглядный сынокъ, любимый былъ онъ у нея и вотъ пришлось разстаться. Сколько слезъ, сколько стонувъ было, какъ металась она бѣдная. И при прощаньи словно безъ памяти повисла она на груди сына, не хотѣла его отдать чужимъ людямъ. Да, на все Божья воля. Служба не такъ теперь страшна, не то что прежде, хорошо будешь служить и унтера получишь и съ нашивками и съ галуномъ домой прійдешь, все не такой почетъ, какъ простому солдату. Вотъ эти только тюремные караулы донимають, часто случаются побѣги и много часовыхъ за нихъ подъ судъ пошло.— Помилуй Богъ, шепчетъ блѣдными губами часовой, испуганный одной лишь мыслей объ нихъ и дрожащая рука тянется къ крестному знамени... Тррр... что-то стукнуло около самой будки и рука часового, не докончивъ крестнаго знамени безсильно повисла. Холодная, какъ ледъ, дрожь пробѣжала по спинѣ: неужели арестанты, неужели побѣгъ? Отшатнулся онъ отъ будки судорожно сжалъ ружье въ рукахъ и впился испуганнымъ взоромъ въ непроглядную темноту. Что это за тѣнь, около самой стѣны, никакъ ея раньше не было, вѣрно тутъ есть что-то? Боже, спаси, помилуй, шепчетъ бѣдняга и, собравшись съ духомъ, по направлению подозрительной тѣни, крикнулъ: кто

туть, стрѣлять буду!.. Шарахнулась тѣнь отъ стѣны и ясно ужъ видно было, что человѣческая она.—Стой!.. еще разъ крикнулъ часовой и поднялъ ружье на прицѣлъ по тѣни. Но вмѣсто отвѣта послышался топотъ ногъ... Бумъ... Бумъ... Бумъ... слились сразу три выстрѣла.—Сюда, сюда!.. послышался крикъ часового. Бумъ... бумъ... вторили этому крику выстрѣлы сосѣднихъ часовыхъ.

Вся тюрьма поднялась на ноги. Послышался топотъ, бѣгущихъ солдатъ и надзирателя.

— Гдѣ, что?!..послышались вопросы. Часовой № 1, кричалъ и выстрѣлъ оттуда. Но вдругъ, оглушая все, раздался крикъ внутри тюремной ограды.—Караулъ!—сюда, кара — уль!... Метнулись солдаты въ сторону и словно въ атаку, свѣсивъ ихъ бросились назадъ въ тюрьму.

Крикъ раздавался изъ коридора. Бросились туда. Мертвый отъ страха и блѣдный, какъ полотно, съ револьверомъ въ рукахъ встрѣтилъ ихъ надзиратель.—Вотъ тутъ, тутъ съ этой камеры, было все спокойно... думалъ что спать... Отошелъ. Пришелъ назадъ, темно. Крикнулъ, не отзываются; присмотрѣлся и вижу: нѣтъ никого на кроватяхъ... дрожа и не попадая зубъ на зубъ передавалъ надзиратель, обступившимъ его солдатамъ. Принесли ключи, но не успѣли еще войти, какъ прибѣжалъ блѣдный, испуганный солдатъ, крича во весь духъ: подкопъ!... Нашли около часового за будкой № 1...

Громадная такая яма... во... о... разводилъ онъ руками.

Вошли въ камеру, осмотрѣли, оказалось что всѣ арестанты бѣжали, счетомъ четырнадцать человекъ. Поднялся невообразимый шумъ, крикъ. Одинъ кричитъ искать въ оградѣ, другой, что всѣ ушли подкопомъ, всякъ свое. Кинулись на улицу, но тутъ такая темнота, что лбами сталкивались. Не помогали и фонари. Показался начальникъ тюрьмы испуганный, застегивая на ходу тужурку, бѣжалъ онъ навстрѣчу фонарямъ.

— Что такое, что случилось? — спросилъ онъ перваго попавшагося солдата. Тотъ, узнавъ начальника, вытянувшись въ струнку, доложилъ о побѣгѣ и о найденномъ подкопѣ.

Отправились на мѣсто. Дѣйствительно около самой будки, съ лѣвой глухой стороны зіяла довольно большая яма, около нея лежали арестанскіе коты.

Назначили сейчасъ погоню. Надзиратель поскакалъ въ полицію уведомить о побѣгѣ. Тамъ тоже нарядили погоню. Черезъ часъ весь городъ уже зналъ о побѣгѣ. И всѣ, такъ или иначе, принимали участіе въ немъ. Сначала удавшійся побѣгъ, грустно окончился вполсѣдствіи.

Преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ бѣглецы принуждены были итти въ тайгу. Тутъ еще начались холодные дни, пошли дожди. Со страху, во время побѣга, бѣглецы растеряли большую половину приготовленной прови-

зи, нѣкоторые растеряли и коты. Холодъ и голодъ, незнаніе мѣстности изнурили въ конецъ несчастныхъ. И, пренебрегая опасностью, ночью пришли они въ деревню въ надеждѣ чѣмъ-нибудь поживиться. Въ деревняхъ же вездѣ было извѣстно о побѣгѣ и каждую ночь назначались патрули.

На такой-то патруль наткнулись бѣглецы. Спротивленіе было невысказано: безоружные, голодные, обезсилѣвшіе въ конецъ, они слабо защищались при поимкѣ. Черезъ пятнадцать дней избитые, связанные попарно на телѣгѣ были привезены они обратно въ Тобольскъ. Погоня за волей не удалась, хотя духъ нѣкоторыхъ, въ больницѣ, оставивъ тѣло въ неволѣ понесся, несмотря ни на какія приказанія, вольно въ высь голубого неба.

Этотъ грустный разсказъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Онъ доказалъ мнѣ, какъ дорога воля, даже тѣмъ, которые, быть можетъ, не одинъ разъ на ней голодали и не досыпали. Рискую жизнью и здоровьемъ, эти несчастные ставили все что имѣли на карту, лишь бы вновь ее вернуть.

Городъ Тобольскъ самъ по себѣ мало интересенъ: обыкновенный сибирскій городъ безъ всякихъ особенныхъ достопримѣчательностей. Есть въ немъ музей съ разными отдѣлами, но всѣ касаются мѣстныхъ рѣдкостей притомъ все это въ микроскопическихъ размѣрахъ. Ули-

цы довольно ровныя; самъ городъ расположенъ на равнинѣ, дома по большей части деревянные, есть и городской садъ, навѣщаемый публикой по праздникамъ.

Пароходъ нашъ отправлялся въ среду двадцать перваго іюля, въ пять часовъ утра дальше, къ Томску.

Въ десять часовъ вечера я былъ въ каютѣ и съ удовольствіемъ растянулся на кровати; цѣлый день съ самага утра я былъ на ногахъ и успѣлъ обойти, а гдѣ объѣхать весь городъ. Голова, переполненная новыми впечатлѣніями и новыми взглядами на жизнь требовала отдыха.

Не успѣло пройти нѣсколько минутъ, какъ божекъ сна коснулся своимъ крыломъ меня и я заснулъ крѣпкимъ бодрящимъ сномъ, тѣмъ сномъ, который такъ хорошо извѣстенъ рабочимъ послѣ трудового дня.

Утромъ въ шесть часовъ разбудилъ меня пароходный свистокъ; все было ужъ готово къ отправкѣ, ожидали только одного пассажира, именно того, который мучилъ насъ всю дорогу своимъ нахальнымъ поведеніемъ.

Правду сказать, я предполагаю и прочіе пассажиры были рады случаю, кончавшему непріятное дальнѣйшее совмѣстное путешествіе.

Капитанъ рѣшилъ ждать его еще часъ, а именно до семи и, если онъ не явится до

этого времени, то, оставивъ его вещи въ конторѣ парходнаго агента, отправиться безъ него въ путь.

Прошелъ часъ: никто не являлся. Капитанъ отдалъ приказаніе. Раздался свистокъ. Дрогнулъ парходъ и винтъ, плавно разсѣкая воду быстро заработалъ,

Лѣвая сторона Иртыша сплошь усѣяна довольно высокими горами, покрытыми вѣчной, непроходимой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тайгой; правая сторона покрыта тростникомъ, а мѣстами лугами; на этой сторонѣ попадаются русскія деревни, дальше-же встрѣчаются деревни изрѣдка, да и то только остяковъ или татаръ; вообще лучшія мѣста принадлежатъ русскимъ.

Попадаютъ и довольно обширныя деревни скорѣе похожія на маленькіе уѣздные города, чѣмъ поселки. Усть-Ишимское и Слободчиково положительно ни въ чемъ имъ не уступаютъ. Видно также и относительное благосостояніе ихъ: громадныя стада рогатого скота попадаютъ на каждомъ шагу, обширныя луга, огороженные со всѣхъ сторонъ изгородью, предназначаются для нихъ лѣтомъ, а на зиму крестьяне заготовляютъ въ огромномъ количествѣ сѣно, не такъ какъ сосѣди ихъ—инородцы, у которыхъ скотъ принужденъ круглый годъ искать самъ себѣ кормъ. Зимой, когда выпадаетъ глубокой снѣгъ, эти бѣдныя животныя просто выби-

ваются изъ силъ, добывая его; у такихъ животныхъ приходится часто видѣть обезображенные, распухшія ноги, а часто и вовсе безъ копытъ.

Разбивая копытомъ снѣгъ и стараясь добраться до травы голодная животныя калѣчатъ себя. Нечего говорить о разницѣ между однимъ и другимъ скотомъ.

Пароходъ быстро идетъ, останавливаясь лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ необходимо было набрать дровъ. Широкій, мрачный Иртышъ самъ по себѣ наводитъ грусть: темныя сѣро-грязныя волны не могутъ веселить взоръ, только одни довольно живописные берега сглаживаютъ общее впечатлѣніе.

Показалась Тара—уѣздный городъ Тобольской губерніи. Расположенъ онъ на лѣвой сторонѣ Иртыша.

Какъ я не искалъ, ничего въ немъ не нашелъ занимательнаго, интереснаго,—просто бѣдненькій уѣздный городишко, несмотря на то, что въ немъ живетъ нѣсколько миллионеровъ, какъ то: Щербаковы, Пятковы, Калезниковы; есть и музей, но въ немъ я только замѣтилъ скелетъ мамонта и то неполный.

Въ городѣ много административно-ссылныхъ, вліяніе которыхъ сказывается на населеніи: пьянство и азартныя игры—обыкновенное времяпрепровожденіе его.

Жизненные продукты, за неимѣніемъ ихъ сбыта, неслыханно дешевы. За четыре рубля

въ мѣсяцъ можно имѣть комнату со всѣмъ, довольно приличнымъ содержаніемъ; фунтъ мяса стоитъ отъ 2—5 копеекъ, пудъ муки 25—30 к., рабочія руки тоже безцѣнны, да къ тому же и работы мало. Развѣ только лѣтомъ—въ жнитво, тогда хорошему рабочему платятъ отъ 40—60 копеекъ, а женщинамъ отъ 20—40 копеекъ.

Въ общемъ городъ Тара сѣренькій и почти незамѣтный.

Я радостно вздохнулъ, когда пароходъ отправился дальше. Тѣ же картины замелькали предъ нами, тѣ же огромныя горы, покрытыя лѣсомъ съ рѣдко попадавшимися на склонахъ ихъ селами.

Однажды, во время обѣда прибѣжалъ запыхавшійся матросъ, крича во все горло: «медвѣдь! медвѣдь!» Мы сразу не поняли въ чемъ дѣло, нѣкоторые подумали даже, что медвѣдь забрался на пароходъ и не на шутку испугались.

Сообразивъ, наконецъ, мы бросились наверхъ. Дѣйствительно на правой сторонѣ Иртыша, вблизи довольно высокой горы, на зеленой лужайкѣ играли два маленькихъ медвѣдя, а медвѣдица, сидѣвшая поодаль, наблюдала за своими дѣтьми.

При видѣ этого, во мнѣ проснулся охотничій духъ, я бросился въ свою каюту, схватилъ всегда заряженное ружье и въ одну минуту былъ наверху; медвѣжата и медвѣдица словно не обращали никакого внима-

нія на пароходъ и на стоящихъ на немъ людей. Въ первую минуту пароходъ былъ очень близко, но пока матросъ разсмотрѣлъ ихъ и пока далъ намъ знать онъ отошелъ отъ нихъ на довольно значительное разстояние. Лѣвый стволъ у меня былъ прекрасный, дальнобойній.—Винчестеръ къ тому же заряженный конической никелированной пулей. Я прицѣлился въ праваго медвѣженка, показавшагося мнѣ больше перваго. Грянулъ выстрѣлъ и медвѣженокъ, какъ-то смѣшно кувыркнувшись, забарахтался на травѣ. Медвѣдица, въ первую минуту бросившаяся бѣжать, оглянувшись и не видя одного изъ дѣтей, повернула назадъ и—прямо къ убитому; видимо сильно испуганная выстрѣломъ не спуская глазъ съ парохода, она какими-то странными боковыми скачками приблизилась къ нему. Толкнувъ нѣсколько разъ его мордой и лапами и, должно быть, замѣтивъ кровь она убѣдилась въ его смерти. Тряхнувъ головой и поднявъ одну лапу, она жалобно рывкнула: въ этомъ короткомъ, глухомъ ревѣ слышалось что-то болѣзненное, что-то напоминающее крикъ матери надъ мертвымъ ребенкомъ. Признаюсь, что подъ впечатлѣніемъ этого крика, я глубоко раскаивался въ своемъ поступкѣ и право безъ всякой рисовки, если бы я только могъ, то дорого бы заплатилъ, дабы вернуть его къ жизни. Но сдѣланнаго не воротишь. Слѣдовало хотя постараться, чтобъ убійство не было бы без-

полезнымъ и достать на бортъ медвѣженка. Капитанъ былъ свидѣтелемъ всей сцены, но въ послѣднюю минуту отозванный зачѣмъ-то боцманомъ сидѣлъ съ нимъ въ своей каютѣ. Не теряя времени я отправился къ нему въ каюту.

Первое время капитанъ ни за что не хотѣлъ остановиться, объясняя свой отказъ бесполезной тратой дровъ при всякихъ такихъ остановкахъ, но подкупленный обѣщаніемъ, что я подарю ему медвѣжьи окорока, оставя себѣ одну шкуру, согласился. Раздался рѣзкій, короткій остановочный свистокъ, пароходъ усиленно запыхтѣлъ и бокомъ сталъ приближаться къ берегу; черезъ пять минутъ была спущена лодка и я съ матросомъ, захвативъ на всякій случай ружье, отправился за медвѣженкомъ. Но каково было мое удивленіе, когда, дойдя до мѣста, я не увидалъ медвѣженка. Сразу я даже не могъ сообразить, куда онъ могъ дѣться, я даже посмотрѣлъ въ воду: не скатился ли онъ туда, но, понявъ всю неосновательность этого подозрѣнія, я сталъ осматривать окрестныя горы, но ничего не было видно,—песку не было, нѣтъ и слѣдовъ. Какъ же я изумился, когда возвращаясь ни съ чѣмъ на пароходъ, и предвкушая всѣ остроты, которыя посыпятся на меня въ каютѣ, я вдругъ около одного куста замѣтилъ мохнатую лапу.

Я замеръ на мѣстѣ: ну, если это медвѣдица. И только обойдя кустъ я сообразилъ,

что замѣченная лапа была гораздо меньше, чѣмъ у большого медвѣдя. Все это было дѣломъ одной минуты, я толкнулъ стволомъ въ кустъ, но все было тихо.

Тогда я стволомъ перевернулъ лапу, — ни движенія. Потерявъ терпѣніе я взялъ рукой за лапу и потянулъ мѣдвеженка изъ-подъ куста и тутъ только я замѣтилъ, что онъ былъ положительно мертвъ. Но какъ онъ попалъ туда, до сихъ поръ для меня загадка: былъ ли онъ только смертельно раненъ и имѣлъ силы доползти до куста, или же мать, вернувшись къ своему дѣтенышу и не желая оставлять его на виду у всѣхъ, оттащила его подъ кустъ.

Обрадованный находкой, я поспѣшилъ скорѣй къ пароходу. Медвѣженокъ оказался довольно внушительныхъ размѣровъ, вѣсомъ около двухъ съ половиною пудовъ. Осматривая его, я замѣтилъ на груди около лѣвой лопатки рану, залитую запекшейся черной кровью.

Эта рана была отъ моей пули и, конечно была смертельной, такъ какъ прошла черезъ все сердце, разрѣзавъ его пополамъ.

Обѣщаніе я исполнилъ: окорока получилъ капитанъ, а шкура у меня до сихъ поръ лежитъ подъ столомъ, какъ память давно миновавшихъ дней.

А пароходъ идетъ все впередъ.... Вотъ миновали мы станицу Саргатка, Куликово

и мы въ Омскѣ—въ столицѣ степного царства. Нѣсколько часовъ ничего недѣланія. Два, три просмотрѣнныхъ журнала и пароходъ запыхтѣлъ около Омской пристани. Весь городъ лежалъ передъ нами, какъ на ладони. Высокіе каменные дома и частыя церкви придавали ему грандіозный видъ. Здѣсь же кончалось мое рѣчное путешествіе и отсюда я долженъ былъ его продолжать до Срѣтенска по желѣзной дорогѣ.

Попрощавшись съ товарищами по пути и собравъ наскоро свои вещи, я нанялъ извозчика и поѣхалъ въ первую попавшуюся гостиницу, оказавшуюся довольно сносною.

Имѣя рекомендательное письмо къ одному довольно вліятельному лицу въ городѣ, побѣдавъ часа въ четыре, я отправился къ нему.

Жилъ онъ на одной изъ главныхъ улицъ и я безъ труда нашелъ его. Къ счастью онъ оказался дома и принялъ меня довольно любезно. Разспрашивая объ Россіи, о жизни въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ незамѣтно перешелъ къ описанію самаго Омска. Городъ этотъ довольно значительный и стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше Семипалатинска и Акмолинска. Земля очень плодородная, хотя мѣстное населеніе, состоящее изъ казаковъ, большей частью, плохо пользующихся ею, благодаря врожденной лѣни, перенятой отчасти отъ сосѣдей—киргизовъ. Городъ самъ по себѣ богатъ землями и домами; имѣетъ

два городскихъ сада, въ которыхъ иногда по праздникамъ устраиваютъ гуляніе съ платой въ пользу города; здѣсь же имѣется одинъ театръ.

Посреди города протекаетъ рѣчка Омка и дѣлитъ городъ на двѣ равныя стороны.

Громадное зданіе, выходящее на площадь такъ называемую Генераль-Губернаторскую, занято подъ Омскій кадетскій корпусъ. Одно неудобство въ томъ, что вокзалъ желѣзной дороги находится на разстояніи трехъ верстъ отъ города, вслѣдствіе чего городъ на свой счетъ провелъ вѣтку надъ самымъ Иртышемъ; къ несчастію поѣздъ по этой вѣткѣ не имѣетъ установленнаго расписанія и иногда запаздываетъ настолько, что пассажиры опаздываютъ къ Сибирскому поѣзду. Въ Омскѣ имѣется католическій костелъ, — повидимому въ городѣ много католиковъ. Главный начальникъ Степного Края, Генераль-Губернаторъ, постоянное мѣстожителство имѣетъ въ Омскѣ. Очень хорошее впечатлѣніе оставилъ во всемъ краѣ, ушедшій въ настоящее время на покой губернаторъ, баронъ Таубе.

За городомъ, въ отведенномъ специально для этого мѣстѣ, лѣтомъ происходятъ скачки съ призами. Скачутъ мальчики, и иногда проходятъ разстояніе въ срокъ не постыдный для столичныхъ скакуновъ. Главный недостатокъ этихъ лошадей, если только можно такъ назвать это то, что воспитываются онѣ на чистомъ воздухѣ, въ степяхъ и въ

конюшенной жизни сразу теряютъ быстроту и хирѣютъ.

Въ мѣстномъ управленіи служатъ чиновниками, и довольно важными, мѣстные киргизы, нѣкоторые изъ нихъ съ университетскимъ образованіемъ. Зимой бываетъ очень весело: не проходитъ дня, чтобъ не было гдѣ бала; для мужчинъ же зимой главное удовольствіе охота на лошадахъ за волками. Представьте себѣ чистую, какъ поверхность зеркала, степь, кой гдѣ, словно разсадники островками чернѣютъ рощи; и вотъ, собравшіеся охотники, держа на шнурѣ каждый по нѣсколько борзыхъ и волкодавовъ, растягиваются въ цѣпь, загонщики захватываютъ полукругомъ одну изъ рощицъ и по очереди выгоняютъ звѣря прямо въ лицо охотника. И рѣдко, почти что не слышно, чтобъ звѣрь могъ прорвать цѣпь и уйти невредимымъ: большей частью онъ падаетъ на половинѣ дороги до охотниковъ, загрызенный страшными волкодавами. Но бываютъ и критическіе случаи, когда жизнь охотника становится на карту и зависитъ отъ случайности. Это бываетъ рѣдко, но случается. Напримѣръ тронуть матерого волка, такъ называемаго князя ихняго,—хитрый и необычайно сильный онъ, услыхавъ шумъ, трескотню и крики, не глупѣетъ, какъ вообще глупѣетъ его меньшая братья, а, осмотрѣвшись кругомъ и сообразивъ опасность онъ не идетъ на охотника, а поворачиваетъ на

загонщиковъ и горе тому, кто не уступить ему дорогу: не успѣютъ сбѣжаться товарищи на помощь, какъ будетъ «не уступившій» лежать распластанный въ крови. Бываетъ такой случай съ охотникомъ: разгоряченный мчится онъ за такимъ звѣремъ и во что бы то ни стало хочетъ его остановить, но и звѣрь не простой какой, не дастся прямо въ руки, и вотъ измученный, видя передъ собой неминуемую гибель, присядетъ и, выставивъ страшные клыки противъ охотника, защелкаетъ, да такъ защелкаетъ, что у самага неробкаго выскользнетъ изъ рукъ плеть и смѣшаются поводья,—вотъ тутъ-то и опасность: вскочитъ звѣрь на грудь всадника,—пропалъ всадникъ, попадетъ волкъ подъ переднія ноги коня,—пропалъ волкъ. Опасность для обоихъ почти одинакова.

Вечеромъ въ пятницу, простившись съ радушнымъ акмолинцемъ, я сидѣлъ въ вагонѣ второго класса, отправлявшася въ Иркутскъ и дальше. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи раздался послѣдній звонокъ и поѣздъ понесся въ глубь Сибири. Измученный ходьбой по городу я сейчасъ же улегся и проспалъ нѣсколько станцій въ сущности ни для кого, кромѣ желѣзнодорожнаго начальства не интересныхъ. Проснулся я на станціи Каинскъ съ городомъ того же названія отлежащимъ отъ Омска на разстояніи 300 верстъ. Я заинтересовался городомъ и остановился, чему послѣ

раскаивался. Съ перваго взгляда я думалъ, что попалъ въ какой-нибудь пограничный польскій городъ, переполненный евреями. И въ дѣйствительности Каинскъ—это сибирскій Бердичевъ и не удивительно,—всѣхъ евреевъ административно ссыльныхъ приписываютъ къ нему, вслѣдствіе чего и получается какой-то Новый Сіонъ.

Въ общемъ «поселенцы» эти такъ работали мѣстныхъ крестьянъ, что крестьянинъ, поѣхавшій за какой-нибудь надобностью въ городъ, несказанно радъ, если вернется цѣль домой. Мнѣ рассказывалъ одинъ русскій нищій, что крестьяне, вообще вездѣ въ Сибири не отказывающіе никому въ подаяніи ради Христа, отказываютъ его въ окрестностяхъ Каинска, предполагая въ просящемъ жителя Каинска и, значитъ, мошенника. Въ городѣ есть винокуренный заводъ, принадлежащій бр. Ерофеевымъ, завидно работающій. Кражи до того часты, что знакомые, встрѣчаясь, первымъ долгомъ спрашиваютъ,—какъ относительно кражи, обворовали ли молъ, васъ, или нѣтъ?

Вечеромъ того же дня я катилъ дальше; замелькали снова станціи. Главная изъ нихъ между Каинскомъ и Томскомъ это Обь или Кривошекова по названію близъ лежащаго села, переименованнаго теперь въ уѣздный городъ Ново-Николаевскъ съ населеніемъ около тридцати тысячъ жителей. Главнымъ гвоздемъ въ созданіи этого города является

безспорно громадный желѣзный мостъ черезъ Обь, при постройкѣ котораго работало около 40,000людей, большей частью и поселившихся впоследствии вблизи его. Есть въ немъ двѣ церкви, полицейское правленіе, нѣсколько каменныхъ лавокъ и больше ничего.

На разстояніи шестидесяти верстъ отъ Ново-Николаевска расположена станція Паламошиное, замѣчательная только тѣмъ, что при земляныхъ работахъ здѣсь рабочіе наткнулись на полный скелетъ мамонта, прекрасно сохранившійся.

Скелетъ этотъ былъ пожертвованъ начальникомъ участка въ С.-Петербургскій Музей.

Вотъ, наконецъ, и станція Тайга, расположенная какъ разъ напротивъ г. Томска; инженеры, строя дорогу нашли неудобнымъ вести ее около самого Томска и провели въ 105 верстахъ отъ него, чѣмъ обойденные томичи понятно были крайне недовольны, тѣмъ болѣе что соединительную вѣтку отъ Томска до Тайги пришлось имъ строить на свой счетъ.

По этому поводу ходятъ разные слухи: одни твердятъ, что томичи чѣмъ-то прогнѣвали г.г. инженеровъ, другіе твердятъ другое,—вообще слухи, какъ слухи.

Мнѣ пришлось пересѣсть на другой поѣздъ, такъ какъ мой шелъ прямо въ Иркутскъ. Тутъ ходятъ спеціальные поѣзда. Черезъ три съ половиною часа я былъ въ

Томскѣ. Съ перваго взгляда онѣ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе своими городами: ни одной улицы, чтобъ не приходилось или въ концѣ, или въ началѣ подыматься.

Городъ разбросанъ невозможно и все больше и шире разрастается; по моему онѣ гораздо больше Иркутска, хотя нѣкоторые съ этимъ не соглашаются. Онѣ граничитъ съ веро-западной стороны съ Обью, центръ его пересѣкаетъ маленькая рѣчка подъ названіемъ Томь.

Въ городѣ пока нѣтъ никакихъ памятниковъ, кромѣ нерукотвореннаго, оставшагося въ памяти томичей по смерти таинственнаго старца Федора Кузьмича, слава о которомъ, какъ объ усердномъ молитвенникѣ за народъ и Русь, прогремѣла по всей Сибири, оставляя въ памяти глубоко врѣзавшееся воспоминаніе.

Въ городѣ много каменныхъ домовъ, хотя рядомъ съ ними попадаются и деревянные; одна только главная улица состоитъ изъ однихъ каменныхъ домовъ, по окраинамъ же всѣ почти деревянные.

Есть также университетъ, но къ сожалѣнію не могущій вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ, такъ что многимъ сибирякамъ приходится ѣхать доканчивать свое образованіе въ центральные російскіе города.

Утвержденъ и Техническій Институтъ, на что уже ассигновали сумму и постройка бли-

зится къ концу. Институтъ этотъ гораздо больше университета, хотя и онъ не маленькихъ размѣровъ.

Институту будутъ принадлежать до 10 громадныхъ зданій,—это грандіозное сооруженіе.

Жизнь въ Томскѣ довольно дешева, хотя квартиры, въ особенности въ каменныхъ домахъ дороговаты.

Рыба безусловно дешева, да и странно было бы драть съ покупателей, когда подъ носомъ такая рыбная рѣка, какъ Обь.

Въ Томскѣ сосредоточено Главное Управленіе Средне - Сибирской желѣзной дороги.

Сильное впечатлѣніе произвело на меня Вознесенское кладбище: представьте себѣ густой до непроходимости вѣковой паркъ,—чудная живительная тѣнь его прямо-таки спасаетъ путника въ горячій знойный день.

А соловьи? Перо мое слишкомъ слабо, чтобъ воздать имъ должное... Я слышалъ ихъ два раза и оба раза былъ словно очарованъ ими и вмѣсто получаса, назначеннаго мною для осмотра кладбища, пробылъ въ немъ около четырехъ и то, уходя жалко было разставаться.

Мнѣ приходилось слышать соловьевъ, но по истинѣ я ничего подобнаго не слыхалъ,—не спорю, быть можетъ на мои нервы вліяла обстановка.

Былъ я въ городскомъ музеѣ и вынесъ отъ него пріятное впечатлѣніе. Множество экспонентовъ, между которыми особенно об-

ращали на себя вниманіе ископаемые, между прочимъ остовъ мамонта, собранный прекрасно.

Главные средства музея—пожертвованья и, какъ видно, крупныя.

Вблизи Томска въ Маріинскомъ уѣздѣ находятся золотыя пріиски и осенью, при расчетѣ, городъ наполняется рабочими.

Пьянство, гармонія и безшабашный разгулъ кончаются только при полномъ банкротствѣ и вчерашніе гуляки, раздѣтые съ ногъ до головы, вновь нанимаются на круглый годъ на пріиски; отказывая на мѣстѣ въ самомъ необходимомъ себѣ, собираютъ въ кровавомъ потѣ лица нѣсколько сотенныхъ для будущаго разгула.

Въ двухстахъ верстахъ отъ Томска расположенъ городъ Маріинскъ, вѣрная копія Каинска,—та же грязь и тѣ же жида.

Мѣстные крестьяне пользуются дурной славой: грабежи, кражи, — не одинъ обозъ до проведенной Сибирской желѣзной дороги, не прошелъ мимо нихъ цѣлымъ.

Эти молодцы на ходу отрѣзаютъ тюки и сваливаютъ въ канаву, происходитъ это больше подъ утро, когда измученные ямщики, послѣ бдительно проведенной ночи, вздремнутъ.

Бываетъ что и весь возъ теряется съ лошадей, санями и товаромъ.

Въ Маріинскѣ живетъ до сихъ поръ крестьянинъ, пользующійся легендарной сла-

вой въ области обозныхъ кражъ. Имѣя быстраго скакуна, онъ отваживается на глазахъ путешественниковъ отрѣзать тюкъ, бросить въ сани и умчаться съ глазъ изумленныхъ такой дерзостью ямщиковъ.

Но если такой субъектъ попадаетъ имъ въ руки, то безусловно бываетъ убитъ.

У всякаго ямщика, спеціально для этой цѣли имѣется кистень.

Герои этихъ походовъ доходятъ иногда до виртуозности. Зимой, напримѣръ, чтобъ не быть замѣченнымъ, онъ одѣваетъ сверхъ одежды бѣлую, подъ цвѣтъ снѣга хламиду и ложится въ ровъ; самое острое зрѣніе не можетъ отличить его отъ снѣга и вотъ, выбравъ удобный тюкъ, онъ однимъ взмахомъ ножа отдѣляетъ его отъ веревокъ и, прикрывъ его кускомъ такого же холста, прячется снова въ ровъ и только когда пройдетъ обозъ къ нему подѣзжаетъ товарищъ, стоящій съ санями гдѣ-нибудь недалеко и оба увозятъ добычу.

Въ 140 верстахъ есть село Боготоль, около него озеро, при очисткѣ котораго въ немъ нашли нѣсколько дорожныхъ экипажей, остововъ лошадей, не говоря уже о массѣ человѣческихъ скелетовъ.

Вотъ почему, иногда, цѣлыми годами, ожидали въ далекой Россіи родного извѣстія о поѣхавшихъ въ Сибирь родственникахъ и не получали его.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги и съ судебной реформой это зло понемногу выводится, но еще далеко то время, когда, путешествующій по Сибири будетъ вполнѣ безопасенъ въ пути своемъ.

Показался Ачинскъ—уѣздный городъ Енисейской губерніи, ничѣмъ на него не похожій,—я встрѣчалъ въ той же Сибири гораздо красивѣе села.

Городъ этотъ отстоитъ отъ станціи въ четырехъ верстахъ.

Правая сторона его граничитъ съ одной изъ большихъ рѣкъ Сибири—Енисеемъ.

Енисей судоходная рѣка, впадающая въ Ледовитый океанъ, пароходы по немъ ходятъ вверхъ до Енисейска и внизъ до Минусинска.

Въ городѣ есть двѣ довольно порядочныя гостиницы «Метрополь» и «Россія».

На городской площади построень, иждивеніемъ одного очень богатаго красноярскаго купца громадный соборъ.

Говорятъ, что при постройкѣ его два раза трескалась стѣна и только послѣ третьяго раза по освященіи его, въ присутствіи епископа, храмъ былъ достроень.

1897 года злоумышленники, забравшись въ него похитили около 38000 руб. церковныхъ денегъ и скрылись.

Въ городѣ есть мужская и женская гимназія и духовная учительская семинарія.

Есть также довольно большой деревянный театр, а также городской садъ, въ которомъ устраиваютъ каждое воскресенье гулянье, — въ немъ помѣщается и мѣщанскій клубъ.

Опять земелькали предъ нами желѣзнодорожныя станціи: Иланская, Ключинская, Тайшетъ и станція Нижнеудинская съ городомъ того же названія Иркутской губерніи.

Городъ отстоитъ въ полуверстѣ отъ станціи и сильно похожъ на Каинскъ.

Станція Тулунъ по названію громадной, равняющейся любому княжеству, волости занимаетъ около 7000 кв. верстъ. Село Тулунъ гораздо больше и лучше четырехъ предыдущихъ уѣздныхъ городовъ, т. е. Каинска, Маріинска и т. д.

Волость эта въ настоящее время разбита на четыре, но и то каждая изъ нихъ очень велика.

Станція Черемуха по названію волости. Сама волость напоминаетъ собой городокъ довольно чистенькій; вблизи волости найдены богатая залежи каменнаго угля.

Наконецъ, мы въ Иркутскѣ. Первый брошенный взоръ и весь городъ на ладони.

Громадные каменные дома ничуть не уступаютъ россійскимъ.

Прямая, чистая, хорошо вымощенная улицы могутъ быть примѣромъ и для столицъ.

Иркутскъ — городъ сибирскихъ крезовъ, такъ величаютъ его по Сибири, считаетъ въ себѣ около 60,000 жителей и отъ Москвы отстоитъ на разстояніи 4984-хъ верстъ; справедливо его можно считать наилучшимъ городомъ Сибири.

Жизнь въ немъ не особенно дорога, хотя квартиры, какъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ, дороги.

Есть въ немъ двѣ мужскихъ и три женскихъ гимназіи, духовная семинарія и техническая школа.

Городъ имѣетъ хорошій каменный театръ, магазины, пассажи, ни въ чемъ не уступающіе столичнымъ.

Базаръ занимаетъ огромную площадь въ центрѣ города, тутъ же и толкучій рынокъ— родной братъ Хитрова, лишь съ той разницей, что старьевщики больше кавказцы, хотя попадаются и русскіе.

Но главное зло города — большое количество пролетаріата, понятно изъ ссыльныхъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ Сибири, кто за работой, а кто и за «безработной» наживой.

Одно время нельзя было по вечерамъ ходить даже по главнымъ улицамъ: какіе-то молодцы разѣзжая по городу ловили одиночныхъ пѣшеходовъ на арканъ и, втащивъ на сани, обирали до чиста; бывали при этомъ и несчастные случаи и, благодаря только

суровому приказу намѣстника. Генераль-Адъютанта Горемыкина, зло это было уничтожено.

Срываніе цѣнныхъ шапокъ до сихъ поръ практикуется.

Вырѣзыванье цѣлыхъ семействъ, несмотря на практикуемую смертную казнь, нѣтъ-нѣтъ да и случается.

При мнѣ вѣшали ссыльно-поселенца, киргиза Губайдулмена за убійство съ цѣлью ограбленія діакона Иннокентьевскаго монастыря, возвращавшагося изъ города въ монастырь, отстоящій въ трехъ верстахъ отъ Иркутска.

Съ разрѣшенія иркутскаго полицеймейстера я присутствовалъ на этой казни; казнь происходила въ стѣнахъ тюрьмы.

Пройдя черезъ массивныя желѣзныя ворота, я очутился на большомъ дворѣ; кой-гдѣ росли чахлыя, толщиною въ руку — березки, по сторонамъ двора высились мрачныя стѣны съ узенькими окнами «мертваго дома»; пройдя дворъ, а затѣмъ еще ворота, я попалъ на второй дворъ, въ общемъ такой же, если не больше перваго, но застроенный деревянными зданіями, — тутъ были всевозможныя мастерскія, какъ-то: сапожныя, портняжныя, столярныя, коробочныя, гильзовыя и гребеночныя; въ отдаленіи отъ нихъ, за особымъ низенькимъ заборомъ помѣщалась арестантская баня, тутъ же была и кухня.

Пройдя ворота и свернувъ направо около каменной кузни, я почти-что столкнулся съ висѣлицей, и отшатнулся.

Эти два столба съ перекладиной внушали ужась; петли сразу не было видно, — она была обернута вокругъ столба. Столбъ этотъ сразу обратилъ на себя мое вниманіе волнообразной поверхностью: дерево было, по вѣроятности, свѣжее, такъ какъ все было покрыто смолистыми шишками, видно также что торопились его обдѣлывать, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна была кора.

Лица, присутствующія при казни, были всѣ въ сборѣ: полицеймейстеръ, товарищъ прокурора, чиновникъ изъ губернскаго правленія, врачъ, а также три городскихъ обывателя въ качествѣ свидѣтелей, не говоря уже о тюремномъ начальствѣ, которое было все на лицо.

Палачъ, довольно видный брюнетъ съ толстыми черными усами, въ красной рубашкѣ и плисовыхъ шароварахъ былъ бы довольно эффектенъ въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же поневолѣ возбуждалъ, если не презрѣніе, то во всякомъ случаѣ брезгливость.

Онъ видно чувствовалъ себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Небрежная поза и смѣлое выраженіе лица въ другое время не прошло бы ему безнаказанно (онъ былъ вѣчный каторжникъ и замѣнялъ недавно умершаго палача, — эта была третья казнь исполняемая имъ), теперь

же тюремному начальству было не до того и вообще оно привыкло на вольности палача глядѣть сквозь пальцы, считая его почти своимъ служащимъ. Кромѣ того всякая такая казнь крайне возбуждаетъ нервы у арестантовъ, вслѣдствіе чего можетъ свободно вспыхнуть бунтъ, а въ Иркутской тюрьмѣ арестантовъ болѣе тысячи; конечно ихъ не боятся, но всякое такое волненіе влечетъ за собой слѣдствіе, крайне непріятное для всякаго тюремнаго начальства.

Было 7 часовъ утра, арестанта еще не было, онъ бралъ ванну (каждому приговоренному передъ казнью дѣлають ванну) съ ванны его должны были прямо вести на казнь.

Утро было чудное. Теплый, ласкающій нервы вѣтеръ пріятно щекоталъ тѣло; небо было зелено-золотистое съ бирюзовыми отливами, казалось, сіяла природа и своей красотой, своей безконечно великой гармоніей міра хотѣла смягчить сердца людей.

И солнце, какъ бы предчувствуя, что должно совершиться что то важное, страшное, и желая на прощанье согрѣть узника тысячами теплыхъ лучей, золотило мѣсто казни; нѣкоторые лучи, преломившись забрались въ узкій промежутокъ между кузней и наружной стѣной,—но того, кого они искали, того, кого они хотѣли—еще не было.

Въ узкой маленькой комнатѣ стояла ванна наполненная до половины водой; возлѣ ванны стоялъ полуодѣтый высокій смуглый муж-

чина; несмотря на природную смуглость лицо его было мертвецки блѣдно; дрожащими руками онъ застегивалъ воротъ рубашки, но пальцы видно плохо слушались его, — былъ ли воротъ узокъ или ужъ слишкомъ взволнованъ былъ узникъ, но воротъ такъ и остался разстегнутъ.

Въ дверяхъ стоялъ надзиратель, за нимъ виднѣлись штыки часовыхъ: они терпѣливо ожидали узника; сознавали ли они, что это передъ ними происходитъ послѣдній актъ жизненной комедии, или имъ просто не приказано было торопить его?

Но, несмотря на это, узникъ самъ торопился, и все выходило у него какъ то не впадать: то вмѣсто кота съ лѣвой ноги возьметъ съ правой, то бушлатъ надѣнетъ наизнанку.

Видно мысли его были далеко. Дѣлалъ онъ все машинально, не сознавая, но какъ онъ ни тратилъ время, а роковой часъ приближался.

Два раза прибѣгалъ надзиратель освѣдомляться: скоро ли? но все таки не понуждалъ его торопиться.

Видно смерть представляла изъ себя столь неприятное зрѣлище, что даже эти люди, привыкшіе ко всевозможнымъ жестокостямъ, оттягивали ея минуту.

Но вотъ, наконецъ, приговоренный одѣтъ.

Большіе черные глаза его съ темными кругами подъ ними вопросительно уставились

на надзирателя, — что молъ дѣлать дальше? онъ совсѣмъ не умѣлъ говорить по-русски и приговоръ понялъ лишь черезъ три часа послѣ вызова переводчика.

Осмотрѣвъ кругомъ и видя, что приговоренный въ порядкѣ, надзиратель, движеніемъ руки указалъ ему на дверь, въ которую узникъ, словно торопясь, вышелъ быстрыми шагами.

Ему пришлось итти мимо арестантскихъ камеръ, въ окнахъ которыхъ стояли арестанты; они сердечно жалѣли его и посылали ему напутствія: «Не бойся, братъ Абдулка, Богъ шибко хорошъ—все простить не то, что люди»... и при этомъ сочувственно улыбались ему.

Понималъ ли онъ ихъ, не думаю но при видѣ бывшихъ товарищей онъ ободрился и зашагалъ смѣлѣе.

Вотъ пройденъ средній дворъ; какихъ нибудь сто шаговъ отдѣляетъ его отъ мѣста, гдѣ на этотъ разъ ужъ навсегда разстанется онъ со всѣмъ, что радовало и мучило его, что заставляло его плакать и смѣяться...

Онъ зорко глядитъ на кухню: тамъ всегда сидитъ его любимая тюремная собачка, такая же черненькая и словно понимавшая сердце его, но и ея нѣтъ — она ушла съ артельщикомъ за провизіей; сердце сжалось у бѣдняги, послѣдній взглядъ его не встрѣтитъ добраго друга; по цѣлымъ длиннымъ ночамъ бесѣдовалъ онъ съ нимъ, училъ слу-

жить, прыгать и вотъ, въ послѣднюю минуту его нѣтъ.

Мысли его внезапно прервались,—передъ нимъ стояла висѣлица; начальства, окружавшаго ее, онъ даже и не замѣтилъ—онъ видѣлъ лишь столбы и знакомаго арестанта-Ивана, не разъ смѣявшагося надъ нимъ до суда, когда онъ, желая выговорить русское слово, невозможно коверкалъ его.

Теперь этотъ братъ окажетъ ему послѣднюю услугу—онъ постарается петлю одѣть такъ, чтобъ не доставить ему лишнихъ страданій, чтобы могъ бы онъ сразу, безъ хрипу уснуть навѣки... Объ этомъ ужасномъ хрипѣ ходятъ цѣлыя легенды среди арестантовъ.

А виновать здѣсь одинъ палачъ, да въ сущности и онъ не виновать, а просто несчастная случайность: петля вмѣсто того, чтобъ плотно обхватить шею, не обхвативъ ее, упирается въ голову, нижнимъ концомъ рѣжа гортань; благодаря этому начинаются сильныя страданья, но, къ счастью, это рѣдко случается и большей частью у неопытныхъ палачей.

Киргизъ зналъ навѣрное, что съ нимъ этого не случится—онъ быстро подошелъ къ табурету, желая самъ влѣзть на него, но въ это время подошелъ къ нему палачъ, держа въ рукахъ бѣлый свертокъ.

Киргизъ остановился, взглянулъ и, понявъ въ чемъ дѣло, безропотно далъ на себя одѣть

саванъ, но передъ тѣмъ, какъ нужно было прикрыть имъ голову, въ немъ что-то шевельнулось, лицо поблѣднѣло еще сильнѣе, носъ еще какъ то больше выдвинулся, — вскинувъ голову къ небу и почти не мигая зашепталъ онъ какія-то слова, — были ли это слова молитвы, было ли это дорогое имя матери, отца, или жены и дѣтей, тайну эту онъ унесъ съ собой въ могилу.

И вотъ темный мѣшокъ скрылъ отъ взоровъ его все окружающее, — теперь ужъ безъ чужой помощи онъ не могъ влѣзть на табуретъ.

Услужливый палачъ помогъ ему влѣзть, отвернулъ петлю и... тутъ я закрылъ глаза, — смотрѣть дольше я не могъ.

Я взглянулъ на присутствующихъ, — всѣ они отвернулись въ послѣднюю минуту, только начальники тюрьмы, привыкшіе къ такимъ зрѣлищамъ, безучастно глядѣли на эту сцену. Когда я открылъ глаза, то прежде всего взглянулъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ осужденный; его тамъ ужъ не было, — между перекладинами висѣлъ какой-то длинный бѣлый кулъ, который изрѣдка конвульсивно вздрагивалъ.

Актъ правосудія свершился, присутствующіе пошли въ контору удостовѣрить это своими подписями, врачъ же остался до снятія трупа и полного констатированія смерти.

Здѣсь одинъ я только не имѣлъ никакихъ обязанностей; потрясенный до глубины

души я стоялъ и сознавалъ, что совѣсть не проститъ мнѣ того, что изъ насильственной смерти брата я позволилъ себѣ сдѣлать зрѣлище. Но изворотливый мозгъ, уже подсказывалъ, что я недаромъ присутствовалъ,—что все видѣнное мною будетъ записано въ моемъ дневникѣ и, быть можетъ, разбудитъ чью-либо уснувшую совѣсть!..

Изъ тюрьмы отправился я на Ангару; я чувствовалъ необходимость подышать свѣжимъ воздухомъ, несмотря на то, что все время я былъ на дворѣ и не вдыхалъ въ себя тюремной атмосферы, но все-таки незамѣтное испареніе отъ окружавшихъ меня стѣнъ, пропитанныхъ затхлымъ, мертвящимъ все живое, воздухомъ, заставляло меня желать вздохнуть полной грудью. Покинувъ страшныя стѣны, охваченный со всѣхъ сторонъ чистымъ ароматнымъ воздухомъ, я считалъ себя счастливымъ.

Находясь подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго, у меня мелькнула странная на первый взглядъ, но весьма, какъ мнѣ кажется, объяснимая мысль.

На мѣсто преступника, какого-то неизвѣстнаго мнѣ киргиза я ставилъ себя; знаю, сознательно совершить такое грязное, съ точки зрѣнія нравственности, преступленіе я не способенъ, но представляю себѣ вдругъ у меня появилась *idée fixe* убить кого-либо или ограбить; понятно это было-бы болѣзненнымъ, проявленіемъ, ну, и, допустимъ, я

быль-бы пойманъ и приговоренъ къ смерти, а врачи признали бы меня психически здоровымъ. Хорошо извѣстно, что всякій психопатъ страдаетъ одностороннимъ помѣшательствомъ, которое старательно скрываетъ отъ другихъ и даже, если вопросъ коснется жизни или смерти такого больного, (кажется вопросъ самый больной для каждого изъ насъ) то лично отъ него нельзя ждать, сознанья того, что преступленіе совершено имъ потому-то и потому-то. Ученымъ психіатрамъ часто приходится встрѣчаться съ такими субъектами и много имъ стоитъ труда притти къ несомнѣнному выводу о помѣшательствѣ даннаго лица. А при поверхностныхъ испытаніяхъ, практикуемыхъ обыкновенно при судебно-медицинскихъ экспертизахъ, ошибокъ вкрасться очень легко.

И вотъ, предположимъ, будучи такимъ больнымъ, я совершилъ бы преступленіе, наказываемое по закону смертной казнью. Какія пытки, какія страшныя нечеловѣческія мученія перенесъ бы я до казни. Самъ актъ смерти не такъ страшенъ, какъ ожиданіе ея; вся эта торжественность томить странной, жуткой болью даже сердца зрителей.

Не умираетъ ли онъ нравственно въ моментъ произнесенія приговора? безспорно да: что можетъ быть ужаснѣе, сознанія того, что смерть неизбежна и что минута наступленія ея—вопросъ времени; развѣ это не тяжелѣй самой смерти? развѣ не страшнѣй

смерти видѣть и чувствовать за цѣлый мѣсяць до казни эти страшныя приготовленія, слышать на каждомъ шагу, что все это сооружается, собирается лишь для того, чтобы отнять у тебя жизнь?! Жизнь эта въ глазахъ осужденнаго принимаетъ совсѣмъ иное значеніе: самъ онъ, быть можетъ, легко убивалъ безъ всякихъ приготовленій, просто такъ—разъ, два и готово, тутъ же онъ начинаетъ понимать всю цѣну жизни, почувствуетъ, какъ она дорога каждому.... О, я увѣренъ, что всякій, испытавшій это, никогда въ жизни больше не подыметъ руку на ближняго! Приговоръ прочитанъ,—законъ удовлетворенъ, пусть пройдетъ немного времени и преступникъ, будьте увѣрены будетъ вполне наказанъ однимъ этимъ ожиданьемъ; а затѣмъ должна ждать его не казнь, а актъ милосердія.

Охваченный мыслями этими, я незамѣтно дошелъ до берега Ангары. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза это кое-какъ сколоченный понтонный мостъ, съ дырами, въ которыя свободно могъ бы провалиться ребенокъ; онъ, словно пьяный, качался на баржахъ, при каждомъ болѣе значительномъ колебаніи, а желѣзная цѣпь, перекинутая для уравненія баржъ, издавала при этомъ звукъ, напоминающій библейское скрежетанье зубовъ грѣшниковъ въ аду. И такой мостъ—въ такомъ богатомъ городѣ!

Я, конечно, ожидалъ вмѣсто этого встрѣ-

титъ желѣзный мостъ; но это, дѣйствительно ефефически по Иркутски: въ городѣ есть лѣчебница отъ водобоязни для собакъ, но нѣтъ таковой же для людей.

Надо добавить, что Ангара въ ширину не уступаетъ Енисею, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и Иртышу.

Характерная особенность этой рѣки—это температура ея воды, никогда не поднимающаяся (даже въ самое жаркое лѣто) выше нуля.

Она очень красива, величественна, очень быстра, и извилиста, истоки ея находятся около Верхне-Ангорска, состоятъ они изъ мелкихъ болотистыхъ рѣчекъ. Впадаетъ она около города Енисейска въ рѣку Енисей. Славится она изобиліемъ рыбъ, качество которой цѣнится сибиряками. Около села Листвяничнаго, въ шестидесяти верстахъ отъ Иркутска, я съ удовольствіемъ любовался Байкальскимъ озеромъ (или моремъ, какъ его здѣсь величаютъ); дѣйствительно, оно немного больше озера, но и поменьше моря; длина его около шестисотъ верстъ, а ширина 150 верстъ.

Старожилы говорятъ будто ихъ дѣды рассказывали, что раньше этого озера не было и образовалось оно сравнительно недавно отъ провала Ангары: дѣйствительно, глубина его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изумительна,—2-хъ верстный лотъ не доставалъ дна.

Правая сторона его, т. е. расположенная къ Верхне-Удинску, почти вся сплошь покрыта лѣсистыми горами. Одна изъ такихъ вершинъ признана бурятами за святыню. Бурятская легенда говоритъ, что одинъ бурятскій святой постоянно молился около этого мѣста и такъ усердно, что иногда простаивалъ на колѣняхъ по цѣлымъ суткамъ, и что Великій Духъ, довольный этими проявленіями любви и усердія, преобразилъ его въ скалу и поставилъ его на стражѣ, такъ любимаго при жизни имъ моря.

Всматриваясь въ очертанія скалы, дѣйствительно, надо сознаться, что она сильно похожа на человѣческую голову. По праздникамъ сюда собираются буряты и усердно молятся своему святому; бросая каждый разъ въ море то мѣдную, то серебряную, а иногда и золотую монету, смотря по состоянію; есть основаніе вѣрить слухамъ, что у подножія этой скалы накопилось много денегъ и что находились смѣльчаки, понятно изъ русскихъ, желавшіе добратъся до этихъ сокровищъ, но всѣ попытки ихъ оставались безуспѣшными.

Мѣстность эта покрыта дѣвственными лѣсами, въ ней водится, между прочимъ, множество медвѣдей, лосей, козъ. Громадные орлы-рыболовы, распластавъ въ воздухѣ свои широкія крылья, зорко высматриваютъ добычу, и горе, показавшейся на поверхности воды, рыбѣ, — какъ стрѣла, пущенная

изъ туго натянутаго лука, ударить въ нее хищникъ.

Байкаль является кормильцемъ окрестныхъ крестьянъ, занимающихся исключительно рыболовствомъ, въ особенности славятся байкальскіе осетры, а также въ немъ водится «омаль» — рыба, вкусомъ сходная съ нашей королевской селедкой, только немного больше ея, — нѣкоторыя особи доходятъ до 7 фун. вѣсомъ; рыба эта — лакомое блюдо у сибирскихъ крестьянъ и относительно дорога: цѣнится штука, вѣсомъ въ 1 или 1¹/₂ фун. по 15 копеекъ; понятно, продають ее соленой; на берегу, при поимкѣ, она дешевле.

Интересная особенность этого моря: всякій предметъ, брошенный въ море и утонувшій, черезъ нѣсколько дней выбрасывается на берегъ. Вслѣдствіе этого ни одинъ изъ утонувшихъ людей не остается долго на днѣ, и его вскорѣ волны выбрасываютъ на берегъ. Моряки, издавшіе моря и океаны, не знаютъ этого свойства и называютъ Байкаль болотомъ; но при первомъ близкомъ знакомствѣ берутъ свои слова назадъ и называютъ его Чертовымъ озеромъ. Страшно взглянуть на него въ непогоду: волны громадными рядами, величиною въ домъ, то мчатся бѣшено впередъ, то вдругъ, безъ всякой видимой причины, останавливаются и съ бѣшеннымъ ревомъ мчатся назадъ. Горе судну или пароходу въ такую минуту,

будь на немъ самый опытный капитанъ, оно неминуемо пойдетъ ко дну захлестнутое волнами, или разобьется въ дребезги о прибрежныя скалы.

Въ особенности много гибнетъ людей во время ледохода: желая во что бы то ни стало пробраться на другую сторону, смѣльчаки, сѣвъ въ лодку, отталкиваютъ баграми льдины и пускаются въ опасный путь; но многіе изъ нихъ не достигаютъ другой стороны и трупы ихъ море черезъ нѣсколько дней выбрасываетъ на берегъ. Несмотря на это смѣльчаки встрѣчаются и довольно часто.

Съ 1900 года по Байкалу сталъ ходить ледоколъ, — громадное, все обитое сталью судно, стоящее около 6.000,000 рублей. Обязанность его — прорубать ледъ для пароходовъ, а также перевозить желѣзнодорожныя вагоны и пассажировъ. Лѣтомъ онъ исполняетъ свои обязанности довольно исправно; но зимой онъ больше подчиняется обстоятельствамъ, чѣмъ работаетъ.

Вагоны наши вѣхали на палубу ледокола и мы отправились на ту сторону Байкала.

Погода на счастье наше выпала на рѣдкость. Ясный день безъ малѣйшаго вѣтерка, море, словно уснувшее, даже не рябило.

Но, несмотря на всю тишину, не успѣли мы отѣхать десяти верстъ отъ берега, какъ съ нами стали происходить странныя вещи: не пивъ даже рюмки вина, мы всѣ, словно пьяные, не могли держаться на ногахъ и то

и дѣло ѣздили въ Ригу. А море попрежнему стояло тихое, гладкое, какъ зеркало: мы испытывали мертвую качку.

Нѣтъ такого счастливица, который бы ея не испыталъ; случались люди, изъѣздившіе всѣ моря и не страдавшіе никогда морской болѣзнью при переѣздѣ черезъ Байкаль, непременно испытывали ее.

А скверная эта болѣзнь: ни съ того, ни съ сего начинается тебя тошнить, голова трещить, словно въ нее кто забрался и силится сломать ее, во рту чувствуется вкусъ мыла до того противный, что, забывая всѣ приличія стараешься отъ него освободиться.

Слава Богу, что это не долго продолжается,—какихъ-нибудь полчаса, иначе плохо пришлось бы...

Пріѣхали, тѣмъ же порядкомъ, сняли вагоны, прицѣпили паровозъ и тронулись дальше.

Начиная со станціи Мысовой и до Верхне-Удинска, лѣвая сторона дороги покрыта густымъ лѣсомъ, мѣстами попадаются горы, какъ видно вулканическаго происхожденія. Не доѣзжая Верхне-Удинска, переѣзжая мостъ, проложенный черезъ Уду, съ нами случилось несчастье, но, благодаря Богу, безъ человѣческихъ жертвъ. Оказался виноватымъ дорожный мастеръ. Путь былъ еще не исправенъ вполнѣ, а онъ, на авось, пропустилъ поѣздъ: передніе вагоны съ паровозомъ проскочили, за то задніе, въ количествѣ четы-

рехъ, свалились подъ откосъ; вагоны были биткомъ набиты товаромъ, кондукторъ же успѣлъ соскочить благополучно.

Въ вагонѣ стали поговаривать, что начинается самый опасный путь. Слухъ оправдался: около самага Верхне-Удинска мы видѣли на запасномъ пути, только что привезенные съ мѣста крушенія, исковерканные вагоны; крушеніе случилось на 42-й верстѣ отъ города.

Верхне-Удинскій вокзалъ считается перво-класснымъ и вполне заслуживаетъ этого; не говоря уже о красивой его архитектурѣ, здѣсь соблюдается поистинѣ, прямо-таки нѣмецкая чистота,—даже въ третьемъ классѣ, биткомъ набитомъ рабочими и солдатами.

Городъ отъ вокзала въ 2-хъ верстахъ. Каменныхъ домовъ въ немъ всего четыре, въ томъ числѣ полицейское управленіе и тюрьма—кстати о тюрьмѣ: Верхне-Удинскій централъ, какъ его величаютъ, славится по всему Забайкалью; громадный каменный корпусъ его, длиною до 120 сажень, вмѣщаетъ въ себѣ около 1000 камеръ. Предназначался онъ для одиночнаго заключенія, но въ послѣдствіи былъ нѣсколько передѣланъ, зданіе похоже на букву Н; тюрьма эта всегда полна, въ особенности много бродягъ.

Въ городѣ торговля вся ведется евреями и, благодаря этому, можно за недорогую цѣну купить все, чего захочешь. Около города идетъ трактъ на Троицкосавскъ и на Кяхту.

Въ пять часовъ вечера поѣздъ тронулся, — безличный городъ не оставилъ по себѣ никакихъ впечатлѣній. Между Верхне-Удинскомъ и Читой лежитъ бурятская степь, такъ называемая, Голодная; дѣйствительно, рассказывали, что не такъ давно, лѣтъ 10 тому назадъ, фунтъ чернаго хлѣба доходилъ здѣсь до 15 копеекъ. Русскихъ крестьянъ вблизи степи нѣтъ, а буряты занимаются лишь скотоводствомъ, хлѣбъ же сами покупаютъ у русскихъ. На каждомъ шагу стали попадаться буряты, все больше верхомъ, какъ мужчины такъ и женщины; типъ лица ихъ и одежда напоминаютъ киргиза, разница лишь въ волосахъ; у первыхъ они коротки, а у бурятъ такая же коса, какъ и у китайцевъ. Нарядъ женщинъ довольно красивый, — преобладаютъ яркіе цвѣта. Уборъ головы такой же, какъ китайянки. На ногахъ сафьяновые сапоги; съ перваго взгляда трудно отличить мужчину отъ женщины. Буряты всѣ почти безбородые, а если и попадаетъ борода, что очень рѣдко бываетъ, то едва замѣтная.

Верхомъ буряты всѣ прекрасно ѣздятъ: начиная съ пяти лѣтъ, они уже не иначе отправляются въ путь, какъ на лошади. Сильно бросается въ глаза ихъ нечистоплотность: умываніе лица у нихъ неизвѣстно и только лѣтомъ кой-когда купаются они въ рѣкѣ или озерѣ. Главная пища ихъ молоко, сыръ и мясо. Попадаются между ними и очень

богатые люди, какъ извѣстный петербургскій и тибетскій врачъ Бадмаевъ — князь Береговой, живущій на станціи того же названія; въ настоящее время этотъ родъ обѣднѣлъ, но когда то онъ обладалъ колоссальнымъ состояніемъ, да и теперь при всей бѣдности онъ насчитываетъ у себя около 3000 головъ рогатаго скота, сколько же ихъ было въ дни богатства!

Начиная отъ станціи Береговой тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги обработанныя поля: кой-гдѣ виднѣется рожь и овесъ, — земли эти принадлежатъ русскимъ крестьянамъ; подѣвзжая ближе къ Читѣ, пространства земли, занимаемая русскими, все больше и больше увеличиваются. Въ пяти верстахъ отъ Читы лежитъ громадное Кепонское озеро; въ немъ очень много карасей. Озеро это принадлежитъ казакамъ и считается одной изъ давнишнихъ привиллегій; въ немъ ни подь какимъ видомъ не позволяютъ они ловить рыбу близъ живущимъ крестьянамъ; споръ иногда доходитъ до кровопролитія.

Городъ Чита считается областнымъ, — онъ немножко больше Верхне-Удинска; въ немъ имѣется городской садъ, общественное собраніе, которое замѣняетъ во время пріѣзда артистовъ театръ. Дома всѣ почти деревянные и городъ широко разбросанъ; по правую сторону его поднимаются двѣ высокія горы, на вершинѣ одной изъ нихъ стоитъ

крестъ, въ память убитаго здѣсь злоумышленниками чиновника; при вечернемъ закатѣ этотъ крестъ очень эффектенъ. Взглянувъ на него, вспомнилъ я невольно декабристовъ: такъ вотъ они эти мѣста, гдѣ пришлось имъ столько лѣтъ мучиться и страдать...

Я спросилъ одного изъ жителей сохранился ли одинъ изъ домовъ, въ которыхъ они жили,—оказалось да,—остались, какъ были дома князей Волконскаго и Трубецкаго; это низенькія, полуразвалившіяся избушки безъ оконъ и дверей, видомъ своимъ напоминающія сибирскія черныя бани. Войдя внутрь, я былъ пораженъ картиной полного разрушенія: полъ весь прогнилъ и провалился, бревна на стѣнахъ выдались впередъ и стѣна стала походить на лѣстницу; въ углахъ комнаты росла крапива, масса натасканныхъ костей ясно говорила о присутствіи въ руинахъ этихъ собакъ. На стѣнѣ кой-гдѣ висѣли обрывки газетъ, замѣнявшіе собою, какъ видно, прежде обои: оказалось это разорванные номера: «Колокола» и «Знамени»; буквы настолько поблекли, что нельзя положительно было разобрать ихъ. Я вышелъ подъ грустнымъ впечатлѣніемъ всеразрушающаго времени, — стоитъ ли жить, бороться, страдать чтобъ затѣмъ, ненасытное время все сгладило, все поглотило? Вотъ было же время, какъ здѣсь страдали и томилась въ изгнаніи передовые русскіе люди и что послѣ нихъ осталось? нѣсколько

полусгнившихъ бревенъ,—вотъ весь памятникъ... А куда дѣвались эти великія русскія женщины, раздѣлявшія съ мужьями своими ихъ тяжкій крестъ,—не по силѣ онъ былъ имъ, а все же не сбросили онѣ его и шли, поддерживая его на измученномъ плечѣ мужа, пока сами, въ конецъ измучившись, не падали придавленныя имъ, чтобы больше не встать. Миръ вамъ, измученные жизнью люди, въ смерти нашли вы покой свой...

Въ 10 часовъ вечера я отправился дальше; стукъ поѣзда успокоительно подѣйствовалъ на возбужденные нервы мои, и я крѣпко уснулъ. Проснулся я около самаго Нерчинска.

Станція отъ него находится въ пяти верстахъ; лежитъ городъ между горами и наминаетъ собой скорѣй деревню: деревянные, почернѣвшіе отъ времени дома ясно говорили о прожитыхъ годахъ. Вообще городъ производитъ грустное впечатлѣніе,—на каждомъ шагу видна картина полного разрушенія, сонное и словно угнетенное выраженіе лицъ его обитателей дополняетъ общую картину смерти. Въ городѣ нѣтъ даже сносной гостиницы; есть какіе-то номера, но при первомъ взглядѣ всякій рѣшится скорѣй спать подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ нихъ. Обои снизу до верху краснорѣчиво доказываютъ присутствіе громаднаго количества клоповъ, грязь на полу, грязь на подоконникѣ, грязь на столѣ и на потолкѣ, однимъ словомъ вездѣ, куда не за-

гляните,—и за такую-то квартиру съ васъ просятъ два рубля! Вы сначала изумляетесь, потомъ принимаете за шутку и, наконецъ, понявъ въ чемъ дѣло, плюете и уходите прочь, предварительно отряхнувъ, прилипшую къ ногамъ за время осматриванья, грязь.

Около самаго города течетъ Нерча сажень въ 60 ширины и за городомъ впадаетъ въ Шилку; при самомъ впаденіи Нерчи въ Шилку стоитъ грандіозный желѣзный мостъ; полотно дороги здѣсь прошло сплошь въ горахъ и каждая верста обошлась сотни тысячъ.

Вся мѣстность, вплоть до Срѣтенска покрыта горами. Громадные, сѣрые утесы, съ обѣихъ сторонъ желѣзнодорожной линіи, словно часовые стоятъ и охраняютъ ее отъ невидимыхъ враговъ. Встрѣчаются мѣста, что кажется, вотъ, вотъ поѣздъ задѣнетъ за скалу и разобьется въ дребезги. Страшно даже смотрѣть! А то виситъ скала надъ поѣздомъ и каждую минуту готова свалиться и похоронить его подъ собой. Врядъ ли она вѣчно будетъ висѣть, когда-нибудь да сорвется же, дай Богъ, лишь не на поѣздъ; зачѣмъ инженеръ оставилъ эту скалу въ такомъ положеніи,—вопросъ?!

Приѣхали и въ Срѣтенскъ—это громадная казацкая станица, разбитая на правомъ берегу Шилки.

Давно уже мѣщане, живущіе въ ней хлопотали переименовать ее въ городъ, но ка-

заки протестовали, не желая изъ теперешнихъ «хозяевъ» превратиться въ обыкновенныхъ «обывателей». Пока Срѣтенскъ станица—все въ рукахъ казаковъ и вотъ крѣпко держатся они за свои права, хотя и въ ущербъ всему населенію. Казацкая лѣнь стала легендарной: имѣя подъ носомъ лѣсъ онъ лучше согласенъ сидѣть въ холодной нетопленной избѣ, чѣмъ слѣзть съ печи и нарубить дровъ.

Вотъ почему, живя въ Срѣтенскѣ вы рискуете сидѣть въ нетопленной комнатѣ. Бываютъ дни, когда ни за какія деньги нельзя достать дровъ; такъ и все остальное: имѣя подъ рукой такую рыбную рѣку, какъ Шилка, они лѣнятся ловить рыбу, предпочитая покупать ее у крестьянъ. Благодаря своимъ привилегіямъ, которыми они пользуются, вродѣ крѣпостныхъ помѣщиковъ, они еще могутъ существовать; въ тотъ же день, когда лишатся ихъ, они станутъ нищими.

Мечта всякаго казака разбогатѣть, но не трудомъ. Отъ труда, они говорятъ, будешь горбать, а не богатъ, а вотъ какимъ-нибудь такимъ случаемъ, если Богъ приведетъ, — фальшивой монеткой или въ родѣ этого. Вотъ только бѣда, Богъ мастера такого не шлетъ, а то сразу бы можно... Таковы мечты всякаго, обѣднѣвшаго, по своей же лѣни, казака.

Громкое дѣло тюменскаго царька—Ивана

Сидоренко, обвинявшася въ грандіозной поддѣлкѣ фальшивыхъ ассигнацій, разбиравшееся въ 1894 году Тобольскимъ губернскимъ судомъ, облетѣло всю Сибирь и самый большой къ нему интересъ проявился у казаковъ.

Съ удовольствіемъ рассказываютъ они случаи, какъ сбытчики ловко обманывали манджуръ, закупаая цѣлыя стада рогатаго скота на фальшивыя деньги.

Бродяги, бѣглые каторжники охотно скрываются ими и все въ надеждѣ, что между ними найдется мастеръ. И находятся, да большей частью все мелочные: слѣпить изъ гипса машинку, надѣлаеть сотню, двѣ рублевиковъ, да и то съ трудомъ, а главное — работа не такая, — въ руки возьмешь и сразу видно что-то да не то, сунуться куда-нибудь гдѣ посвѣтлѣй не моги, а то, бѣда! Настоящихъ же мастеровъ мало, хотя и есть. Всякій казакъ, немного побогаче, по ихъ мнѣнію, только этимъ и разбогатѣлъ.

На всякаго, пріѣхавшаго изъ центральной Россіи казаки смотрятъ, какъ на свою жертву и за всякую малѣйшую услугу дерутъ въ три дорога. Не говоря ужъ о томъ, что, если путешественнику понадобятся лошади, тогда аппетитъ казака не имѣеть границъ: тридцать или сорокъ рублей, за пару лошадей на 20—30 верстное разстояніе, обыкновенная цѣна, запрашиваютъ же они, иногда, и пятьдесятъ рублей. Хлѣбопашествомъ

казаки, около Срѣтенска, почти не занимаются. Охота на пушнаго звѣря, количество котораго съ каждымъ годомъ уменьшается все больше и больше, да служба на золотыхъ пріискахъ являются главными источниками ихъ существованія. Всѣ же прочіе побочные доходы пропиваются ими въ день полученія таковыхъ. А отдача, на примѣръ, общественныхъ казацкихъ земель въ арендное пользованіе крестьянамъ сопровождается огульнымъ, почти мѣсячнымъ пьянствомъ. Станица въ это время напивается до безобразія; женщины и дѣти также не отстаютъ отъ прочихъ и въ общемъ получается нѣчто ужасное. Пьянство и хроническая лѣнь дѣлаютъ свое дѣло: все менѣе попадаютъ зажиточныя казацкія семьи, все чаще приходится станицѣ на общественныя деньги снаряжать своего молодого казака на военную службу; раньше подобные случаи были рѣдкостью и считались, почти позоромъ для семьи,—теперь же это случается сплошь да рядомъ.

Вообще старыя традиціи предковъ, казацкая удаль, трудолюбіе, гостепрѣимство и честность все дальше отодвигаются въ область прошлаго. Казацкое гостепрѣимство, если оно гдѣ и проявляется, то основано на вѣрномъ разчетѣ, а что же касается честности, то она исковеркана въ понятіяхъ ихъ до неузнаваемости: на примѣръ, что честно съ прѣзжимъ или незнакомымъ, то нечестно

между собой, изъ чего выходитъ, что своихъ обманывать и эксплуатировать нельзя, а прочихъ можно и даже необходимо. Во всѣхъ пріѣзжихъ они видятъ своихъ враговъ, такъ или иначе, покушающихся на ихъ права и привилегіи, и поэтому борьба съ ними необходима, тѣмъ болѣе средства къ ней подъ рукой. Вотъ почему у всякаго пріѣзжаго трещитъ карманъ при первой же встрѣчѣ съ казацкимъ населеніемъ. На каждомъ шагу, при малѣйшей надобности, приходится раскошелиться.

Въ Сибири принято никому изъ просящихъ ради Христа никогда не отказывать, — это вкоренилось въ обычай; бываютъ случаи, что крестьяне послѣдній кусокъ хлѣба дѣлятъ съ просящимъ, у казаковъ же этого нѣтъ: нищему они не подаютъ, а если дадутъ, то принуждаютъ его отработать это, — наколоть ли дровъ, принести ли воды, или что-нибудь вродѣ этого, но лишь бы не даромъ.

Я пошелъ около станицы Горбицы. Нашъ пароходъ, вслѣдствіе мелководья, сталъ на мели. Запасъ въ буфетѣ истощился, никто не ожидалъ такого происшествія и вотъ тутъ-то казаки показали себя: фунтъ хлѣба продавали по 30 и 40 копеекъ, бутылка молока доходила до 75 копеекъ.

Грустныя картины приходилось видѣть, вотъ на примѣръ: интеллигентная, но, по всей вѣроятности, небогатая дама съ двумя дѣть-

ми, ѣдущая во Владивостокъ къ своему мужу-офицеру, покупаетъ для дѣтей молоко. Казачка запрашиваетъ невозможную цѣну, возмущенная дама совѣститъ наглую торговку, но все ни къ чему не ведетъ, казачка не уступаетъ ни копейки, что же касается усовѣщеваній, то она поясняетъ, что на это есть у нихъ батюшка, который въ церкви говоритъ имъ проповѣди, а никакъ не на пристани. Бѣдная женщина, принуждена была заплатить столько, сколько съ нея требовали. И такихъ сценъ тысячи, одна печальнѣй другой. Мелькаетъ мысль: что бы было, если бы пришлось всегда сталкиваться съ подобными субъектами? Но, благодаря Богу, это недолго продолжается, всего 5 дней;— вода прибыла и пароходъ пошелъ дальше. Чудная мѣстность, фантастическія очертанія горъ, дѣвственные лѣса мало-по-малу сглаживаютъ непріятныя впечатлѣнія о Горбицѣ. Дѣйствительно хорошо ѣхать по этой дивной рѣкѣ: берега еле различаются, кругомъ синева водъ и тамъ, гдѣ-то далеко, поднимаются лишь горы и лѣса темно-коричневые вдали и изъ-синя зеленоватые вблизи. Станции попадаться стали чаще и многолюднѣе, чѣмъ прежнія, — нѣкоторыя изъ нихъ ни дать, ни взять— уѣздные городки. Пароходъ остановился набирать дрова; въ полуверстѣ отъ пристани расположена была станция Джалинда, около самой пристани базаръ и большіе мануфактурные магазины говорили

о большомъ количествѣ потребителей. Станица производитъ очень пріятное впечатлѣніе: чистенькіе, бѣленькіе дома, широкія, ровныя улицы, опрятный и даже щеголеватый видъ жителей заставляли забывать, что находишься на окраинѣ Восточной Сибири.

Какъ разъ напротивъ пристани, надъ двухъэтажнымъ, почти барскимъ домомъ прибита дощечка, гласящая о пребываніи въ немъ камеры мирового судьи и судебного слѣдователя; трудно описать тѣ чувства, которыя она возбуждаетъ въ зрителѣ. Въ этой дикой мѣстности, въ которой царилъ недавно судъ сильнаго, дивныя незабвенныя слова: «Правда и милость, да царствуютъ въ судахъ» оставляютъ сильное впечатлѣніе.

Невдалекѣ станицы лежатъ пріиски, когда-то очень богатые; въ особенности отличался одинъ, такъ называемый «Милліонный ключикъ», изъ котораго, дѣйствительно, первые старатели-золотоискатели, въ количествѣ болѣе тысячи работниковъ, унесли не одинъ милліонъ. Найденъ же былъ этотъ замѣчательный «ключикъ», случайно крестьяниномъ Тобольской губерніи—Петромъ Калужниковымъ. Отправляясь осенью на промыселъ, онъ случайно набрелъ на этотъ «ключикъ», уставъ и желая отдохнуть и подкрѣпитъ, онъ разложилъ огонь, а самъ съ котелкомъ отправился за водой; зачерпнувъ полный котелокъ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ на днѣ блестящіе песчинки. За-

интересованный ими, онъ вылилъ воду и, зная, какъ промываютъ золото, сталъ промывать; каково же было его удивленіе, когда послѣ промывки одного котелка воды у него въ рукѣ оказалось не менѣе пяти золотниковъ чистаго, безъ породы, золота. Будучи первое время ошеломленъ, онъ не зналъ, что ему дѣлать; въ рукахъ его находились баснословныя богатства, и вотъ, не долго думая, онъ рѣшилъ остаться на мѣстѣ и промывать золото. Инструментовъ нѣтъ, сдѣлать промывной ящикъ нечѣмъ, за то есть котелокъ. И началась промывка золота котелкомъ: первый день былъ очень удаченъ,—промылъ онъ около 3 фунтовъ золота, другой день, еще удачнѣе и такъ далѣе, наконецъ, у него образовалось около 3 пудовъ 15 фунтовъ золота, ноша довольно обременительная въ труднопроходимой тайгѣ, притомъ и припасъ приходилъ къ концу.

Надо было возвращаться. Прибывъ въ Благовѣщенскъ, онъ частями, чтобъ не возбуждать подозрѣнія, продалъ золото. И вотъ, ставъ обладателемъ около 75 тысячъ, онъ не сумѣлъ себя сдержать: пошло пьянство, разгулъ и въ минуту пьяной откровенности тайна источника богатствъ его была выдана. Съ быстротой электрической искры облетѣла она всѣ закоулки Благовѣщенска, такъ или иначе соприкасающагося съ золотымъ дѣломъ и въ какіе-нибудь два дня десятки

и сотни золотоискателей, кто на конѣ, а кто пѣшкомъ, потянулись къ завѣтному мѣсту. Тихое, никому неизвѣстное до сихъ поръ дѣвственное урочище тайги, вдругъ наполнилось шумомъ голосовъ, стукомъ колесъ и звономъ топора. Закипѣла вокругъ лихорадочная жизнь рыцарей тайги.

Добыча была богатая, рѣдко кто изъ старыхъ золотоискателей помнилъ о такой, да и разработка была легкая: золото попадало все верховое, углубляться въ землю не приходилось. Старателей собралось около 2000 человекъ; образовалось свое выборное начальство, все какъ слѣдуетъ, вродѣ того, какъ въ Америкѣ сразу въ безлюдной мѣстности выросалъ городъ, такъ и здѣсь, въ глубинѣ тайги образовалась маленькая своеобразная республика. Все шло пока хорошо: десятки фунтовъ золота у счастливыхъ старателей были хорошо припрятаны въ укромныхъ уголкахъ тайги. Но какъ ни далеко была эта республика отъ Благовѣщенска, какъ ни старались заправила ея не допустить слуховъ до ушей начальства о существованіи ея, но оно провѣдало какимъ-то путемъ. Послана была военная команда изъ 10 человекъ солдатъ при офицерѣ съ инструкціей о выдвореніи новыхъ Робинзоновъ. Какъ громомъ поразило золотоискателей это извѣстіе. Собралась сходка рѣшить, что дѣлать; большинствомъ рѣшено было не уходить.

„На Дальній Востокъ“ .

дять,—на рѣшеніе это повліяла малочисленность отряда. Рѣшеніе это черезъ выборныхъ было передано офицеру, занявшему сосѣднюю гору, чтобъ въ случаѣ необходимости принять энергичныя мѣры, для выполненія инструкціи. Получивъ отрицательный отвѣтъ, офицеръ еще разъ посовѣтовалъ разойтись золотоискателямъ, угрожая въ противномъ случаѣ стрѣлять. На второе посланіе онъ не получилъ никакого отвѣта и принужденъ былъ исполнить обѣщанное. Первый залпъ былъ сдѣланъ вверхъ для острастки, но старатели истолковали его совсѣмъ въ другую сторону: по ихнему выходило, что офицеръ и не имѣетъ права стрѣлять въ нихъ и лишь можетъ попугать, но когда за вторымъ залпомъ упало около пяти старателей, тогда они поняли, что шутки плохи. Произошло смятеніе: одинъ бѣжалъ въ лѣсъ, другой прятался въ яму, а нѣкоторые, вооружившись винтовками, затѣяли правильную съ солдатами перестрѣлку, но страхъ ли предъ будущимъ наказаніемъ за убійство солдатъ, или же что другое, но солдатъ не было даже раненыхъ, въ то время, какъ старателей было убито и ранено около сорока человѣкъ, а остальные, оставивъ все, бросились въ тайгу. Быстро создавшаяся республика, также быстро провалилась. Зачертой ея въ тайгѣ началась опять охота на человѣка, тѣ же старатели, которые не смѣли бы и подумать ограбить то-

варища на стану, били его изъ винтовки изъ-за засады, какъ дорогого звѣря, тѣмъ болѣе, что всякій зналъ сколько у кого, приблизительно, золота. Повторилась старая исторія Каина съ Авелемъ. Сотни труповъ несчастныхъ гнили въ тайгѣ, едва прикрытые валежникомъ. Безгрѣшная до того времени тайга стала кладбищемъ, безвременно погибшихъ людей. Лишь съ выси голубого неба, не дремлющее Око неподкупнаго Судьи, клеймило чело братоубійцы...

Ближе къ Благовѣщенску Амуръ становится шире.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегъ пропадаетъ изъ поля зрѣнія, горы террасами спускаются все ниже и ниже и, наконецъ, подъ самымъ городомъ переходятъ въ равнину. Дивная растительность покрываетъ въ особенности правый берегъ рѣки: широкія пальмообразныя растенія, высокій желтый тростникъ съ желтыми кисточками, вмѣсто цвѣтковъ, переплелись цѣпкими лианами. Густыя ивы своими вѣтками спускаются въ воды Амура, на нихъ въ разнообразныхъ позахъ сидятъ разноцвѣтные ибисы, кой гдѣ попадаются и наши аисты съ маленькимъ измѣненіемъ въ опереніи: на груди продольными рядами идутъ розовыя перья. Забываешь, право, что находишься на Дальнемъ Востока, такъ и думаешь, что на берегахъ Амазонки.

Не доѣзжая Благовѣщенска, на парходѣ

произошелъ маленькій инцидентъ: въ числѣ пассажировъ перваго класса ѣхалъ извѣстный хабаровскій купецъ і гильдіи, китаецъ Тифуи-тай и вотъ съ нимъ познакомился какой-то пассажиръ второго класса, довольно представительный молодой человекъ, хорошо владѣющій французскимъ и англійскимъ языкомъ; на послѣднемъ Тифуи-тай прекрасно объяснялся. Китаецъ, обрадовавшись возможности побесѣдовать на знакомомъ ему языкѣ съ интеллигентнымъ человекомъ, вскорѣ откровенно съ нимъ сблизился. Обѣдали и ужинали они всегда вмѣстѣ въ каютѣ, а не за общимъ столомъ и вотъ, однажды, послѣ хорошаго ужина съ обильнымъ возліаніемъ интеллигентный нашъ соотечественникъ предложилъ купцу для развлеченія перекинуться въ картишки. Сѣли. Сначала играли по маленькой, а потомъ пошло и по крупной; счастье, какъ видно, было на сторонѣ молодого человека и къ утру почтенный китайскій купецъ былъ въ коллосальномъ проигрышѣ: въ какіе-нибудь 7 часовъ онъ умудрился спустить 700,000 рублей—100.000 р. наличными, остальные же векселями. Купецъ почти помирился съ проигрышемъ, какъ съ неизбѣжной волей судьбы, но каково же было его удивленіе, когда собирая со стола карты, чтобъ выбросить ихъ въ окно, онъ замѣтилъ тройку со стертымъ внизу очкомъ; не зная, что это означало, онъ обратился, къ ѣхавшимъ въ томъ

же первомъ классѣ пассажирамъ, прося объясненія. Ему объяснили, что это дѣлается для обмана, а именно: у тройки трефъ, червей или бубней снимаютъ внизу очко, стараясь это сдѣлать какъ можно незамѣтнѣй и вотъ при игрѣ, когда тройка бита банкометъ ловко поворачиваетъ ее съ другой стороны, будто-бы случайно прикрывая пальцемъ нижнее оставшееся очко, тогда вмѣсто тройки получается тузъ, и въ другомъ случаѣ, если тузъ битъ, то пустое мѣсто также прикрывается пальцемъ и получается тройка,—въ обоихъ случаяхъ играетъ роль ловкость рукъ. Узнавъ, что его безсовѣстно ограбили купецъ заявилъ объ этомъ капитану, прося задержать шуллера. Но увы! При самомъ тщательномъ обыскѣ парохода, ловкаго авантюриста и слѣдъ простылъ; оказалось, что при остановкѣ парохода для нагрузки дровъ, онъ незамѣтно сошелъ съ него и отправился пѣшкомъ. Впослѣдствіи, какъ оказалось, не смотря на всѣ старанія полиціи его такъ и не пришлось найти. Сто тысячъ купца пропали безслѣдно. Во время обыска парохода капитанъ рассказывалъ намъ, что такой случай совершается не въ первый разъ; онъ увѣрялъ, что нѣтъ ни одного парохода, на которомъ не ѣхали бы два, три шуллера, ожидающихъ наживы. Надо быть очень осторожнымъ, въ особенности при новыхъ знакомствахъ, а то рискуешь быть обворованнымъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Пароходъ сталъ приближаться къ Благовѣщенску; показался Верхній Благовѣщенскъ— предмѣстье его и вотъ, все яснѣй выдѣляясь изъ вечерняго тумана появился во всей своей красѣ и самъ Благовѣщенскъ.

Не знаю, какъ другимъ, но по моему мнѣнію этотъ городъ самый лучшій и красивый въ Сибири и болѣе всего имѣетъ сходство съ російскими городами.

Иркутскъ, Томскъ гораздо больше Благовѣщенска, но они въ сравненіи съ нимъ кажутся мертвыми, безжизненными, словно и воздухъ, и люди, небо и дома совсѣмъ отличны отъ нихъ.

Мнѣ приходилось замѣчать, что жители Благовѣщенска гораздо гостепріимнѣе, жизнерадостнѣе, чѣмъ въ прочихъ сибирскихъ городахъ; онъ своими постройками, своимъ воздухомъ напоминаетъ мнѣ скорѣй какой-нибудь южный городъ. Громадная пристань тянется вдоль всего города, масса всевозможныхъ пароходовъ разнообразной окраски оживляютъ поверхность рѣки. Напротивъ пристани, обращалъ на себя вниманіе губернаторскій домъ, хотя и деревянный, но весьма изысканной архитектуры. Улицы города поразили меня своею правильностью, — оказывается городъ разбитъ на совершенно ровные квадраты. Дома въ городѣ всѣ почти деревянные, но высокіе, попадаются даже трехэтажные. Каменный пассажъ Чурина, Кунстъ-Алберса и Пташиноква представля-

ютъ изъ себя громадныя каменныя дворцы въ декадентскомъ стилѣ.

Но что самое удивительное это то, что городъ рѣшительно ничѣмъ не похожъ на сибирскіе города: сады, почти у каждаго дома, дѣлаютъ его похожимъ на одинъ изъ городовъ черноморской области, да и сами жители словно не похожи на сибиряковъ—гостепріимство и добродушіе ихъ главные черты. Въ одномъ только онъ не привлекателенъ, это въ отношеніи гражданской безопасности: городъ переполненъ ссыльными и бѣглецами, которые даютъ себя чувствовать.

Съ наступленіемъ вечера прогулки по улицамъ дѣлаются опасными, на каждомъ шагу рискуешь быть ограбленнымъ, къ тому же, сколько разъ мнѣ не приходилось возвращаться ночью, я не видѣлъ нигдѣ ни одного городского, словно ихъ и не существовало вовсе; на крикъ о помощи, можно быть заранѣе увѣреннымъ, никто не прибѣжитъ,—жертва предоставлена сама своимъ силамъ.

Въ теченіе двухъ дней, то есть во время моего пребыванія въ городѣ, случилось два убійства и нѣсколько грабежей. Въ городѣ живетъ очень много молоканъ: это секта, принадлежащая къ Никоніанскому расколу; всѣ они, довольно-таки богаты, такъ какъ не пьютъ вина, не курятъ и очень трудолюбивы, между собой они очень солидарны. Гостиницы «Европа» и «Россія» доволь-

но удобны и по цѣнѣ сходны. Что же касается хорошей прислуги, то ее очень трудно найти, или же совсѣмъ невозможно, но, несмотря на это, они запрашиваютъ просто баснословныя цѣны: горничной надо дать 15—20 рублей, кухаркѣ же 20—25 рублей, не говоря уже о лакеяхъ и поваряхъ,—тѣ прямо предписываютъ свои условія, зная, что вы, не имѣя выбора, принуждены будете согласиться на нихъ. Вообще личный трудъ въ Благовѣщенскѣ хорошо оплачивается. Торговля идетъ бойко. Магазины устроены по европейски, но замѣтно съ ними сильно конкурируютъ китайцы; до русско китайской войны китайскихъ лавокъ было даже больше русскихъ и только теперь, они поубавились. Овощи, какъ-то: огурцы, арбузы, салатъ, морковь и картофель доставлялись въ городъ единственно китайцами.

На другой сторонѣ Амура, какъ разъ напротивъ Благовѣщенска, расположенъ китайскій городъ Сахалянъ, во время войны уничтоженный русскими, вслѣдствіе чего китайцы разбѣжались, теперь же они снова собираются. Городъ ихъ съ точки зрѣнія европейца, скорѣй похожъ на деревню: тѣ же деревянные дома, тѣ же кривыя узкія улицы, но, несмотря на свой невзрачный видъ, онъ считается довольно богатымъ между китайцами и насчитываетъ до 60000 народонаселенія, то есть въ два раза больше, чѣмъ въ

Благовѣщенскѣ. Китайцы потихонько торгуютъ въ Благовѣщенскѣ своей водкой, при этомъ скупаютъ присковое золото у рабочихъ, платя имъ почти вдвойнѣ. Ниже Благовѣщенска—къ Хабаровкѣ Амуръ становится все шире, берега ровнѣе и рѣдко ужъ попадаются лѣса.

По дорогѣ намъ попались двѣ или три крупныя казацкія станицы, при которыхъ пароходъ нагружалъ дрова. Вся пристань была усеяна торговками, казаками и дѣтворой, прибѣжавшей поглазѣть на пріѣзжихъ. Цѣны на жизненные припасы очень высоки, гораздо дороже, чѣмъ въ Благовѣщенскѣ, и только, благодаря запасливости буфетчика, мы имѣли возможность не нуждаться въ нихъ. Въ сорока верстахъ отъ столицы, по другой сторонѣ Амура, грустно чернѣя обгорѣлыми полуразрушенными трубами, виднѣлся когда-то сильный китайскій крѣпость-городъ Айгунъ. Русскіе въ послѣднюю войну принуждены были его разрушить, такъ какъ онъ не пропускалъ по Амуру русскіе пароходы. Залпомъ, послѣдовавшимъ изъ крѣпости, по восточному пароходу «Хилокъ» былъ раненъ, на вылетъ въ грудь, пограничный комиссаръ Амура,—полковникъ Генеральнаго Штаба Кольдшмитъ.

Я сильно заинтересовался этой крѣпостью, и, благодаря нагрузкѣ дровъ, совершавшейся въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, имѣлъ возможность ее посѣтить. Грустная картина

представилась мнѣ: обгорѣлые дома, словно скелеты съ поднятыми кверху руками, производили тяжелое впечатлѣніе; нѣсколько голодныхъ, тощихъ собакъ бродили по кучамъ мусора, тщетно ища, чѣмъ бы поживиться. Ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ, начальникъ расположеннаго здѣсь кордона, и пригласилъ меня слѣдовать за собой. На мой вопросъ: зачѣмъ? онъ отвѣчалъ, что желаетъ показать мнѣ заживо распятаго челоука,—жертву хунхузовъ. Пройдя съ нимъ недалеко, я увидаль за кучей сложеннаго кирпича на двухъ, сколоченныхъ накрестъ доскахъ распятаго китайца. Я не стану описывать выраженіе лица страдальца; скажу только, что цѣлую недѣлю я не могъ освободиться отъ ужаснаго впечатлѣнія и тяжелаго воспоминанія о страшной картинѣ.

Словоохотливый унтеръ-офицеръ разсказалъ мнѣ, что китаецъ этотъ — довольно зажиточный купецъ, проживавшій въ г. Айгунѣ во время военныхъ дѣйствій — прекративъ торговлю и распродавъ товаръ, переправился на русскую сторону Амура и поселился въ казачьей станицѣ Никольской у знакомаго ему казака Епифанова. Хунхузы, зная, что онъ имѣетъ порядочныя деньги, потребовали отъ него дань въ размѣрѣ 500 р., угрожая въ случаѣ отказа, мучительною смертію; китаецъ сообщилъ объ этомъ требованіи своему пріятелю казаку, который посовѣтоваль не выполнять требованія хун-

хузовъ, ставъ подъ защиту русскихъ. Китаецъ поступилъ согласно совѣту.

Прошла недѣля—другая благополучно и китаецъ успокоился.

Однажды въ полдень въ станицу къ Епифанову приходитъ старикъ китаецъ. Гостеприимно принятый казакомъ, онъ началъ рассказывать о войнѣ, браня китайцевъ и превознося русскихъ.

Убѣжденный рассказами китайца въ его миролюбіи, казакъ позволилъ ему переночевать. Проснувшись утромъ, Епифановъ замѣтилъ отсутствіе и гостя и жильца. Изъ домашнихъ никто не видѣлъ, когда ушли китайцы, и лишь старуха, мать Епифанова, долго не спавшая съ вечера, сообщила, что прибывшій китаецъ все время, пока она не заснула, убѣждалъ въ чемъ-то другого.

Подозрѣвая недоброе, Епифановъ пригласилъ нѣсколькихъ казаковъ и отправился на розыски исчезнувшаго жильца. Проѣхавъ около двухъ верстъ по берегу Амура, они замѣтили свѣжіе слѣды двухъ человекъ по направленію къ рѣкѣ и затѣмъ на песокъ у воды слѣдъ лодки. Сообразивъ, что разыскиваемые китайцы переѣхали на китайскую сторону, казаки возвратились въ станицу и съ лошадьми переѣхали на паромѣ на китайскій берегъ. При самомъ вѣздѣ въ городъ Айгунь казаки увидѣли китайца, жильца Епифанова, распятымъ на доскахъ и уже мертвымъ.

Возмущенные жестокимъ поступкомъ хунхузовъ, казаки бросились въ погоню за ними и къ вечеру настигли ихъ, располагавшимися на ночлегъ. Хунхузовъ было 25 человекъ, отлично вооруженныхъ, казаковъ же всего семь; тѣмъ не менѣе казаки и не подумали объ отступленіи. Грянулъ залпъ изъ семи казачьихъ винтовокъ, у костра остались семь хунхузовъ, остальные бросились въ разныя стороны, но ни одинъ не ушелъ отъ шашки.

Такъ отомстили казаки за своего гостя, китайца. Когда я спросилъ унтеръ-офицера, почему не похороненъ распятый китаецъ, онъ даже рукой махнулъ—«стоитъ-ли? Вы посмотрите, вѣдь онъ не одинъ!»

Присмотрѣвшись, я понялъ, что нахожусь среди разрытаго кладбища, во многихъ мѣстахъ котораго въ разнообразныхъ положеніяхъ лежатъ трупы китайцевъ, при чемъ у нѣкоторыхъ недоставало руки или ноги, а нѣкоторые были изгрызены до неузнаваемости. Унтеръ-офицеръ объяснилъ, что эта работа домашнихъ свиней, которыя теперь одичали и ночью бродятъ по кладбищу, вырывая неглубоко зарытые трупы людей и пожирая ихъ. Позже я убѣдился, что истребленіе свиньями труповъ—явленіе почти повсемѣстное, такъ какъ китайцы закапываютъ трупы не глубоко и къ самому факту относятся равнодушно и спокойно.

Возвращаясь къ хунхузамъ, я хочу пока-

зять, что съ этими полу-звѣрями невозможно бороться гуманными способами. Съ хунхузами приходится бороться непрерывно и изъ общей массы простого народа ихъ выдѣлать трудно, такъ какъ всѣ они объединены чувствомъ ненависти къ европейцамъ. Горькая участь ожидаетъ европейца, попавшаго въ руки хунхузовъ; передъ смертью ему придется испытать всевозможныя мученія, которыя только способны придумать эти дикари. Китайцы, жители городовъ, болѣе самостоятельные, ненавидятъ хунхузовъ за то, что они облагаютъ ихъ данью, при неуплатѣ которой, виновнаго ждетъ смерть. Китайскія власти не могутъ защитить ихъ отъ грабежа и мести хунхузовъ, тѣмъ болѣе, что очень часто правительственные чиновники почти открыто покровительствуютъ хунхузамъ, получая отъ нихъ долю изъ добычи. При поимкѣ хунхузовъ, отказывающихся дѣлиться съ китайскими властями добычей или, если населеніе города слишкомъ возмущено ихъ дерзостью, съ бродягами не церемонятся и судъ не затягивается; ихъ подвергаютъ смертной казни. Очень часто за смерть казненныхъ жестоко мстятъ ихъ товарищи.

Я былъ очевидцемъ казни хунхузовъ китайскими властями въ г. Гиринѣ 28 іюня 1902 года.

На большой базарной площади въ двѣ шеренги были выстроены китайскія войска.

На серединѣ было огорожено небольшое мѣсто, возлѣ котораго на низкихъ табуретахъ сидѣли пять китайскихъ чиновниковъ; изъ нихъ одинъ держалъ въ рукахъ листъ бумаги, исписанный характерными китайскими іероглифами, съ висящею на желтой лентѣ большой черною печатью,—то былъ смертный приговоръ. Около чиновниковъ ходилъ здоровенный китаецъ-палачъ, въ синей, полузастегнутой на голой груди курткѣ. Мускулы голыхъ рукъ и ногъ говорили о необычайной силѣ этого молодца, а лицо... Съ той поры я много видѣлъ хунхузовъ и преступниковъ, но такого звѣрскаго выраженія лица я ни у кого изъ нихъ не встрѣчалъ. Не далеко отъ палача, на какомъ-то грязномъ свиткѣ лежало орудіе казни— короткій мечъ въ ножнахъ.

Преступниковъ еще не было. Ихъ ожидали каждую минуту, и китайскіе чиновники нетерпѣливо поглядывали въ ту сторону, откуда они должны были появиться. Наконецъ, барабанщикъ ударилъ въ барабанъ и взоры обратились на дорогу, по которой приближалась, окруженная верховыми, телѣга съ шестью хунхузами, связанными попарно за косы.

Когда телѣга приблизилась къ помосту, по знаку чиновника хунхузамъ помогли выбраться изъ телѣги и поставили ихъ въ рядъ. Одинъ изъ китайцевъ подошелъ къ старшему чиновнику и что-то шепнулъ ему;

чиновникъ подозвалъ палача и тихо отдалъ ему приказаніе. Палачъ взялъ мечъ, вынулъ его изъ ноженъ, попробовалъ лезвіе рукою и, поправивъ его на особомъ ремнѣ, высоко поднявъ мечъ, пошелъ къ осужденнымъ. Хунхузы стояли спокойно съ развязанными руками и ногами; палачъ приблизился къ нимъ, при чемъ ближайшій хунхузъ лишь зажмурился, и началъ разрѣзать мечемъ, связывавшія ихъ попарно косы. Удары меча были настолько сильны, что при разрубываніи косъ головы осужденныхъ стукались. Разрѣзавъ косы, палачъ размѣстилъ осужденныхъ полукругомъ на разстояніи двухъ шаговъ другъ отъ друга и отошелъ въ сторону. Началось чтеніе смертнаго приговора, который всѣ присутствующіе слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, кромѣ осужденныхъ, остававшихся равнодушными. По прочтеніи приговора чиновникъ показалъ печать всѣмъ окружающимъ и махнулъ рукою палачу. Началась казнь.

Подойдя къ первому осужденному, палачъ приказалъ ему опуститься на колѣни,—что тотъ послушно исполнилъ. Ставъ противъ осужденнаго, палачъ схватилъ лѣвой рукою за остатокъ отрѣзанной косы и пригнулъ голову преступника такъ, что напряженные мускулы шеи обрисовались продольными полосами... Но я не буду описывать дальше...

Палачъ высоко поднялъ голову, показывая толпѣ, и затѣмъ бросилъ ее къ ногамъ

слѣдующаго осужденнаго, который даже не вздрогнулъ и, взглянувъ на нее безучастно, спокойно отвелъ взоръ, оставаясь попрежнему равнодушнымъ, какъ будто все происходящее его не касается и не возбуждаетъ въ немъ ни страха, ни сожалѣнія. Такъ были казнены всѣ шесть хунхузовъ, выказавшихъ поразительное равнодушіе къ смерти: не было ни слезъ, ни просьбъ о помилованіи, ни страха смерти; ни одинъ не тронулся даже съ мѣста, на которомъ стоялъ. Убивая и замучивая другихъ, хунхузы знали, что если будутъ пойманы, то не избѣгутъ смертной казни. Они не просили сожалѣнія, такъ какъ сами его не знали, и безъ всякаго страха разстались съ жизнью, по свойственному всѣмъ китайцамъ вообще безстрашію передъ смертью, которая, по ихъ вѣрованію, есть лишь переходъ къ лучшей загробной жизни. Несмотря на строгость законовъ, карающихъ дѣятельность хунхузовъ и борьбу съ ними русскихъ военныхъ отрядовъ, количество ихъ не уменьшается, а пожалуй все увеличивается.

Возвратившись на пароходъ я засталъ все готовымъ къ отправкѣ. Нѣсколько новыхъ пассажировъ прибавилось къ намъ, — это были русскіе пограничные чиновники, выѣзжавшіе въ Ангунъ для разъясненія какихъ-то спорныхъ—пограничныхъ пунктовъ. Ниже Айгуна, правая сторона Амура вновь стала покрываться лѣсомъ; холмистыя террасы,

постепенно возвышаясь, незамѣтно переходили въ горный кряжъ, покрытый съ низу до верху лѣсомъ. Каменистая масса горъ удивляла меня своею растительностью. Странныя ущелья, трещины принимали видъ какихъ-то сказочныхъ гротовъ, въ которыхъ обитали гномы — на каждомъ шагу видно было, что мѣстность эта безлюдна, что нога человѣка не ступала по ней, отвѣсныя стѣны этихъ горъ еще болѣе подтверждали это. Съ парохода стали замѣчать, карабкавшихся по отвѣснымъ скаламъ дикихъ козъ. Удивительная картина представилась мнѣ: на краю расщелины стояла коза-мать, а по другую сторону находились два маленькихъ козленка, тщетно желавшихъ перебраться къ матери; жалобные звуки ихъ долетали до парохода, изрѣдка словно въ отвѣтъ имъ раздавалось бляніе козы, и вотъ, послѣ рѣзкаго ея звука козлята, странно поджавъ подъ себя ноги, распластались надъ пропастью. Съ замираніемъ сердца слѣдили мы за ними, — хватитъ ли силъ у нихъ, соразмѣрили ли они прыжокъ? Но вотъ, къ счастью, одинъ ужъ на той сторонѣ, за то другой повисъ передними ногами на краю пропасти. Судорожно вытянутыя заднія ноги изрѣдка старались поддержать равновѣсіе, копытцами цѣплялись за отвѣсъ. Не было сомнѣнія, что козленокъ сорвется и полетитъ внизъ съ высоты не менѣе 50 сажень. И вотъ въ

самую критическую минуту, когда козуля, теряя послѣднія силы, напрягала мускулы, мать ея въ одну секунду перелетѣвъ на сторону дѣтеныша, ухватила его передними ногами и вытащила на скалу. Это самопожертвованіе, ради материнскаго чувства, произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ, зрителей. Животное рискуетъ своею жизнью для спасенія своего дѣтеныша и это попадаетъ на каждомъ шагу, почему же между людьми встрѣчается это все рѣже и рѣже?

День стоялъ чудный: блѣдно-голубое небо принимало зеленоватый оттѣнокъ, грудь жадно вдыхала животворный воздухъ, который ароматными струями охватывалъ со всѣхъ сторонъ.

Черезъ четверо сутокъ путешествія показался вдали Хабаровскъ. Разбросанные кой-гдѣ дома всѣ, почти, низенькіе, представляютъ изъ себя жалкую картину и только красавецъ - Амуръ при сліяніи съ Уссури представлялъ грандіозную картину. Береговъ не было видно, громадное синее полотно, почти безъ движенія, охватило весь видимый горизонтъ и на немъ изрѣдка, вродѣ бѣлыхъ пятенъ, виднѣлись паруса лодокъ и баржъ. Нашъ пароходъ, сдѣлавъ красивый полукругъ возлѣ самой пристани, тихо, безъ малѣйшаго толчка присталъ къ ней. Пошла суета.

Но главное, что возбудило неудовольствіе прїѣзжихъ, это кропотливое осматриваніе

паспортовъ полиціей, которая «визируетъ» каждый пароходъ. Мѣра эта принята ввиду частыхъ побѣговъ арестантовъ съ работъ, тюремъ и Сахалина.

Крутой спускъ къ пристани страшно неудобенъ,—приходится подыматься по лѣстницѣ, почти вертикальной, чуть ли не въ 200 ступень, пока доберешься до города. Первое, что бросается въ глаза, при въѣздѣ въ городъ, это огромный памятникъ графу—Муравьеву—завоевателю Амура: четырехугольный массивный пьедесталъ завершается фигурой, — въ ногахъ лежатъ разорванныя цѣпи,—эмблема просвѣщенія, въ рукахъ рукопись,—хартія договора Россіи съ Китаемъ. Вокругъ памятника разбитъ довольно обширный садъ съ изящными клумбами, попадаются въ немъ и гроты съ бесѣдками. Около самага сада стоитъ громадное зданіе Общественнаго Собранія, далѣе за нимъ—Музей.

При осмотрѣ его, меня сильно заинтересовало громадное количество китайскихъ экспонатовъ: въ отдѣленіи оружія есть двѣ китайскія пушки, заряжались онѣ камнями, также есть фальконеты, китайскія ружья съ фитилями, кремневая, большой выборъ сабель, начиная съ круглой и до прямой и широкой, какъ палашъ, есть колекція луковъ, начиная съ громаднаго—чуть ли не въ сажень и кончая, почти что, дѣтскимъ въ общемъ музей интересенъ и стоитъ его посмотреть, неудобство только въ томъ, что

посѣщать его можно только въ праздники, въ обыкновенные же дни впускаютъ по особому разрѣшенію, которое получается съ большимъ трудомъ, благодаря отсутствію того или другого начальника.

Постройки въ городѣ преобладаютъ деревянныя; есть хорошіе магазины, но не чета Благовѣщенскимъ и Иркутскимъ. Въ городѣ много живетъ японцевъ, занимающихся торговлей, много среди нихъ попадается парикмахеровъ и прачекъ. Городъ получаетъ большой доходъ отъ аренды прибрежья Амура, служащаго для рыбной ловли. Я самъ видѣлъ, какъ при мнѣ рыболовы вытащили громадную бѣлугу пудовъ въ 40. Ловятъ ихъ довольно оригинально: къ толстому канату привязываютъ на крѣпкихъ бичевкахъ крючекъ, подъ нимъ привязывается блестящій стеклянный шаръ, вокругъ котораго, въ разныхъ направленіяхъ, прикрѣплено много другихъ крючьевъ; рыба, замѣтивъ блестящій шаръ, устремляется на него съ желаніемъ его схватить, въ это то время одинъ изъ крючьевъ и впивается ей въ тѣло; почувствовавъ боль, она начинаетъ бросаться, вслѣдствіе чего еще большее количество крючьевъ впивается въ нее, на берегу же, посредствомъ колокольчика, привязаннаго къ канату, извѣстно, что рыба поймана. И вотъ такимъ образомъ громадное количество бѣлуги вылавливается каждый годъ изъ Амура.

Городъ Хабаровскъ разбитъ при сліяніи

двухъ громадныхъ рѣкъ Сунгари и Амура и, конечно, въ будущемъ его ожидаетъ не то.

Отъ Хабаровска до Владивостока устроена желѣзная дорога на разстояніи 480 верстъ. Съ крайнимъ прискорбіемъ мнѣ пришлось убѣдиться, что ѣзда по ней не безопасна, несмотря на столь малое разстояніе — не проходитъ и одного дня, чтобъ не случилось крушенія.

Между Владивостокомъ и Хабаровскомъ находится вновь устроенный русскій городъ Никольскъ-Уссурійскъ, маленькій, почти незамѣтный, но чрезвычайно живой городъ; громадныя желѣзнодорожныя дома и мастерскія еще болѣе оживляютъ его. Въ окрестностяхъ его прекрасная охота, въ особенности на фазановъ, которыхъ видимо-невидимо. Во мнѣ заговорила жилка охотника и я рѣшился поохотиться въ немъ нѣсколько дней; при осмотрѣ города я познакомился съ однимъ старикомъ корейцемъ, очень любезнымъ и, какъ видно, не глупымъ, который и былъ во всѣ дни моего пребыванія моимъ проводникомъ. Въ городѣ положительно нѣтъ ничего интереснаго: лѣтомъ по немощеннымъ улицамъ стоитъ непроходимая грязь, или невозможная пыль, смотря по состоянію погоды; вообще добровольно живущихъ здѣсь нѣтъ, — всякъ живетъ вслѣдствіе необходимости. Торговлю городъ ведетъ очень незначительную, хотя онъ имѣетъ

двѣ дороги для сбыта своихъ товаровъ: съ одной стороны—желѣзную дорогу, съ другою—судоходную рѣку Уссури. Преобладаютъ въ городѣ желѣзнодорожные служащіе и военные. Городъ еще тѣмъ знаменитъ, что въ немъ живутъ два извѣстнѣйшихъ истребителя тигровъ,—отецъ и сынъ, за время своего промысла они уничтожили около двухсотъ тигровъ. Во время проѣзда, черезъ этотъ городъ, нынѣ царствующаго Государя-Императора, тогда еще Наслѣдника, они были представлены ему. Его Высочество-Наслѣдникъ изволилъ съ ними милостиво разговаривать, спрашивая объ опасностяхъ вынесенныхъ ими. Простой и сердечный рассказъ ихъ такъ понравился Наслѣднику, что тутъ же было велѣно записать ихъ въ штатъ Императорскихъ охотниковъ, при чемъ пожалованы были имъ ружья и другія цѣнныя вещи.

Съ того времени всякаго убитаго тигра, или какого-нибудь другого звѣря, они обязаны были доставлять къ Императорскому двору.

Бывали случаи, что жизнь неустрашимыхъ охотниковъ висѣла на волоскѣ и только удивительное хладнокровіе спасало ихъ отъ когтей страшнаго хищника. Не разъ отецъ выручалъ изъ бѣды своего сына, какъ болѣе горячаго охотника: такъ сыну однажды пришлось полтора сутокъ просидѣть на деревѣ, у подножія котораго стерегъ его тигръ.

Во время бѣгства на дерево, ружье было обронено и никакія средства не помогли его достать. Видя, что все спасеніе въ ружьѣ, охотникъ разорвалъ рубашку на длинныя полосы, и, связавъ ихъ, привязалъ къ одному концу, отломленную тутъ же съ дерева кривую вилку, надѣясь ею зацѣпить за ремень ружья и втянуть его наверхъ, но всякій разъ, какъ удочка опускалась на землю, тигръ однимъ взмахомъ лапы рвалъ ее въ дребезги, и такъ до самаго вечера, ночью же и охотнику ничего не было видно. Пришлось покориться судьбѣ: если отецъ найдетъ слѣдъ, то онъ спасенъ, а если нѣтъ, — то вѣрная смерть. Ждать ухода раненаго тигра не было надежды, каждый взглядъ, бросаемый имъ на охотника, краснорѣчиво говорилъ, что онъ знаетъ кто причиной его боли. Прошла долгая, томительная ночь. Одно неловкое движеніе—и можно сорваться внизъ, а тутъ сонъ ломитъ во всю, измученный организмъ за день, настоятельно требуетъ отдыха. О, тяжелая ночь! Даже и теперь при воспоминаніи о ней морозъ по спинѣ пробираетъ. Только къ полудню подоспѣлъ отецъ на выручку и то, какъ разъ, во время,—еще два, три часа и сынъ свалился бы въ изнеможеніи. Тихо подкрадывался старый, чуяло сердце его бѣду, но надѣялся онъ также и на сына,—не разъ же ему приходилось спасаться, тѣмъ болѣе и мѣсто знакомое... Но чу, что за

трескъ: вытянулъ шею охотникъ и застылъ въ ожиданіи, но нѣтъ,—опять все тихо, почудилось вѣрно, оглянулся кругомъ никого, взглянулъ на верхъ и замеръ... Въ десяти шагахъ отъ него, на толстой вѣткѣ кедра увидѣлъ онъ сына: измученный, съ полузакрытыми глазами, онъ могъ сорваться каждую минуту. Опустился на колѣни старикъ и сталъ разсматривать, — сомнѣній нѣтъ, тигръ долженъ быть, но гдѣ? вдругъ внизу, межъ кустами зажелтѣло что-то, присмотрѣлся,—такъ и есть, онъ самый, лежитъ во всю длину и языкомъ лапу полизываетъ. Стиснулъ винтовку старикъ въ рукахъ, взглянулъ еще разъ на сына и тихо, словно по мишени, сталъ наводить на хищника мушку. Готово. Тррр... прогремѣлъ сухо короткій выстрѣлъ, даже эхо не откликнулось и только глухой стонъ тигра отвѣтилъ ему. Тигръ былъ убитъ наповалъ. Измученный сынъ съ трудомъ могъ спуститься съ дерева, но дальше итти не могъ и легъ подъ этимъ же деревомъ отдохнуть. Это не первый случай опасности, встрѣченный ими на охотѣ,—каждая почти охота сопряжена съ рискомъ: малѣйшая ошибка и жизнь становится на карту. Но несмотря на это, эти смѣлые люди продолжаютъ свой опасный промыселъ, хотя съ матеріальной стороны они давно уже обезпечены: за каждаго убитаго тигра они получаютъ премію, иногда доходящую до трехъ тысячъ рублей.

Говоря объ охотѣ, коснусь и того, что мнѣ пришлось испытать на одной изъ нихъ. Былъ чудный, ясный день, ни вѣтерка, ни одной тучки на небѣ, однимъ словомъ такой день, въ который никому не сидится дома. Я собрался на охоту, кстати налетѣла масса фазановъ и недалеко, почти за городомъ. Но только что я вышелъ за черту города, какъ меня встрѣтилъ перепуганный китаецъ.— «Ламаза, Ламаза! Не ходи русскій, шибко сердить онъ, разорветъ въ куски!— затараторилъ онъ съ испугу, мѣшая русскія слова съ китайскими. Вотъ тебѣ и охота на фазановъ, мелькнуло у меня въ умѣ. Сознаюсь, что извѣстіе это въ первую минуту отняло у меня охоту итти дальше. Не разъ мнѣ приходилось слышать всевозможныя похождения этого свирѣпаго обитателя тростниковъ, наводящаго панической ужасъ на желтолицыхъ и не на шутку пугавшаго русскихъ. У страха глаза велики; къ возможному приплетали невозможное и въ общемъ получалось нѣчто фантастическое, что-то до того страшное, что при воспомина- нии легкая дрожь пробѣгала по рассказчику и слушателямъ.

Подумавъ немного и рѣшивъ, что если тигръ и былъ дѣйствительно гдѣ-нибудь по близости, то, спугнутый людьми, долженъ быть теперь далеко и мнѣ нѣтъ необходимости лишать себя удовольствія, я пошелъ дальше. Желая во всякомъ случаѣ хоть не-

много себя обезопасить при неожиданной встрѣчѣ съ кровожаднымъ врагомъ, я разрядилъ одинъ стволъ моего ланкастера и вмѣсто дроби закатилъ пулю, а также переѣмнилъ второй зарядъ съ мелкой на болѣе крупную дробь.

«Ну, теперь мнѣ нечего бояться, — мысленно подбодрялъ я себя, — имѣя вѣрную руку и зоркій глазъ, чего въ самомъ дѣлѣ мнѣ бояться?!» Тигра я видѣлъ не разъ, но не близко; первый разъ, охотясь за козулями вблизи Владивостока, въ мѣстности, слегка поросшей мелкимъ кустарникомъ, я встрѣтилъ прекрасную пару высоконогихъ козулъ и сталъ ихъ потихоньку обходить. Обходъ удался мнѣ на славу: не болѣе 60 сажень отдѣляло меня отъ нихъ, но я все еще медлилъ, — такъ хороши онѣ были въ своей дикой красѣ. Но надо было спѣшить, — эти пугливыя животныя рѣшительно всего боятся: какой-нибудь заяцъ и тотъ можетъ ихъ испугать, тогда прощай охота, — сломя голову пронесутся онѣ нѣсколько верстъ и, только уставъ и видя себя въ полной безопасности, снова остановятся.

Ружье мое было заряжено коническими пулями. Я поднялъ его и взялъ на прицѣлъ ближе стоящаго ко мнѣ козла. Медленно, словно стрѣляя въ цѣль, спустилъ я курокъ. Грянулъ выстрѣлъ. Козель мотнулъ головой и тихо, словно жалуясь на насиліе,

опустился на колѣни: пуля попала прямо въ сердце, и онъ околѣлъ безъ всякаго страданія. Коза же, словно бѣшенная, неслась въ противоположную отъ меня сторону. Я съ любопытствомъ наблюдалъ ея бѣгъ. Какъ стрѣла, пущенная изъ туго натянутаго лука, неслась она по прямой линіи, красиво закинувъ голову, — но вдругъ, испугавшись кого-то, ринулась, словно ошпаренная, въ сторону: на перерѣзъ ей гигантскими скачками несся громадный полосатый хищникъ. Я замеръ въ ожиданіи исхода бѣшенной скачки. Не трудно было замѣтить, что хищникъ хотя и былъ сначала вблизи отъ намѣченной жертвы, все дальше и больше отставалъ отъ нея.

Наконецъ, выбившись, повидимому, изъ силъ и, сдѣлавъ послѣдній гигантскій прыжокъ, остановился.

Высунутый языкъ, свѣсившійся съ боку, и судорожно втянутые бока ясно говорили о страшной усталости хищника. Потянувъ носомъ по моему направленію и странно подкинувъ голову кверху, онъ злобно уставился въ мою сторону. Я стоялъ словно загипнотизированный, забывъ даже, что одинъ стволъ моего ружья разряженъ. Наконецъ, сообразивъ грозящую мнѣ каждую минуту опасность, я какъ можно скорѣе зарядилъ стволъ конической пулей. Тигръ тѣмъ временемъ повернулся ко мнѣ бокомъ, мордой къ мелкому кустарнику, и, повер-

нувъ еще разъ въ мою сторону носъ, легкими скачками, изрѣдка ударяя себя по бокамъ хвостомъ, скрылся изъ глазъ. Вваливъ на спину убитаго козла и не выпуская изъ рукъ ружья, зорко глядя по сторонамъ, я медленнымъ шагомъ отправился домой.

Второй разъ я видѣлъ шире еще дальше: тогда онъ мчался, должно быть испуганный кѣмъ-нибудь. Эти два случая подбодрили меня. Я смѣло шелъ впередъ, въ душѣ даже желая встрѣчи съ «нимъ». Да и чего же бояться! Есть же люди, которые специально этимъ занимаются и слава Богу живы и здоровы, и я ихъ лично знаю. Чѣмъ же я хуже ихъ? Смерть мнѣ не страшна, я это знаю; но, быть можетъ, смерть отъ когтей, мучительная и долгая, кажется мнѣ ужасной. Но къ чему думать о смерти! Впередъ! Вотъ и послѣдняя фанза, въ ней живетъ знакомый мнѣ кореецъ Фуди, добродушный и вѣчно веселый малый. Не разъ приходилось мнѣ подолгу съ нимъ бесѣдовать и, сознаюсь, что я его иногда предпочиталъ европейцамъ. Недалеко роща, она довольно рѣдкая, такъ что бояться засады нечего. Лишь вотъ эти дикоросты пройти, а тамъ все хорошо. Чѣмъ ближе я приближался къ рощѣ, тѣмъ легче становилось у меня на душѣ.

Пройдя около полуверсты рощей, я замѣтилъ нѣсколько фазановъ, сидящихъ и бѣгающихъ на опушкѣ лѣса. Стараясь неза-

мѣтно пробраться, я долженъ былъ углубиться въ лѣсъ, такъ какъ по краямъ были очень рѣдки деревья. Поворотивъ въ глубь лѣса, я внезапно остановился: меня поразило глухое, зловѣщее мяуканье, такъ какъ при видѣ фазановъ я положительно забылъ о тигрѣ. Поднявъ ружье, готовый каждую минуту выстрѣлить, я тихонько сталъ возвращаться назадъ, но какъ я ни старался наступать на вѣтки, чтобъ не трещало, все-таки нѣтъ—нѣтъ и треснетъ; всякій разъ трескъ заставлялъ меня вздрагивать.

Пройдя нѣсколько шаговъ, я остановился. Словно предчувствіе какое-то заставило меня это сдѣлать. Оглянувшись назадъ, я остолбенѣлъ: громадная, круглая голова тигра съ злобно сверкающими глазами уставилась въ меня. Но сверхъ ожиданія робость покинула меня. Видя передъ собой неминуемую опасность, я рѣшился бороться до послѣдней капли крови. Вытянуть широкій, острый, какъ бритва, кинжалъ и продѣть черезъ темлякъ руку было дѣломъ одной минуты. Я былъ готовъ къ борьбѣ, но первый все-таки не начиналъ. Я вспомнилъ, что человѣческій взглядъ имѣетъ громадное вліяніе на звѣрей, и устремилъ глаза на хищника. Къ моему крайнему изумленію, хищникъ сразу заморгалъ глазами, а потомъ сталъ даже махать головой. Я окончательно ободрился; сознаніе, что хищникъ все-таки же боится меня, разогнало послѣднее раз-

думье. А главное я теперь былъ увѣренъ, что рука у меня не дрогнетъ. Медленно, чтобъ рѣзкимъ движеніемъ не раздражить животное, я поднялъ ружье въ уровень его головы. Черезъ секунду глаза хищника приходились какъ разъ между мушкой. Я отвелъ голову и взглянулъ на руки со стороны: не трясутся-ли? Нѣтъ! Пора. Разъ, два, три! Грянулъ выстрѣлъ, и тигръ, словно подброшенный распластался въ воздухѣ; черезъ мгновеніе онъ тяжело рухнулъ на землю. Громадные, желтые, какъ воскъ, когти глубоко вошли въ землю. И мертвый онъ лежалъ страшнымъ, и мертвый онъ могъ испугать трусливаго человѣка. Кровавая пѣна сочилась, изъ-подъ высунувшагося и прикушеннаго языка.

Хищникъ, наводящій ужасъ, лежалъ, какъ ягненокъ.

Я стоялъ, облокотившись на ружье, не замѣчая, что прижалъ прикладомъ хвостъ хищнику. Несмотря на удачную охоту я сталъ болѣе остороженъ и сознаю, что не желалъ бы другой такой встрѣчи.

Южно-Уссурійскій край, по географическому положенію соотвѣтствуетъ приблизительно нашему Крыму.

Но только соотвѣтствуетъ, а въ сущности климатическія условія самыя отрицательныя.

Никольскъ-Уссурійскъ лежитъ южнѣ Каменнаго-Рыболова, такъ какъ онъ верстъ на

триста сѣвернѣй, но при измѣреніи температуры получается удивительная разность: температура Никольска-Уссурійска ниже, чѣмъ Каменнаго-Рыболова. Наивысшая холодная температура Южно-Уссурійскаго края равняется, несмотря на громадную географическую разницу положеній, температурѣ Архангельской губерніи.

Мѣстность холмистая, попадаются часто горы. Край пересѣкаютъ большія судоходныя рѣки, какъ: Суйфунъ, Уссури, Сучанъ, Лѣфу, но, не смотря на это, край мало песчаный. Песчаная полоса отъ рѣкъ рѣдко достигаетъ 3—4 верстнаго разстоянія. Попадаетъ черноземъ и довольно часто, къ несчастью слой не глубокъ и силы произрастанія скоро исчерпываются. Зато травяные злаки достигаютъ чудовищныхъ размѣровъ, — во многихъ мѣстахъ трава достигаетъ человеческого роста.

Урожай Южно-Уссурійскаго края могутъ быть приравнены къ таковымъ же Черниговской губерніи и единственное зло его, это попадающіяся въ немъ ядовитыя зерна. Были случаи отравленія людей, въ особенности солдатъ, отъ зеренъ этихъ, попавшихъ въ печеный хлѣбъ; симптомы отравленія, почти, одинаковы съ симптомами отравленія химическими ядами, — такое же головокруженіе и тошнота.

*

* *

21-го іюля я прибылъ во Владивостокъ.

Съ перваго взгляда я былъ пораженъ грандіозной картиной. Громадная бухта такъ и кишѣла судами всевозможныхъ націй. Дѣйствительно Владивостокскій портъ можетъ быть причисленъ къ лучшимъ въ мірѣ. Несмотря ни на какую бурю въ открытомъ морѣ, въ бухтѣ всегда тихо и едва замѣтное волненіе поверхности указываетъ на грозу за ея границей. Городъ очень красивъ, особенно съ моря: попадаются громадныя каменные сооруженія, удивляющія своею массивностью. Морской офицерскій клубъ принадлежитъ къ одному изъ нихъ. Весь городъ разбитъ на правильные кварталы, южная часть его холмиста, почему и менѣе застроена, чѣмъ сѣверная. Главная улица въ немъ Свѣтланская, ровна, какъ стрѣла и довольно хорошо мощена. Въ городѣ есть каменный театр, подвизаются въ немъ довольно извѣстныя артистическія силы.

Множество гостиницъ, но увы, цѣны въ нихъ просто невозможныя: простенькій номерокъ о двухъ окнахъ стоитъ не менѣе трехъ рублей, столъ также дорогъ и къ тому же скуденъ и плохъ. Всѣ эти цѣны обуславливаются богатствомъ отдѣльныхъ лицъ. Самый скромный обѣдъ, изъ двухъ блюдъ, стоитъ не менѣе 25 рублей въ мѣсяць; частныя квартиры почти такъ же дороги, какъ и гостиницы, причина этому, множество наѣхавшихъ лицъ при постройкѣ желѣзной дороги, не говоря уже о переселен-

цахъ, пользующихся казенными домами. Въ городѣ расположено много войскъ, особенно моряковъ.

Всѣ поденныя работы исполняются китайцами, трудъ которыхъ оплачивается гораздо дешевле, чѣмъ русскихъ, хотя, по справедливости говоря, китаецъ и не можетъ равняться съ русскимъ въ работѣ: что рабочій русскій сдѣлаетъ за день, то китайцу не сдѣлать и за три дня. Вообще китайцы очень слабосильный и къ тому же лѣнивый народъ; на работѣ они прибѣгаютъ ко всѣмъ уверткамъ, чтобы, по возможности, сократить такуюю. Меня крайне удивило количество принимаемой ими пищи,—оно покажется всякому прямо-таки поразительнымъ, напримѣръ: обыкновенный рабочій, здоровый мужчина, получаетъ двѣ горсти сухого риса и это на цѣлый день; употребляетъ его всякій по своему: кто варитъ, кто жаритъ съ бараньимъ саломъ. Мнѣ приходилось видѣть, какъ удивлялись китайцы, видя, что русскій солдатъ получаетъ, кромѣ горячей пищи, три фунта чернаго хлѣба. Количество это имъ казалось невозможнымъ, они увѣряли, что этой порціи хватило бы имъ на троихъ.

Каждый годъ нѣсколько тысячъ китайцевъ прибываетъ во Владивостокъ на работы, тѣ же, которые заработали немного, возвращаются на родину. Мнѣ говорилъ „На Дальній Востокъ“.

китаецъ, что для безбѣднаго существованія его въ Китаѣ, надо не болѣе тысячи рублей; этой суммой онъ обезпеченъ на всю жизнь.

Въ городѣ много японцевъ, но въ качествѣ чернорабочихъ ихъ нѣтъ; занимаются они или торговлей, или парикмахерскимъ и прачешнымъ дѣломъ, кстати сказать, — почти всѣ парикмахерскія и прачешныя во Владивостокѣ въ рукахъ японцевъ. Насколько китайцы вѣжливы, добродушны и уступчивы, настолько японцы самолюбивы, горды и даже задирчивы. Я никогда не забуду происшедшаго со мной инцидента съ однимъ японцемъ. Зашелъ я однажды въ японскую парикмахерскую. Разговаривавшій въ это время со своимъ землякомъ приказчикъ не обратилъ на меня никакого вниманія. Желая его подозвать и не зная ни слова по японски, кромѣ слова «бойко», значащее на китайскомъ языкѣ, хорошо понятномъ японцамъ «молодой человекъ», я назвалъ его этимъ именемъ. Но что тутъ произошло, трудно описать: позеленѣвшій отъ зла японецъ залопоталъ на своемъ языкѣ что-то такое, но такъ быстро, что если бы я даже понималъ его, то и тогда, я думаю, не могъ бы ничего разобрать. Успокоившись немного, онъ обратился ко мнѣ на ломанномъ русскомъ языкѣ съ поясненіемъ, что здѣсь «боекъ» нѣтъ, что онъ не китаецъ, а японецъ, а значеніе японца, Россіи скоро будетъ извѣстно, и въ заключеніе, попросилъ меня

удалиться изъ парикмахерской, поясняя, что сколько бы я не сидѣлъ, меня никто не побрѣтетъ, ни онъ, ни его товарищъ.

Такъ мнѣ и пришлось уйти несолоно хлебавши. И это не онъ одинъ, всѣ японцы таковы: при всякомъ случаѣ каждый изъ нихъ старается гордо выдвинуть впередъ свою національность. Подобное поведеніе я объясняю исконнымъ мирволеніемъ русскихъ людей къ иностранцамъ, а въ особенности къ японцамъ, въ виду ихъ малаго роста: «пусть молъ похорохорятся».

Китайскіе и японскіе магазины во Владивостокѣ составляютъ почти половину всѣхъ существующихъ въ немъ, хотя такихъ магазиновъ, какъ дворцы Кунстъ-Альберса, Чуринина и Пташинкова у нихъ и въ поминѣ нѣтъ, но дѣла ихъ отъ этого идутъ ничуть не хуже.

Пріятный видъ представляется съ набережной на бухту,—на необозримое пространство, словно блѣдно-голубая скатерть, растилается синева водъ. Золотистое небо, громаднымъ куполомъ, лиловыми краями сливается съ горизонтомъ; воздухъ чистъ и прозраченъ; забываешь, прямо-таки что находишься на Дальнемъ Востокѣ.

Я не забуду никогда, какъ гуляя по набережной на разстояніи какихъ-нибудь сорока, пятидесяти сажень отъ берега, я увидѣлъ спокойно плывущую акулу; она положительно не обращала вниманія на людей,

словно они ее не интересовали; это было громадное сѣрое чудовище съ желтыми неровными кругами на спинѣ. Я спросилъ, у попавшагося мнѣ по дорогѣ, берегового сторожа, видалъ ли онъ ее, на что тотъ отвѣтилъ, что на нее они смотрятъ, какъ на ручную и иногда сами кормятъ. У меня явилась мысль, какъ бы она поступила со своими хлѣбодавцами, попади они случайно къ ней въ воду? Воображаю, какъ хищный звѣрь одолѣлъ бы ручного и плохо пришлось бы упавшему.

Владивостокскій музей очень богатъ коллекціями, такъ что помѣщеніе, отведенное подъ него оказывается слишкомъ малымъ. Многія рѣдкости, за неимѣніемъ мѣстъ въ витринахъ и шкафахъ, лежатъ кой какъ и гдѣ попало. Изъ животного царства заслуживаетъ особеннаго вниманія зародышъ кита; въ спиртныхъ банкахъ много змѣй разныхъ породъ. Между птицами интересны чучела ибисовъ всевозможныхъ цвѣтовъ, — эта птица своимъ разноцвѣтнымъ опереніемъ похожа на попугая; въ музеѣ ихъ около 30 разновидностей. Утварь, части орудій, модель лодки изъ моржевой кожи, разные трубки, и игрушки переноситъ васъ въ міръ чукчей. Коллекція изъ Императорской гавани очень интересна своей полнотой и разнообразностью предметовъ. Въ музеѣ много костей, череповъ, между ними обращаетъ особенный интересъ скелетъ морской коро-

вы, которая болѣе 50 лѣтъ не встрѣчается въ нашихъ моряхъ. Этотъ экземпляръ представляетъ рѣдкость и для музеевъ. Въ общемъ музей производитъ хорошее впечатлѣніе и достоинъ посѣщенія любознательнаго туриста.

Въ городѣ существуетъ Общество для изученія Амурскаго края, при которомъ имѣется обширная библіотека. Самая большая библіотека это Морского Собранія.

На каждомъ шагу во Владивостокѣ попадаютъ переселенцы; пріѣхавъ сюда и осмотрѣвшись, они начинаютъ плакать и приходятъ въ отчаяніе: думали они встрѣтить по своему пріѣздѣ все готовое, т. е. жилища, скотъ, полевья орудія и жестоко ошибались. Правда, всякое семейство получаетъ вспомошествованіе, но въ такомъ количествѣ, что безъ своихъ денегъ трудно, если и не совсѣмъ невозможно устроиться сносно.

Въ общемъ Южно - Уссурійскій край богатъ сокровищами въ нѣдрахъ земли и на поверхности ея, но путь для колонизаціи очень тернистъ.

Весной и лѣтомъ до половины августа мошки, комары, слѣпни, всевозможныя мухи не даютъ спокойно жить и питаться скоту, который отдыхаетъ и приходитъ въ себя только осенью. Весна, какъ во Владивостокѣ, такъ и въ окрестностяхъ дождливая, зимою же сильные холода: морозъ иногда достигаетъ 35 градусовъ, портъ замерзаетъ,

такъ что прерывается всякое сообщеніе моремъ, а сухопутное представляетъ много неудобствъ.

Я началъ наводить справки о томъ, могутъ ли я частнымъ образомъ, единственно во имя научныхъ цѣлей, ѣхать на Сахалинъ и первое время хотя и не получалъ прямого отказа, но даваемое согласіе было равносильно отказу. Мнѣ, напримѣръ, разрѣшали ѣхать на островъ, но только съ тѣмъ, чтобъ я не могъ на него высаживаться, т. е. этимъ самымъ сводили смыслъ моей поѣздки къ нулю. Наконецъ, я кое-какъ выхлопоталъ разрѣшеніе. Я много читалъ объ этомъ островѣ, но увидѣть его лично, подышать однимъ воздухомъ съ сотнями тысячъ несчастныхъ, увидѣть ихъ на мѣстѣ въ обыденной жизни безъ прикрасъ, сравнить дѣйствительность съ прочитаннымъ объ Сахалинѣ хотѣлось сильно; я былъ увѣренъ, что найду что-нибудь новое, пропущенное моими предшественниками. Сборы мои были не велики, кстати во Владивостокскомъ рейдѣ стояло готовое отплыть туда судно добровольнаго флота «Кострома» съ человѣческимъ грузомъ, т. е. съ каторжниками. Судно прибыло изъ Одессы и, сдавъ грузъ, слѣдуемый во Владивостокъ, ждало распоряженія слѣдовать дальше.

Въ пятницу къ вечеру я былъ ужъ на суднѣ; первое что меня заинтересовало это безупречная чистота; все вымыто, все вычи-

щено, почти до блеска, нигдѣ не видать грязнаго пятна, объ сорѣ нѣтъ и помину. Капитанъ, высокій, пожилой, представительный блондинъ импонировалъ своею наружностью; пріятно было довѣрить свою жизнь именно такому, а не какому-либо иному лицу. Да и всѣ офицеры, какъ впоследствии оказалось, были милые люди.

Пароходъ «Кострома» принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ судовъ Добровольнаго флота; онъ законтрактованъ Правительствомъ для рейсовъ между Одессой, Владивостокомъ и Сахалиномъ съ каторжными. Въ настоящее время находилось ихъ около 400 челов. въ нижнемъ трюмѣ. Жены же ихъ, добровольно слѣдовавшія за мужьями находились особо отъ нихъ, на верхней задней части палубы; ихъ было около 40. При первомъ взглядѣ на каторжника меня поразила болѣзненная блѣдность его лица и это не одного, а всѣхъ безъ исключенія; они походили на людей, перенесшихъ тяжелую смертельную болѣзнь и еще вполне не оправившихся. Какое то грустное, безвольно тоскливое выраженіе ихъ лицъ съ мутными, большей частію, желтыми зрачками глазъ помимо воли говорило о утратѣ чего-то очень дорогого. Въ невольной улыбкѣ, рѣдко появлявшейся на ихъ лицахъ было что то стыдливое, виноватое, всѣ движенія ихъ неувѣренны, словно на каждомъ шагу ожидаютъ они неодобренія, выговоры.

Всякій врачъ при первомъ обгломѣ взгляда на нихъ безусловно призналъ бы ихъ психически разстроенными. Они находились въ нижнемъ трюмѣ, какъ я ужъ говорилъ, но что изъ себя представляетъ этотъ нижній трюмъ наврядъ ли кому извѣстно, кромѣ самага малаго количества посвященныхъ въ это людей. Скажу только, что человекъ не можетъ въ немъ выпрямиться т. е. стать во весь ростъ и это представьте себѣ въ теченіи почти 50 дней пути; не преувеличивая можно смѣло это отнести къ своего рода пыткѣ. Окошечки маленькія изъ толстаго зеленаго стекла мало освѣщали, тѣмъ болѣе, что они были всегда погруженны въ воду; безъ всякой вентиляціи воздухъ былъ невозможенъ, если только можно назвать воздухомъ смѣсь водорода съ испареніями и газами человѣческаго тѣла; непривыкшаго къ нему онъ сразу ошеломляетъ, а въ послѣдствіи и лишаетъ сознанія. Въ длину всего трюма тянутся нары, — грязныя, почти черныя отъ времени и долгаго употребленія доски; запачканный, въ пятнахъ, съ мокрыми лужами полъ напоминаетъ скорѣй выгребную яму, чѣмъ полъ жилого помещенія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что люди эти похожи на выходцевъ съ того свѣта; дышать даже одинъ день этимъ воздухомъ страшно, омерзительно а не то что цѣлыхъ 50. Всѣ нары заняты арестантами и вещами ихъ, люди всѣ были лишь въ нижнемъ казенномъ бѣльѣ; увидя

245

меня и принявъ за какого нибудь начальника арестанты стали жаловаться на грязь, на духоту и на пищу,—между прочимъ они рассказали что въ Красномъ морѣ, не имѣя силъ дышать въ трюмѣ они просили капитана о разрѣшеніи проводить каждый день нѣсколько часовъ на свѣжемъ воздухѣ на задней верхней палубѣ, но капитанъ отказалъ на отрѣзъ. У нѣкоторыхъ изъ арестантовъ пошла горломъ кровь, другіе теряли сознание, всѣ думали, что пришелъ послѣдній часъ. Рѣшились еще разъ попросить, получился такой же отказъ, но въ болѣе рѣзкой формѣ—болѣе горячіе изъ арестантовъ зароптали, и вотъ капитанъ, принявъ это за бунтъ, велѣлъ ошпарить ихъ горячимъ паромъ изъ машиннаго отдѣленія. — «Можете представить ваше благородіе — добавилъ одинъ изъ арестантовъ,—что съ нами тогда стало, всѣ какъ есть словно мертвые повалились на полъ, думали что и не подыдемся, то у нѣсколькихъ кровь шла изъ горла, а тутъ у всѣхъ до одинаго пошла, да такъ словно ее кто то толкалъ изъ нутра.» — «Поди съ дикими звѣрями, чай не такъ бы поступили, а мы все же люди» — замѣтилъ высокій благообразный сѣдой старикъ. Я поспѣшилъ отойти отъ нихъ, къ тому же я чувствовалъ усиленное біеніе сердца и головокруженіе,—рассказъ ли повліялъ на меня или же удушливый воздухъ,—не знаю. Въ моемъ воображеніи мелькнула только что

описанная картина: я видѣлъ всѣхъ арестантовъ, валявшихся въ безпамятствѣ на полу, а въ воздухѣ плотные, не расходящіеся въ этой рѣдкой атмосферѣ, клубы горячаго пара. Но правда ли все это, не вымыселъ ли вѣчно и на все жалующихся арестантовъ? къ крайнему моему прискорбію все это оказалось правдой: весь рассказъ отъ начала до конца подтвердилъ мнѣ механикъ судна, принужденный, вслѣдствіе приказанія капитана пустить паръ. Умъ мой переставалъ понимать, — неужели же эта мѣра была такъ необходима? А, главное добродушное лицо, мягкія манеры капитана... Глядя на него, я никогда бы не повѣрилъ, что онъ въ состояніи, что нибудь подобное сдѣлать. Но фактъ остается фактомъ. Всю дорогу я былъ подъ впечатлѣніемъ случившагося и старался всѣми силами, какъ можно меньше видѣться съ капитаномъ, а тѣмъ болѣе говорить съ нимъ.

На второй день плаванія мы «приняли», по словамъ моряковъ, маленькій штормъ, но для меня онъ показался громаднымъ, — я помню громадныя волны, свободно разгуливавшія по палубѣ и какъ сейчасъ вижу, прицѣпившихся, гдѣ какъ попало къ веревкамъ блѣдныхъ матросовъ.

Намъ пришлось все время шторма просидѣть въ каютахъ, да иначе и нельзя было, такъ какъ стоять на ногахъ не было никакой возможности. Въ каютахъ же, несмотря

на усовершенствованную вентиляцію стояла нестерпимая жара, аппетита къ ѣдѣ не было, за то жажда нестерпимо мучила—я ужъ не помню сколько выпилъ бутылокъ лимонаду, но кажется, что очень много. Словно въ награду за перенесенный штормъ, настали великолѣпные дни. Чудное блѣдно-лиловое море, съ изрѣдка попадавшимися бѣляками отъ вчерашняго вѣтра поддернуто чуть замѣтнымъ молочнымъ туманомъ. Небо ясное, хотя блѣдно-золотистыя полосы напоминають о недавней бурѣ.

На каждой верстѣ почти стали попадаться маленькіе, а иногда совсѣмъ крошечные островки они поднимаются не болѣе 3—4 вершк. надъ уровнемъ воды и во время шторма или сильнаго прилива покрываются сплошь водой. Намъ часто приходилось восхищаться чудной зеленью на этихъ крошечныхъ оазисахъ: получая даровое и почти каждодневное удобреніе въ видѣ наноснаго морского ила почва ихъ покрывается почти каждый мѣсяць свѣжей травой. На одномъ изъ островковъ мы замѣтили дикую козу: какъ она туда попала осталось для насъ неразрѣшенной задачей. По дорогѣ стали попадаться киты—видно они привыкли къ парходамъ, такъ какъ не особенно пугались его и подпускали на близкое разстояніе, но иногда, испугавшись или просто изъ-за каприза съ быстротой молніи исчезали съ глазъ: только бѣлая борозда пѣны указывала путь чудовища. Вблизи кита мы

замѣтили цѣлое стадо касатокъ, рыба, или скорѣе чудовище это принадлежитъ къ породѣ акулъ; страшно прожорливое, оно вѣчно враждуетъ и нападаетъ на кита. Несмотря на свою исполинскую силу въ хвостѣ, китъ предъ ними беззащитенъ; нападаютъ на него они стадомъ и наносятъ своими острыми, какъ ножи, зубами раны, а пораненый китъ не жилецъ, — фонтаномъ бьетъ кровь изъ ранъ его и великанъ, по мѣрѣ изліянія ея, теряетъ силу и издыхаетъ. Этимъ моментомъ пользуются касатки, и, набросившись на него всѣмъ прожорливымъ стадомъ, въ нѣсколько минутъ разрываютъ на части.

Одинъ изъ матросовъ, служившій раньше до поступленія на «Кострому», на китобойномъ суднѣ, рассказалъ мнѣ, что между этими судами заведено правило, при всякомъ такомъ нападеніи на кита не пользоваться его беззащитнымъ положеніемъ, а стараться изъ пушекъ какъ можно больше перебить касатокъ. Признаюсь, это правило мнѣ очень понравилось, но тутъ же я вспомнилъ, что защитники эти гораздо болѣе всѣхъ касатокъ сами истребляютъ защищаемыхъ. Въ особенности много стало попадаться нерпъ, — по истинѣ Татарскій проливъ можетъ считаться ихъ царствомъ; они, подобно всѣмъ млекопитающимъ, не могутъ постоянно находиться въ водѣ и должны, время отъ времени, подышать чистымъ воздухомъ. Головой они сильно схожи съ кошкой — такая же

круглая и тѣ же острия торчащія вверхъ уши.

Температура тѣмъ временемъ сильно понизилась, — теперь ужъ безъ пальто нельзя было вечеромъ выйти на палубу, съ каждой верстой судно уклонялось все болѣе и болѣе къ сѣверо-востоку. Вотъ, наконецъ, вдали стали неясно въ туманѣ выдѣляться гористыя очертанія Сахалинскаго берега, наконецъ, показались и «Три брата» — такъ названы невдалекѣ отъ берега три, выступающія изъ воды вершины горъ. Прогремѣлъ свистокъ-ревунъ и пароходъ, сдѣлавъ полукругъ, вышелъ, какъ разъ напротивъ Сахалинской пристани; заскрипѣла якорная цѣпь и, страшно громыхая всѣми звеньями, полетѣлъ на дно якорь. Судно дрогнуло, накренилось въ сторону и остановилось, хотя и покачиваясь изъ стороны въ сторону. Съ Сахалинской пристани къ намъ на всѣхъ парахъ неся катеръ — на немъ видно было мѣстное начальство; пароходъ нашъ, какъ видно, ожидали. Черезъ четверть часа пассажиры его были на нашей палубѣ и весело разговаривали съ капитаномъ и офицерами, какъ съ давно знакомыми людьми.

На меня произвелъ, не могу сказать, чтобы пріятное впечатлѣніе высокій, довольно сухощавый съ черной бородой господинъ въ пальто съ петлицами и погонами тюремнаго вѣдомства. Лицо его при ближайшемъ осмотрѣ еще болѣе подтвердило мое первое впе-

чатлѣніе: смуглое, съ низкимъ лбомъ и выдающимися скулами, съ далеко ушедшими вглубь орбитъ глазами и съ тонкими, постоянно иронически усмѣхающимися губами, оно производило дѣйствительно какое-то, трудно анализируемое тяжелое чувство. Впослѣдствіи это оказался извѣстный дѣятель острова, приверженецъ крутыхъ, а иногда и нечеловѣческихъ мѣръ—Г. П.—ъ. Прочіе два чиновника были обыкновенными лицами, на дѣлѣ могущими оказаться и добрыми и злыми, но во всякомъ случаѣ по лицамъ ихъ нельзя было ничего предугадать. Спросивъ капитана о пассажирахъ и узнавъ, что я ѣду въ качествѣ корреспондента къ нимъ на островъ, Г. П.—ъ подошелъ ко мнѣ и, съ видимо натянутой любезностью, отрекомендовался, приглашая, на прибывшемъ пароходѣ ѣхать съ нимъ на островъ,—я, не имѣя никакого иного выбора, долженъ былъ согласиться, но мнѣ пришлось ожидать, пока не сдѣлають переклички всѣхъ арестантовъ. Это протянулось около трехъ часовъ, наконецъ, всѣ арестанты были выведены на верхнюю палубу и усажены на подошедшую тѣмъ временемъ баржу. Я попрощался съ капитаномъ и съ прочими лицами, и въ компаніи съ Сахалинскимъ начальствомъ отправился къ пристани. Пристань оказалась довольно сносною, если не сказать удовлетворительною, но главное, что вся она воздвигнута трудами каторжниковъ. На прис-

тани насъ встрѣтилъ начальникъ острова генераль-маіоръ Ляпуновъ съ супругой, — высокій съ просѣдью, очень представительный.

Генераль очень любезно меня встрѣтилъ, весело спрашивая о Россіи, о проѣханномъ пути и путевыхъ впечатлѣніяхъ; генеральша, между прочимъ, замѣтила, что на островѣ приходится довольствоваться свѣдѣніями, единственно лишь получаемыми изъ газетъ и то черезъ долгое время. Кромѣ того она замѣтила, что крутыя мѣры, практиковавшіяся надъ каторжниками въ прежнее время, отошли въ область преданія, что теперь на нихъ смотрятъ не какъ на наказуемыхъ, а какъ на колонизаторовъ. Я случайно взглянулъ на одного близъ стоящаго арестанта съ лопатой въ рукѣ и, судя по его лицу и одеждѣ, немного усомнился въ только что сказанномъ генеральшей, но подумавъ, что нѣтъ правилъ безъ исключенія, заставилъ себя повѣрить.

У меня было письмо къ Г. Б., служащему и занимавшему довольно видную, но главное не зависящую отъ администраціи острова, должность; къ нему я и отправился. Никогда я не ожидалъ быть имъ принятымъ такъ любезно, со мною обошлись просто, какъ съ роднымъ, и я долго не забуду этого приѣма. Несмотря на то, что на всякое новое лицо смотрятъ здѣсь, какъ на источникъ новыхъ свѣдѣній, на меня, я увѣренъ, смот-

рѣли совсѣмъ съ иной точки зрѣнія въ этомъ миломъ гостепріимномъ семействѣ; довольно того, что пока я не отдохнулъ и не укрѣпился спокойнымъ, тихимъ сномъ, что заняло времени около сутокъ, ко мнѣ не приставали ни съ какими разспросами и даже пришедшимъ двумъ чиновникамъ погостить, и поговорить, кстати, со мною объявили, что я себя чувствую съ дороги не особенно хорошо и нуждаюсь непременно въ покоѣ. На слѣдующій день, какъ разъ, выпало воскресенье и я съ Г. Б. отправился въ церковь. Церковь довольно высокая, сложенная изъ толстыхъ листовенныхъ круглыхъ бревенъ, была прочно и довольно красиво построена; находится она, какъ разъ противъ губернаторскаго дома. Войдя въ церковь, я засталъ ее полною: по правую сторону, при входѣ, стояли каторжные, впереди начальство и женщины. Иконопись довольно интересная, въ особенности двѣ большія боковыя картины: Матерь Божія съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, кажется копія съ Васнецова, и снятіе со креста Спасителя обращали на себя особенное вниманіе, и какъ въ послѣдствіи оказалось, писаны онѣ были каторжнымъ по фамилии Истоминымъ. Почти вся живопись въ церкви этой и во всѣхъ прочихъ на островѣ была писана имъ, между нѣкоторыми картинами попадаются и оригиналы, ясно говорящіе о талантѣ ихъ исполнителя. За

свѣчнымъ ящикомъ, на мѣстѣ церковнаго старосты, я встрѣтилъ, непріятно поразившаго меня на первыхъ порахъ чиновника, — стоялъ онъ вытянувшись во весь ростъ, стараясь на лицѣ изобразить, какъ видно съ трудомъ удающуюся ему набожность, глаза его безпокойно бѣгали по церкви, словно кого-то искали, или старались что-то замѣтить. Я постарался поскорѣй пройти незамѣченнымъ впередъ, но не успѣлъ, такъ какъ былъ окликнутъ имъ, вполголоса, по имени и отчеству, — дѣлать было нечего и пришлось остановиться около него. Къ тому же онъ меня заинтересовалъ, указавъ на одного закованнаго арестанта, стоящаго подъ конвоемъ въ церкви: это былъ, наводящій когда-то панической страхъ на все Забайкалье, нѣкто, по прозвищу «Соколъ», приговоренный къ вѣчной каторгѣ; онъ ухитрялся три раза бѣжать съ острова и всѣ три раза изъ-подъ стражи, послѣдній разъ онъ былъ приговоренъ къ 12 лѣтней тачкѣ. Средняго роста съ широкими выпуклыми плечами и высокой грудью онъ представлялъ видную, могучую фигуру, лица я его не видѣлъ, такъ какъ онъ стоялъ ко мнѣ спиной, а когда обернулся, то, откровенно говоря, по лицу его нельзя было предположить о всемъ совершенномъ имъ: обыкновенное круглое, немного осповатое съ маленькимъ носомъ и узенькими глазами оно напоминало „На Дальній Востокъ“.

лицо крестьянина изъ средне русскихъ губерній. Пользуясь случаемъ я тутъ же попросилъ у чиновника разрѣшенія посѣтить кандалную тюрьму, т. е. тюрьму, въ которой арестанты находятся подъ замкомъ, тогда какъ исправляющіеся арестанты пользуются относительной свободой днемъ, хотя ночью также запираются.

На мою просьбу я получилъ согласіе и даже болѣе,—начальникъ согласился меня провожать и объяснять что будетъ мнѣ непонятно.

Къ концу обѣдни явился генераль съ супругой, и поздоровавшись съ чиновниками, сталъ впереди всѣхъ.

Церковное пѣніе мнѣ очень понравилось,—видно имъ занимаются настолько серьезно, что достигли извѣстнаго совершенства. Вышелъ священникъ съ крестомъ. Впередъ къ цѣлованію креста вышло начальство, за нимъ по два, по три и гуськомъ поплелись арестанты, тѣ же, кто находился подъ конвоемъ отправились ровными шеренгами, какъ солдаты, обратно въ тюрьму.

Общераспространенное мнѣніе, что всѣ ссыльно-каторжные находятся въ тюрьмахъ—большое заблужденіе: большая часть всѣхъ ссыльныхъ находится на свободѣ, какъ бы въ состояніи условнаго освобожденія; такъ большинство сосланныхъ бродягъ освобождаются тотчасъ же по прибытіи на Сахалинъ, осужденный же за уголовныя и по-

литическія преступленія долженъ пробывать въ тюрьмѣ, по крайней мѣрѣ, два года.

Сейчасъ же по окончаніи обѣдни я отправился съ начальникомъ въ тюрьму; я предполагалъ встрѣтить мрачное каменное зданіе и крайне удивился, войдя въ ворота деревянной, окруженной высокимъ частоколомъ тюрьмы. За воротами я увидѣлъ нѣсколько длинныхъ одноэтажныхъ деревянныхъ, скорѣе похожихъ на больничные бараки зданій, — ихъ было 6, въ пяти помѣщались камеры для арестантовъ, шестая же была отведена подъ кухню. Болѣе всего поразила меня полная беззащитность отъ огня, что особенно поражаетъ въ Сибири, гдѣ поджогъ — наиболѣе распространенное орудіе мести и злобы, а также способъ облегченія воровства, убійства и бѣгства каторжниковъ изъ тюрьмы.

Александровская тюрьма состоитъ изъ длиннаго ряда деревянныхъ одноэтажныхъ строеній, образующихъ неправильный четырехугольникъ, двѣ стороны котораго выходятъ прямо на улицу и въ поле, а двѣ другія огорожены высокимъ деревяннымъ частоколомъ съ заостренными верхушками, отъ восьми до девяти аршинъ вышины. Такія, повидимому, малонадежныя ограды не представляютъ однако соблазна къ побѣгу арестантовъ, и только доведенные до отчаянія каторжники рѣшаются на него.

Тюрьма раздѣлена на три большихъ двора. Въ южномъ дворѣ всѣ почти строенія

заняты мастерскими: столярными, плотничскими, сапожными, швальнями,—последних меньше всего. Въ столярныхъ мастерскихъ я замѣтилъ прекрасную мебель, сдѣланную по заказу губернатора острова. Въ этихъ же мастерскихъ я встрѣтилъ великолѣпные образцы выплочной ажурной работы, а также и рѣзбы по дереву. Люди, работающіе въ столярной мастерской получаютъ за исполненныя работы вознагражденіе; видъ ихъ и поведеніе ничѣмъ не напоминало собой арестантовъ. Въ такомъ же положеніи находились и плотники, съ той только разницей, что ихъ работы происходили, главнымъ образомъ, на открытомъ воздухѣ и они находились въ движеніи, что имъ придавало значительно бѣльшую бодрость духа, тогда, какъ на примѣръ, въ сапожныхъ и швальныхъ мастерскихъ господствовали полное уныніе и какая-то апатія. Я видѣлъ нѣчто подобное при посѣщеніи иркутской тюрьмы съ той лишь разницей, что въ ней гораздо чище, чѣмъ здѣсь.

Входя въ большой дворъ тюрьмы, я попросилъ своего спутника заранѣе сообщить мнѣ, какимъ ограниченіямъ я долженъ подвергаться, какъ частный посѣтитель.

— Никакихъ ограниченій для васъ нѣтъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—идите и осматривайте все, что найдете для себя нужнымъ и интереснымъ, спрашивайте арестантовъ о чемъ хотите. Я укажу вамъ нѣсколько арестан-

товъ, знающихъ французскій и нѣмецкій языки и вы можете съ ними поговорить. Я хочу только васъ предупредить объ одной особенноти тюрьмы, думаю, что она не ускользнетъ и отъ вашего вниманія: вы обойдете всю тюрьму и наврядъ ли найдете хоть одного арестанта, который признался бы въ томъ, что онъ совершилъ какое-либо преступленіе, или зналъ бы въ какомъ преступленіи его обвиняютъ. Вамъ вѣроятно покажется, что едва ли не всѣ заключенные находятся здѣсь просто по недоразумѣнію. Въ этомъ-то упорномъ запираствѣ и лежитъ главное затрудненіе для правосудія: ложь настолько присуща арестантамъ, что по неволѣ приходится мало придавать вѣры ихъ словамъ. Въ каждомъ отдѣльномъ преступленіи, совершенномъ на островѣ, приходится основывать свой приговоръ на показаніяхъ другихъ, на видности обстоятельствъ, или на комбинаціи того и другого вмѣстѣ. Подсудимому предоставлено право давать свои показанія, но судъ уже по долготѣнному опыту, вынужденъ вѣрить этому настолько, насколько это подтверждается другими доказательствами.

Внутри большого двора лѣниво бродило 100—150 человѣкъ-арестантовъ; дворъ напоминалъ собою дворъ петербургскаго рабочаго дома. Появленіе новаго лица, повидимому, заинтересовало арестантовъ и они, подойдя на почтительное разстояніе, выжи-

дающе смотрѣли на меня, точно ожидая когда съ ними заговорятъ. Меня крайне удивила ихъ нечистоплотность,—имѣя воду и свободное время, они, словно, гордились своимъ правомъ оставаться грязными, какъ и вообще вся тюрьма. Сколько я не смотрѣлъ въ этой тюрьмѣ, вездѣ я видѣлъ одну грязь.

Въ концѣ двора были отхожія мѣста, которымъ, очевидно, предоставлено было оставаться въ томъ омерзительномъ видѣ, въ какой желали приводить ихъ арестанты. Много наслушавшись о суровости сахалинской карательной системы, я искалъ орудія тѣлесныхъ пытокъ, но не могъ его найти, хоть и слыхалъ отъ недавно наказаннаго розгами, что таковое есть, но гдѣ, Ему Единому извѣстно, но нѣтъ сомнѣній, что они существовали и примѣнялись въ нуждѣ ли, или безъ нея, этого ужъ не знаю. Кандалы же я видѣлъ собственными глазами и до того узкіе, что тѣло вокругъ нихъ припухло. Благодаря тому, что начальникъ далъ мнѣ полную свободу осмотра тюрьмы и разговора съ арестантами я могъ легко примѣтить въ ^{тѣ}общемъ какое-то полное равнодушіе ко всему окружающему и лично къ себѣ,—это было похоже на легкую степень массовой меланхоліи, которую приходилось подмѣчать историкамъ въ эпохи народныхъ массовыхъ бѣдствій.

Начальникъ остался разговаривать съ надзирателями, а я отправился по тюрьмѣ самъ,

желая найти интереснаго арестанта, чтобъ съ нимъ побесѣдовать. Но однако всякая попытка поговорить съ кѣмъ нибудь изъ арестантовъ наединѣ совершенно не удавалась; стремленіе всѣхъ принять участіе въ разговорѣ было такъ велико, а жалобы такъ многочисленны, что сначала нельзя было добиться никакого толку. Всѣ эти несчастные узники смотрѣли на меня, какъ на могущаго помочь ихъ горю, разговоръ съ которымъ могъ гарантировать имъ опубликованіе ихъ бѣдъ, поэтому каждый стремился вставить свое слово. Но особенное мое вниманіе привлекъ одинъ арестантъ; и хотя его головной щеткой и гребенкой была, повидимому, его пятерня однако, тонкія, благородныя черты его лица и его манера держаться совершенно не соотвѣтствовали его неряшливому виду. Онъ отлично говорилъ по французски и по нѣмецки и это дало возможность мнѣ поговорить съ нимъ, не стѣсняясь присутствіемъ другихъ, а ему откровенно рассказать, что его поймали въ трюмѣ американскаго корабля, всего за два часа до отхода его изъ гавани; находясь въ полуобморочномъ состояніи, еле живой отъ голода и усталости онъ позабылъ спрятать свои ноги, которыя, высунувшись изъ подъ тюковъ товара, выдали его присутствіе. Подъ большимъ секретомъ онъ признался, что онъ политическій ссыльный отбывавшій наказаніе въ Нерчинскѣ; съ фальшивымъ паспор-

томъ ему удалось добраться до Владивостока гдѣ, благодаря отчасти ловкости, а отчасти небольшой взяткѣ онъ ночью забрался на корабль, ѣхавшій въ С. Франциско, но около ост. Сахалина его замѣтили и, убѣдившись, что онъ русскій передали его сахалинскимъ властямъ. Въ данное время всякое противъ него доказательство и установленіе его личности зависѣли исключительно отъ способности и находчивости сахалинской администраціи. Онъ говоритъ, что имѣетъ основаніе думать, что и многія изъ его товарищей по тюрьмѣ находятся въ подобныхъ же условіяхъ.

Я былъ глубоко тронутъ откровенностію этого симпатичнаго мнѣ субъекта, который съ облегченіемъ вздохнулъ, окончивъ свою печальную исповѣдь; я съ грустью разстался съ нимъ: сознаніе своего полного безсилія въ такихъ случаяхъ, дѣйствуетъ положительно угнетающе.

Слова начальника тюрьмы вполнѣ оправдались въ отношеніи другихъ арестантовъ съ которыми разговаривать мнѣ пришлось и отвѣты которыхъ были совершенно тождественны.

— Почему вы здѣсь? спрашивалъ я многихъ

— Не знаю!

— Ну а съ какихъ вы поръ въ тюрьмѣ?

— Три, четыре, пять и даже больше, — были отвѣты.

— Отчего же васъ не переводятъ въ разрядъ исправляющихся?

— Не знаю.

— Узнайте, пожалуйста, и скажите мнѣ.

На Сахалинѣ слѣдственные и осужденные арестанты ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются: какъ первые, такъ и вторые обязаны работать. Я слышалъ отъ нѣсколькихъ арестантовъ, что исключеніе въ такомъ случаѣ предоставляется только богатымъ арестантамъ, и за извѣстную плату такіе освобождаются отъ нея. А работы на островѣ тяжелыя; скажу только, что чтобъ избѣгнуть ея, многіе рубили себѣ по нѣскольку пальцевъ на рукѣ и даже цѣлыя руки, портили глаза и тому подобное. Также мнѣ пришлось слышать, что между тюремными надзирателями сильно развито взяточничество, но я лично для этого не имѣю осязательныхъ доказательствъ, хотя, по моему мнѣнію, при существующихъ условіяхъ это вполне возможно.

По осмотрѣ тюрьмы начальникъ просилъ меня, не стѣсняясь сообщить вынесенное мною впечатлѣніе. Но я былъ еще подъ давленіемъ тяжелыхъ, видѣнныхъ мною картинъ и уклонился нѣсколькими, ничего незначащими фразами. Въ тотъ же день я отправился посмотреть ссыльно-каторжный поселокъ. Когда я подѣхалъ къ деревнѣ, я замѣтилъ женщину, доившую корову подъ сараемъ. Поздоровавшись, я сѣлъ на старой тачкѣ въ ожиданіи, когда она окончитъ свое

занятіе. Затѣмъ я помогъ ей снести ея ведро въ хату, гдѣ она тотчасъ же налила молока въ кувшинъ и, поставивъ его на маленькій столикъ въ бесѣдкѣ, принесла еще нѣсколько стакановъ и предложила мнѣ выпить молока; хозяйка оказалась очень словоохотливой, что для меня было весьма кстати. Изъ разговора я узналъ, что мужъ ея былъ гвардейскій солдатъ, добрый товарищъ и хорошій мужъ. Однажды во время веселой товарищеской выпивки, начавшаяся, вслѣдствіе опьяненія, ссора перешла въ драку, во время которой и былъ убитъ одинъ изъ собутельниковъ. Мужа ея судили, приговорили къ 8 лѣтней каторгѣ и сослали на Сахалинъ, а она, подобно другимъ женамъ, послѣдовала за мужемъ. Она ничуть въ этомъ теперь не раскаивается, живетъ имъ довольно хорошо, хотя первый годъ ему пришлось просидѣть въ тюрьмѣ и только на второй ему дали возможность завести свой домъ. Теперь ея мужъ служитъ у одного изъ чиновниковъ кучеромъ, она же занимается хозяйствомъ. Съ гордостью хорошей хозяйки эта женщина показала мнѣ весь свой домъ и домашній скарбъ, — общій видъ того и другого много говорилъ въ пользу ихъ владѣльцевъ.

Вернувшись затѣмъ въ сильно заросшій садикъ она рассказала, что мужъ ее очень, очень любитъ и, несмотря на многихъ женщинъ, которыя старались его отбить отъ

нея, она вполнѣ въ него вѣрнѣе. Уютность, чистота и скромное довольство этого маленькаго, ссыльно - поселенческаго жилья, напомнило мнѣ жильѣ хорошей крестьянской семьи въ плодородной губерніи. Съ грустью я попрощался съ гостепріимной хозяйкой, пожелавъ ей всего лучшаго, и благодарилъ ее за то тихое, умиротворяющее чувство, которое испыталъ втеченіе почти цѣлаго часа пребыванія въ ея избѣ.

Недалеко отъ этой избы обратило мое вниманіе длинное деревянное зданіе въ 4—5 разъ больше обыкновенной деревенской хаты. Оно стояло посреди большого пустыря, не имѣло сада и какъ-бы напоминало собою большой амбаръ для склада хлѣба или чего другого. Зданіе это было одноэтажное и раздѣлено на четыре отдѣльных помѣщенія. Входная дверь была открыта и какъ только я вошелъ на ступеньки, какъ былъ встрѣченъ интеллигентнымъ на видъ человекомъ, который пригласилъ меня войти и раньше чѣмъ я опомнился, незнакомецъ хлопоталъ уже около самовара. Внутренность помѣщенія хотя и была нѣсколько груба, однако на всемъ лежалъ какой-то отпечатокъ, внушавшій уваженіе къ ея обитателю. Всѣ принадлежности этого простого жилища указывали на интеллигентность его хозяина. Простыя письменныя принадлежности аккуратно лежали на столѣ и видимо не рѣдко употреблялись. Вся внѣшность и

одежда хозяина носила тотъ-же характеръ и отпечатокъ чистоты и аккуратности. Манаера его обращенія хотя и была какъ-то застѣнчива и недовѣрчива, какъ обыкновенно у всѣхъ ссыльныхъ, но спокойна, почитательна и полна достоинства. То, что я узналъ отъ него во время нашей продолжительной бесѣды,—носило совершенно другой характеръ, чѣмъ только что рассказанное. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ холостыхъ политическихъ ссыльныхъ, для которыхъ и было специально выстроено это помѣщеніе. По профессіи онъ былъ инженеръ-технологъ. Одинъ изъ его пріятелей обратился къ нему за помощью для постройки элекрическаго аппарата, который могъ имѣть самыя разнообразныя назначенія и настоящая цѣль постройки котораго была ему совершенно неизвѣстна. И вотъ, такимъ образомъ, онъ попалъ въ политическіе преступники. Когда заговоръ и его участники были открыты, его увѣренія въ своей невинности казались нелѣпыми, а суду они показались невѣроятными. Приговоренный къ безсрочной каторгѣ онъ сосланъ былъ на Сахалинъ, и такъ какъ на островѣ нуждались въ его знаніяхъ, ему предложили мѣсто для производства казенныхъ механическихъ работъ. Теперь онъ пользуется сравнительной свободой, получаетъ отъ правительства еженедѣльно 10 рублей жалованья, помимо полагающагося ему казеннаго со-

держанія и казеннаго платья и, если бы не надзоръ полиціи и, связанное съ его положеніемъ ссыльнаго, ограниченіе правъ, онъ могъ бы считать свою жизнь сносною. Жители и администрація острова относятся къ нему съ должнымъ уваженіемъ и симпатіей. У этого юноши совершенно отсутствовала угрюмость, столь свойственная каторжникамъ вообще. Я приписываю это сравнительной свободѣ, а отчасти сознанию своей невиновности. По его рассказамъ на островѣ политическихъ ссыльныхъ осталось очень незначительное количество: человѣкъ двадцать не больше; занимаются они, большей частью, письменными работами въ разныхъ канцеляріяхъ и конторахъ острова. Занятіе это освобождаетъ ихъ отъ исполненія казеннаго урока и кромѣ того приноситъ хоть незначительныя, но необходимыя для улучшенія пищи средства. Живутъ они всѣ между собою дружно, хотя многіе изъ нихъ сильно расходятся въ мнѣніяхъ. Между прочимъ онъ рассказалъ мнѣ исторію одного такого же, какъ и онъ, лица, — съ нимъ прибылъ онъ на одномъ и томъ же пароходѣ изъ Одессы и во время пути подружился. Это былъ талантливый, много обѣщающій въ будущности юноша, къ несчастью слишкомъ самолюбивый и гордый, — эти качества на первыхъ же порахъ, по прибытіи на островъ, явились для него врагами. Сахалинская тюремная администрація, не придающая

особеннаго значенія политическимъ ссыльнымъ, относится къ нимъ, какъ и ко всѣмъ каторжнымъ и круговое «тыканье», и грубое обращеніе со всѣми иногда выводятъ политическихъ ссыльныхъ изъ терпѣнія. Такъ случилось и съ нимъ: при какой то не заслуженной имъ дерзости отъ одного изъ тюремныхъ начальниковъ онъ не сдержалъ себя и высказалъ тому въ лицо всю грубость его поведенія. Произошло то, что и надо было ожидать въ такомъ случаѣ,—протоколь, исправительный полицейскій судъ и въ результатѣ тѣлесное наказаніе.

— Я помню,—разсказывалъ мнѣ инженеръ— ту минуту, когда ему объявили этотъ приговоръ... не будь я въ ту минуту возлѣ него онъ навѣрно грохнулся бы на полъ,—къ счастью я его поддержалъ; нѣсколько минутъ онъ былъ безъ памяти и когда сталъ приходить въ себя, мы къ крайнему ужасу замѣтили, что онъ лишился ума. Вызванный докторъ констатировалъ этотъ фактъ, помѣстивъ его въ психіатрическую больницу, въ которой онъ пролежалъ 6 дней и скончался, какъ впоследствии говорилъ докторъ, отъ прогрессивнаго паралича мозга. Во всякомъ случаѣ того, чего онъ боялся больше смерти, съ нимъ не случилось. Да, прискорбные случаи бывали здѣсь,—докончилъ мой разсказчикъ,—и только люди сильной воли въ состояніи были бороться съ тѣми порядками, которые, слава Богу, отошли те-

перь въ область, если и не преданія то во всякомъ случаѣ въ область мѣръ нежела- тельныхъ высшимъ правительствомъ. Хотя еще кой что и осталось изъ старыхъ порядковъ наприм.: тасканіе арестантами на себѣ бревенъ за нѣскольکو верстъ, — согласитесь что это не человѣческая работа и почти не посильная, такъ какъ такое бревно около 7, 8 или 9 сажень, почти аршинъ въ раз- рѣзѣ приходится тащить 4-мъ арестантамъ. А взглядъ здѣсь такой: лопни а исполни, никакихъ отговорокъ, никакихъ убѣжденій не принимается во вниманіе, единственно что имѣетъ силу это—докторское свидѣтель- ство о неспособности къ труду, но вѣдь можно быть вполне здоровымъ, но не спо- собнымъ тащить такое бревно.

Лѣтъ 7 тому назадъ служилъ здѣсь врачъ г. Лобусъ; это была свѣтлая гуман- нѣйшая личность. Какъ онъ бѣдный боролся, какъ возмущался нечеловѣческой жестоко- стью—но, въ концѣ концовъ, не хватило у не- го огня въ этой тьмѣ и онъ, глубоко скорбя, долженъ былъ уѣхать въ Россію. Представьте себѣ: арестанты поднесли ему икону, порт- сигаръ и фотографическую группу; икону и фотографію докторъ принялъ а отъ порт- сигара, какъ цѣнной вещи отказался. Истинно можно сказать, что, благодаря, ему у саха- линской администраціи впервые явилась мысль о возможности примѣненія къ арестантамъ болѣе человѣческихъ мѣръ; онъ

первый далъ имъ понять, что слово «арестантъ» не есть еще синонимъ полной потерянности, не заслуживающей съ точки зрѣнія человѣчества равноправнаго взгляда. Я могу привести множество примѣровъ вамъ, гдѣ самый обыкновенный поступокъ арестанта ставился ему чуть ли не въ смертный грѣхъ тюремной администраціей и кончался печальными для послѣдняго послѣдствіями. Я далеку отъ мысли хвалить всѣхъ арестантовъ на островѣ—это было-бы съ моей стороны высшей несправедливостью, такъ какъ дѣйствительно попадаютъ между ними, и довольно часто, субъекты, потерявшіе всякія человѣческія чувства, но это—исключеніе и главная ошибка Сахалинской администраціи—это разъ навсегда установившійся у ней взглядъ, что всѣ они таковы и ко всѣмъ имъ необходимо примѣнять репрессивныя мѣры. Но представьте себѣ, что именно тѣ арестанты, которые и есть коренное зло острова, пользуются неизвѣстно почему со стороны администраціи льготами: возьмите, на примѣръ, извѣстную вамъ, по всей вѣроятности, героиню не одного сенсационнаго уголовнаго дѣла, такъ называемую «Золотую ручку» и представьте себѣ—какъ это не несправедливо, но она пользовалась гораздо большими преимуществами, чѣмъ прочія каторжныя женщины. Вы, понятно, спросите почему, — но вотъ тутъ то отвѣтъ и за-

труднителенъ, если не невозможенъ, но во всякомъ случаѣ самъ рѣшить его я не берусь. Я думаю съ своей стороны, что тутъ въ извѣстной степени играетъ не послѣднюю роль боязнь, нежеланіе прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ съ отчаянными, какъ напр. «Золотая ручка», лицами, и это не единичный случай, — ихъ слишкомъ много, чтобъ о всѣхъ разказать. Одно время весь островъ былъ объятъ паническимъ страхомъ: причина тому была дѣятельность, бѣжавшаго изъ кандалной тюрьмы безсрочнаго каторжника грузина Селиванова; собравъ шайку около ста человѣкъ и при этомъ имѣя вездѣ доброжелателей изъ своихъ кавказскихъ сородичей, онъ былъ неуловимъ. Не проходило дня, чтобъ гдѣ-нибудь не совершался грабежъ, большей частію съ убійствомъ. Дошло до того, что ложась спать никто не могъ быть увѣренъ, что завтра благополучно встанетъ. Дерзость этого бандита дошла до того, что онъ, среди бѣлаго дня, въ Александровскомъ посту, гдѣ проживаетъ высшее начальство острова, вошелъ въ магазинъ богатаго купца Бородина и немедленно потребовалъ выдачи всѣхъ, имѣющихся у него наличныхъ денегъ и драгоценностей; прижатый къ стѣнѣ несчастный купецъ принужденъ былъ исполнить это желаніе, чѣмъ и сохранилъ свою жизнь. При подобныхъ же обстоятельствахъ и тамъ же, нѣсколько дней позже, одинъ

мясникъ, человѣкъ довольно богатый, воспротивился выдачѣ денегъ, за что и былъ убитъ на мѣстѣ.

Сахалинская администрація выбивалась изъ силъ, всевозможныя средства были испробованы и все безуспѣшно; дошло до того, что втихомолку высказывались желанія, чтобъ бандитъ перебрался, наконецъ, на материкъ: тамъ, молъ, его скорѣй поймаютъ, а здѣсь будетъ повольготнѣе и по безопаснѣй. Солдаты, посылаемые за нимъ въ розыскъ, перестали его и искать, забиваясь по знакомымъ избамъ въ окрестныхъ поселкахъ и по истеченіи нѣсколькихъ дней возвращаясь, понятно, съ пустыми руками, домой.

Но вездѣсущій и доносъ и тутъ оказался спасительнымъ. Одинъ, изъ принадлежащихъ къ шайкѣ Селиванова поселенецъ, питая къ послѣднему ненависть за неправильный раздѣлъ добычи, рѣшился однимъ ударомъ достигъ двухъ цѣлей, — мести и назначенной начальствомъ награды за выдачу бандита. Случай пришелъ къ нему на помощь: имѣлось ввиду учинить въ томъ же посту грандіозный грабежъ. Зная объ этомъ всѣ подробности, онъ легко могъ выдать головой Селиванова; одна лишь боязнь предъ страшной, неумолимой мезтью, ожидающей его со стороны всѣхъ арестантовъ, принуждала его быть какъ можно осторожнѣй. И вотъ, не забывая слишкомъ высоко,

онъ рѣшился все объяснить начальнику тюрьмы, зная хорошо, что тотъ ни подъ какимъ видомъ не проговорится даже между своими чиновниками. Часто случалось, что въ разговорѣ съ сослуживцами открывалось, понятно подъ секретомъ, имя подобнаго доносчика, но въ такихъ случаяхъ этотъ послѣдній становился скоро извѣстнымъ и арестантамъ и жизнь такого субъекта висѣла на волоскѣ.

Прійдя къ начальнику тюрьмы онъ объяснилъ ему подробно весь планъ будущаго грабежа, а главное мѣсто сборища участниковъ. Выслушавъ все, начальникъ обѣщался хранить о немъ молчаніе, обѣщавъ, въ случаѣ удачи, приличное вознагражденіе, выдавъ ему тутъ-же, въ видѣ задатка, нѣсколько рублей. Видите ли, я знаю всѣ подробности потому, что человекъ этотъ жилъ у меня и, вполне довѣряя мнѣ, открылся во всемъ. Короче говоря, въ назначенное время, когда шайка собралась въ извѣстномъ мѣстѣ, она уже незамѣтнымъ для участниковъ образомъ, была окружена. Это была грандіозная облава; въ ней, кромѣ всѣхъ свободныхъ въ тотъ день солдатъ участвовали и всѣ почти чиновники, понятно вооруженные съ ногъ до головы. Всѣ хорошо знали, что Селивановъ не отдастся такъ въ руки и будетъ бороться до послѣдней капли крови. Такъ и случилось. Раздался сигналъ и цѣпь медленно со всѣхъ сторонъ стала стягиваться.

къ мѣсту нахождения шайки, солдаты съ заряженными ружьями, держа штыки на перевѣсъ, все ближе и ближе приближались къ урочному мѣсту. Пока все было тихо: никто, кромѣ развѣ дикой козы, лисицы и волка не прорывался сквозь цѣпь, а въ нихъ строго на строго было запрещено стрѣлять. Вдругъ—разъ, два, три—прогремѣло нѣсколь-ко выстрѣловъ: это передовые солдаты наткнулись на шайку. Рѣзко, словно болѣзненный стонъ по тайгѣ раздался сигналь-рожка. Со всѣхъ сторонъ солдаты стали стягиваться на него и черезъ какихъ-нибудь полчаса шайка бандитовъ была со всѣхъ сторонъ окружена. Два человѣка изъ нея были убиты, остальные, во главѣ съ атаманомъ, рассыпались по лѣсу, стараясь незамѣтно прорвать кольцо и скрыться. Они знали, что пощады имъ не будетъ, что ихъ не поведутъ въ тюрьму, а просто-на-просто пристрѣлятъ. И вотъ они рѣшились какъ можно дороже продать свою жизнь — два раненыхъ солдата ясно говорили, что они не дадутся даромъ въ руки. Но борьба была немыслима: двадцать человѣкъ разбойниковъ имѣло противъ себя около 200 чел. противниковъ. Но главное, что прекратило кровопролитіе—это смерть атамана: стараясь прорваться къ морю и зная, что здѣсь кольцо солдатовъ будетъ рѣже, такъ какъ море само по себѣ являло преграду, онъ нечаянно наткнулся на кучку чиновниковъ, при-

нимавшихъ участіе въ облавѣ. Первую мину-
ту появленіе страшнаго бандита, какъ громомъ
поразило ихъ, у нѣкоторыхъ ружья вы-
скользнули изъ рукъ, но видя его одного,
они успокоились. Мелькнули стволы ружей,
грянулъ залпъ и черезъ минуту страшный
разбойникъ лежалъ бездыханнымъ. Осталь-
ныхъ участниковъ шайки безъ труда пере-
ловили и связанными отправили въ тюрьму.
Такъ покончилъ свое существованіе Саха-
линскій Ринальдо-Ринальдини, но память о
немъ еще до сихъ поръ, т. е. около 8 лѣтъ,
свѣжа и, по всей вѣроятности, еще долго
сохранится между жителями острова.

Я сердечно поблагодарилъ обязательнаго
инженера за интересный рассказъ, который
полностью помѣщаю здѣсь и, попрощавшись,
вышелъ изъ дома. Было около 6 часовъ
вечера—и меня, по всей вѣроятности, ожи-
дали дома, почему, отложивъ дальнѣйшій
осмотръ острова, я направился домой.

Дѣйствительно меня ожидали уже давно
и начинали беспокоиться:

— Представьте себѣ,—встрѣтилъ меня хо-
зяинъ,— мы думали, что вы отправились въ
одинъ изъ близъ лежащихъ поселковъ, мѣ-
стность вамъ незнакома и вы вполнѣ зави-
сите отъ проводника, а за нихъ, вполнѣ
ручаться нельзя.

— А развѣ случалось что-либо раньше?—
спросилъ я.

— Помилуйте, сколько хотите! Народъ,

вы сами замѣтили, падохъ страшно на деньги, а ихъ на грѣхъ нѣтъ, вотъ и не брезгаютъ средствами... недавно былъ такой случай съ однимъ частнымъ инженеромъ, но тотъ оказался ловкимъ малымъ, увернулъся. Говоря правду, здѣсь слишкомъ много бѣдности, работы здѣсь на мѣстѣ у насъ нѣтъ никакой, если не считать отхожіи промыселъ — рыболовство, но всѣ, конечно, не могутъ заниматься имъ, а на материкъ не пускаютъ: отживи, молъ, свой срокъ, а тогда съ Богомъ, но какъ его отжить, — вопросъ.

Во время обѣда мнѣ рассказали, недавно случившееся въ Александровскомъ посту, преступленіе. На одной изъ крайнихъ улицъ селенія жилъ себѣ со старухой-женой одинъ старичекъ, лѣтъ 30 тому назадъ окончившій срокъ каторги и съ того времени занимавшійся мелкой торговлей; въ особенности хорошо приготавливалъ онъ квасъ, который бойко расходился и приносилъ довольно значительный доходъ. Это-то и послужило поводомъ считать старика богатымъ человекомъ. Знали объ этомъ и арестанты, и вотъ нѣсколько человекъ изъ нихъ уговорились воспользоваться его деньгами, — но безъ убійства овладѣть ими не было возможности: старики вѣчно сидѣли дома, не отлучались никогда даже въ церковь. Подумавъ, рѣшили убить обоихъ. Трое изъ преступниковъ находились на излеченіи въ больницѣ, чет-

вертый былъ поселенецъ. Въ больницѣ было свободно, когда хочешь выходи, когда хочешь приходи, лишь будь при визитаціи врача. И вотъ, въ означенный день собрались злоумышленники разомъ и, выпивъ изрядное количество вина, не дождавшись ночи отправились на «дѣло». Старикъ запералъ лавку въ 8 часовъ, было же тогда часовъ 9; хотя цѣлый часъ лавка была уже заперта, но ему приходилось часто отпускать ночью служащимъ квасъ. Этимъ предлогомъ воспользовались преступники и стали стучать. — «Чего надо?» — спросилъ старикъ. — «Квасу», — былъ отвѣтъ. Дверь отворилась и старикъ впустилъ ихъ; замѣтя что ихъ трое, — четвертый былъ на дворѣ, — онъ немного удивился, но, не показавъ вида, вынесъ требуемое число бутылокъ квасу, полагая, что взявъ квасъ, они уйдутъ. Преступники же попросили старика откупорить бутылки, объясняя это сильной жаждой, которая ихъ томить послѣ выпивки. Не подозрѣвая ничего старикъ раскупорилъ бутылку и поставилъ ее на столъ; въ это время въ избу вошелъ и четвертый. Послѣдовалъ обмѣнъ сигналами между сообщниками и на старика напали двое здоровыхъ каторжниковъ. Нападеніе было такъ внезапно, что тотъ не успѣлъ крикнуть и только при паденіи задѣлъ ногою столъ: повалились бутылки и стаканы, звонъ разбитаго стекла вызвалъ изъ слѣдующей ком-

наты старуху, но не успѣла дойти она до порога, какъ ей навстрѣчу попались двое другихъ грабителей, завязалась борьба, старуха, несмотря на свои годы, упорно защищалась, но, обезсиленная неравною борьбой, упала на полъ. На крикъ и стукъ со двора прибѣжалъ ихъ рабочій, увидя его разбойники общими силами прижали его къ стѣнѣ, но тотъ, обладая значительной физической силой, вырвался и стремглавъ, головой внизъ, бросился въ окно; разбитое стекло посыпалось на улицу и обратило вниманіе, проходившаго въ это время съ занятій писца, который понявъ, что въ домѣ происходитъ грабежъ, закричалъ о помощи. Преступники между тѣмъ успѣли опять схватить рабочаго и одинъ изъ нихъ ударилъ его по головѣ небольшою сахарной головой, хозяевъ били тѣмъ же; преступники, опьянѣвъ, забыли захватить съ собой топоры, приготовленные для этого случая. Эта оплошность спасла жертвамъ грабежа жизнь. На крикъ писца прибѣжалъ патруль,—солдаты бросились въ избу и застали озвѣрѣвшихъ разбойниковъ, добывающихъ свои жертвы. Они не слышали крика о помощи на улицѣ, не видали солдатъ и только приклады послѣднихъ привели ихъ въ чувство. Безъ сопротивленія отдались они въ руки ихъ и были отведены въ тюрьму; избитые до полусмерти старики и рабочій отвезены были въ больницу, гдѣ оказана имъ была медицинская

помощь, благодаря которой всё они остались живы.

Главное зло Сахалина, это относительная безнаказанность преступлений. Напримѣръ, безсрочный каторжный совершаетъ преступленіе, его ловятъ, судятъ и добавляють срокъ каторги, къ чему каторжные относятся болѣе чѣмъ равнодушно, — весьма малое количество изъ нихъ питаетъ надежду кончить срокъ каторги легальнымъ путемъ, почти всё большесрочные рассчитываютъ на побѣгъ, который при удачѣ спасаетъ ихъ отъ большого срока и въ крайности, при поимкѣ на материкѣ преобразуетъ ихъ въ бродягъ. Это касается мужчинъ, что же касается женщинъ, то тѣ безусловно изъяты отъ наказаній, налагаемыхъ сводомъ постановленій карательнаго кодекса. Сколько разъ бы онѣ не судились, сколько лѣтъ не имѣли бы каторги, всегда онѣ пользуются свободой и даже, можно смѣло сказать, лучшими условіями жизни, чѣмъ пользовались дома въ деревнѣ. Молодымъ смазливимъ женщинамъ Сахалинъ кладъ: онѣ хозяева положенія, — не успѣютъ онѣ прибыть на островъ, какъ ихъ на расхватъ стараются добыть не только арестанты, но и чиновники. Понятно, что, видя это, онѣ мѣняють взглядъ на Сахалинъ и изъ каторжныхъ смиренныхъ, быть можетъ безотвѣтныхъ, становятся капризными, знающими себѣ цѣну женщинами. Мнѣ приходилось видѣть ихъ

разодѣтыми, — нѣкоторыя даже въ шелковыхъ платьяхъ, всѣ же, безъ исключенія, въ ка-лошахъ — какое бы ни было время года, ка-лоши, это признакъ шегольства, достатка и даже, въ извѣстной мѣрѣ, «образованности». Женщины на Сахалинѣ пользуются громад-ными привилегіями, благодаря имъ, многіе каторжные пользуются свободой, а именно, имѣя знакомаго арестанта въ тюрьмѣ, съ которымъ она хотѣла бы войти въ сожи-тельство, она обращается съ просьбой объ освобожденіи его къ начальству, которое, большей частью, соглашается на это и ка-торжный освобождается, такъ что онъ яв-ляется должникомъ женщины, чѣмъ та и пользуется: при малѣйшемъ непослушаніи его, грозитъ ему лишеніемъ этой свободы.

Мнѣ пришлось случайно просмотрѣть спи-сокъ жителей острова и, къ моему край-нему удивленію, оказалось на одну женщину восемь мужчинъ. Вообще въ брачномъ во-просѣ Сахалина трудно разобраться и авторы всѣхъ книгъ и описаній о немъ, побывав-шіе въ Сибири и Сахалинѣ судятъ объ этомъ крайне строго и сурово. Читая ихъ можно вывести то заключеніе, что ссылка въ Сибирь и на Сахалинъ будто-бы равно-сильна полному освобожденію отъ всѣхъ супружескихъ правъ и обязанностей, такъ что супруги дѣлаются какъ будто вновь холостыми и что, другими словами, чело-вѣкъ, приговоренный къ ссылкѣ въ ка-

торжные работы, въ глазахъ закона точно приговоренный къ смертной казни. Какъ общій принципъ—это, пожалуй, и вѣрно, но съ извѣстными ограниченіями и не во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ; свободное слѣдованіе женъ съ дѣтьми за сосланными мужьями и отцами ясно противорѣчитъ принудительному разводу. Въ 1902 году на островѣ Сахалинѣ было 2457, добровольно послѣдовавшихъ за своими родственниками мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Но къ крайнему моему удивленію изъ этого числа, добровольно послѣдовавшихъ другъ за другомъ супруговъ и другихъ родственниковъ—оказалось за женами, добровольно послѣдовавшихъ мужей 968, женъ же за мужьями только 412 душъ. Громадное количество ссыльныхъ,—холостые, прибывъ на Сахалинъ на большій или меньшій срокъ, поневолѣ должны подчиниться господствующему институту сожителства, а не законнаго брака, такъ какъ послѣдній сопряженъ съ извѣстными затрудненіями. Администрація не даетъ ни дома, ни земли женщинѣ, если она одинока; а одинокому мужчинѣ мало пользы отъ дома и поля, если у него нѣтъ помощницы. Администрація сознаетъ это и сама даетъ должную оцѣнку этому положенію вещей, въ которомъ лежитъ наиболѣе запутанная и трудная задача колонизаціоннаго вопроса.

Между прочимъ администрація старается

не давать людямъ нарушать существующіе законы, но она, повидимому, не считаетъ себя въ правѣ заставлять мужчинъ и женщинъ быть нравственными согласно понятіямъ церкви. При указанныхъ условіяхъ между этими мужчинами и женщинами, по закону не имѣющими права вступать въ бракъ, связи прямо неизбѣжны. Насколько я замѣтилъ явная проституція является рѣдкимъ исключеніемъ, хотя большинство изъ женщинъ, какъ свободно послѣдовавшихъ такъ и каторжныхъ, не могутъ быть причислены къ строго-нравственнымъ женщинамъ, но при строгомъ полицейскомъ надзорѣ это можетъ и не такъ рѣзко быть замѣтнымъ. Сожительство съ внѣшней стороны ничѣмъ ни отличается здѣсь отъ законнаго брака, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отношенія супруговъ такъ же хороши, какъ если бы ихъ союзъ былъ оформленъ. Я не стану распространяться о томъ, что сожителство является менѣе профилактической мѣрой, чѣмъ бракъ,—это вполне понятно, Однако отъ такихъ семействъ происходитъ около 40% рожденій на о. Сахалинѣ, тогда какъ число сожителствъ ничуть не болѣе числа законныхъ браковъ. Такое положеніе брачнаго дѣла крайне удивляетъ меня какъ одно изъ самыхъ оригинальныхъ явленій на Сахалинѣ. Многіе, вѣроятно, согласятся со мной, но таковымъ, все-таки я предложилъ бы отвѣтить: какъ могли бы вы замѣнить это,

не при иныхъ обстоятельствахъ, а именно при тѣхъ, которыя существуютъ и которыя я только что описалъ. По тому, что я видѣлъ и слышалъ,—могу судить, что невѣнчанные частенько пользуются свободой и что ревность, такъ часто разыгрывающаяся при такихъ условіяхъ семейной жизни, ведетъ къ новымъ драмамъ, иногда самага трагическаго характера.

Однажды я гостилъ у одного изъ чиновниковъ въ одномъ изъ наиболѣе богатыхъ поселковъ, внутри острова. Послѣ обѣда я отправился по селенію, останавливаясь у той или иной хаты съ цѣлю посѣщенія ея обитателей и нарушенія однообразной жизни этихъ несчастныхъ. Одна изъ избъ заинтересовала меня больше другихъ поразительнымъ порядкомъ и чистотой. Построенная по общему плану, она оказалась однако больше другихъ; въ стойлахъ было больше скота, дворъ былъ чище другихъ и всюду были признаки благосостоянія обитателей избы. Хозяйка, которая находилась дома одна, была поразительно привлекательна. Ей было на видъ около 35 лѣтъ, она была стройна, обладала чуднымъ цвѣтомъ лица и прекрасными карими глазами. У нея было замѣтно нѣкоторое стремленіе къ кокетству, такъ рѣдко встрѣчающемуся у ссыльныхъ женщинъ. Она, повидимому, казалась польщенной моимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ и старалась принять меня какъ можно

лучше. Накрывъ маленькій столъ и поставивъ на него хлѣбъ и масло своего приготовления и кувшинъ парного молока, она пригласила меня къ нему. Въ свою очередь я предложилъ ей всѣ, имѣющіеся у меня въ наличности папиросы, такъ какъ зналъ, что это для нея лучшее угощеніе. Вернувшись домой, я рассказалъ своему хозяину объ этомъ посѣщеніи и съ особымъ удовольствіемъ указывалъ на ея привѣтливость, домовитость и вообще на ея значительныя преимущества въ сравненіи съ другими поселенками.

На слѣдующій день, по возвращеніи моемъ въ Александровскій постъ, была получена телеграмма, изъ которой я узналъ, что въ то самое время, когда я разговаривалъ съ понравившейся мнѣ женщиной, въ лѣсу, примыкавшемъ къ ея огороду, было найдено разрубленнымъ на нѣсколько частей тѣло ея сожителя, съ которымъ она прожила нѣсколько лѣтъ. Если бы я былъ повнимательнѣй во время моего визита, я можетъ быть замѣтилъ бы на бревенчатыхъ стѣнахъ комнаты довольно плохо отмытыя красноватыя пятна, а на полу, показавшемся мнѣ такимъ чистымъ, еще большія пятна, напоминающія собою ржавчину. Впослѣдствіи я узналъ, что наканунѣ моего посѣщенія Лобанова (такова фамилія этой женщины) приготовила своему сожителю особенно обильный и вкусный обѣдъ, который онъ

сѣлъ по возвращеніи изъ лѣса, гдѣ работалъ. Онъ остался очень доволенъ своимъ обѣдомъ, послѣ котораго, не безъ нѣкотораго удовольствія, замѣтилъ, что его любимый ножъ отточенъ, какъ бритва. Эти факты были сообщены солдатами вечерняго патруля, которые съ нимъ разговаривали во время обхода и видѣли его ложившемся спать. Повидимому, немедленно же по удаленіи ихъ, показавшаяся мнѣ такъ симпатичной женщина съ такой силой всадила отточенный ножъ въ горло своему сожителю, что онъ больше не всталъ. Тогда она изрубила его тѣло на мелкіе куски, положила ихъ въ мѣшокъ и въ глухую ночь снесла его черезъ огородъ въ лѣсъ, гдѣ и разбросала куски трупы, думая что голодные волки, въ которыхъ не было здѣсь недостатка, унесутъ ихъ до наступленія утра, и всѣ слѣды преступленія будутъ, такимъ образомъ, скрыты. Все это прелестная убійца сама рассказала полицеймейстеру. До моего посѣщенія никто еще не справлялся у нея объ убитомъ ея сожителѣ. Такъ какъ ему приходилось работать въ лѣсу и къ тому же самому, и ходилъ онъ на работу черезъ зады, т. е. свой огородъ, то никто изъ сосѣдей не замѣтилъ его отсутствія.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего посѣщенія, въ то самое время, когда я расхваливалъ ее своему хозяину, она услышала стукъ въ ставню, обозначавшій посѣщеніе

ночного патруля, и отвѣтила на этотъ стукъ немедленно же. Нимало не обнаруживая своего страха, она напала на солдатъ за то, что они такъ шумятъ, когда ея мужъ крѣпко спитъ. Такое поразительное самообладаніе обмануло патруль и противъ имени Лобановыхъ была поставлена обычная отмѣтка о томъ, что они оба были дома. Такая хитрость удавалась ей еще два дня подъ-рядъ. Когда ее накрыли и она была поставлена лицомъ къ лицу съ доказательствами ея преступленія, она сначала приняла обиженный видъ, а потомъ, точно гордясь своимъ умомъ, откровенно во всемъ созналась.

Она объявила, что убила этого человѣка, потому что онъ ей надоѣлъ, и такъ какъ у нея есть на примѣтѣ другой, который ей больше нравится и который согласенъ занять мѣсто убитаго, то полиція можетъ не беспокоиться: все пойдетъ попрежнему и даже гораздо лучше.

Это преступленіе Лобановой было третьимъ по счету, ею совершеннымъ. Меня сильно заинтересовало, чѣмъ кончится эта исторія, и я не пропускалъ возможности спросить о ней. Черезъ три дня послѣ раскрытія преступленія, я выразилъ свое удивленіе одному изъ видныхъ чиновниковъ по поводу того, что Лобанова до сихъ поръ не посажена въ тюрьму, и спросилъ его, когда будутъ ее судить и что съ ней сдѣлаютъ:

накажутъ ли ее плетьюми или будутъ судить военнымъ судомъ и повѣсятъ?—Что же мы можемъ съ ней сдѣлать?—отвѣчалъ онъ мнѣ,—въ Александровской тюрьмѣ для нея нѣтъ мѣста, а если бы и было, какой смыслъ былъ бы ее тамъ держать? Только лишній расходъ для казны. А относительно плетей вы же знаете, что женщина отъ нихъ избавлена, а военному суду также не подвѣдомственна...

— Но, однако, нужно же съ ней что-нибудь сдѣлать... Въ такомъ случаѣ какой смыслъ судить ее? Она созналась во всемъ, и при такихъ условіяхъ слѣдствіе было-бы простымъ фарсомъ.

— Гдѣ же она теперь?

— У себя дома, гдѣ же ей быть? Развѣ вы не находите, что это лучшее мѣсто для нея?

Такимъ образомъ все осталось по прежнему, а на мѣсто убитаго появился его соперникъ. Я нарочно привелъ этотъ случай во всѣхъ его подробностяхъ, чтобы картинно доказать всю безнаказанность женщинъ на Сахалинѣ.

— Видали ли вы нашу «La belle femme»? спросилъ меня однажды знакомый мнѣ чиновникъ. Я немного зналъ объ ней: однажды, когда мы катались на шлюпкѣ по заливу, одинъ изъ офицеровъ показалъ мнѣ на вершинѣ холма довольно красивенькій домикъ.

— Вотъ видите, домъ нашей «belle fêmmе»...

— Смотрите скорѣй въ окно, — сказала мнѣ въ другой разъ одна моя знакомая дама. — Видите ее? Вотъ это краса Александровска. Она считается самой красивой женщиной на о. Сахалинѣ. Но я не успѣлъ взглянуть, она видно спѣшила и скоро прошла мимо дома, въ которомъ я былъ.

Однажды послѣ обѣда рѣшено было отправиться къ домику, гдѣ жила «La belle fêmmе», чтобы познакомиться меня съ той, о которой я столько слышалъ, но которой ни разу не видалъ. Между собою мужчины ее называли «Сарой». Мы размѣстились въ дрожки и отправились по дорогѣ, ведущей въ глубь острова; проѣхавши версты три мы остановились у аккуратно сдѣланнаго забора съ хорошими воротами, за которыми помѣшались большая изба и всѣ необходимыя надворныя постройки. Постучавъ въ ворота нѣсколько разъ, мы услышали веселый смѣхъ, обозначавшій, повидимому, что Сара дома, но, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не для насъ, и намъ придется немного обождать. Минутъ черезъ 10 тяжелый засовъ былъ отодвинутъ, ворота открылись, и Сахалинская красавица стала передъ нами.

Она привѣтствовала насъ съ полнымъ сознаниемъ собственного достоинства. Такъ какъ по двору бѣгали телята, то они немедленно же были заперты, а мы расположились въ домѣ. Хлѣба, масла, молока было

въ изобилии и всѣ угощались, ни капли не стѣснясь, какъ старые знакомые. Наше неожиданное посѣщеніе застало Сару въ такой моментъ, когда она не могла собственно принять никого У ея двора, вѣроятно, есть задній ходъ, тѣмъ не менѣе визитъ нашъ ее не только поразилъ, но и смутилъ, и, вѣроятно, не безъ основанія. Сара сильно заинтересовала меня: впечатлѣніе, производимое ею было и удивленіемъ и восхищеніемъ и глубокимъ отвращеніемъ. Мнѣ кажется, это было самое дикое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое великодушное и красивое животное, которое я когда либо видѣлъ.

Она была высока, прекрасно сложена, и хотя ей было уже за тридцать,—гибка, какъ кошка. Лицо имѣло форму удлинненаго овала съ безупречнымъ греческимъ носомъ; смуглый, нѣжный цвѣтъ лица, густые черные волосы и правильныя брови, чистый, породистый профиль и необыкновенно большіе, блестящіе глаза, опущенные густыми рѣсницами, составляли ея особенную прелесть. Другихъ такихъ глазъ я никогда не видалъ. Въ домѣ было двое красивыхъ дѣтокъ, о которыхъ было только извѣстно, что Сара ихъ мать.

Въ комнатѣ за кухней я замѣтилъ полицейскую шинель, принадлежавшую, какъ я въ послѣдствіи узналъ, тому, кто былъ въ настоящее время ея мужемъ. И домъ и огородъ все было въ хорошемъ состояніи, все

говорило, что владѣльцы его люди богатые, понятно въ смыслѣ сахалинскомъ. Я нисколько не сомнѣвался, что эта дикая, неприрученная красавица могла сдѣлать все, что ей вздумается, и что едва ли кто-нибудь, даже изъ самой сахалинской администраціи, пользовался большимъ вліяніемъ и большею безнаказаностію.

Сара была кавказской цыганкой; она сдѣлалась любовницей одного грузинскаго князя и убила его для того, чтобы успокоить ревность одного изъ ея поклонниковъ; за это ее сослали на Сахалинъ; однако, ясно было, что ея дикіе капризы до сихъ поръ не прошли и ея приключенія, о которыхъ нельзя было подумать безъ ужаса, далеки еще отъ конца.

Кромѣ этихъ двухъ женщинъ я не видалъ ни одной, которой можно было-бы простить малѣйшее кокетство. Лица у нихъ грубы, неподвижны и изжелта-блѣдныя; но хуже чертъ лица—это выраженіе его: я едва помню 2—3 десятка лицъ мужчинъ и женщинъ, у которыхъ я замѣтилъ проблескъ мысли въ глазахъ.

Если отъ кого либо изъ этихъ несчастныхъ удавалось услышать привѣтливое, ласковое слово, то казалось, что это шло откуда-то помимо его, а не отъ него, какъ голосъ чревовѣщателя, потому что слова совершенно не гармонировали съ выраженіемъ лица. Наиболѣе характернымъ въ фи-

гуръ и лицъ преступниковъ являются сутуловатыя плечи, опущенная голова, ротъ съ опущенными внизъ углами, безпокойные глаза, которые точно ничего не видятъ, безпомощно опущенныя руки съ растопыренными пальцами, виляющая, шаткая, безцѣльная походка — общее впечатлѣніе ходячаго мертвеца. Въ болѣе развитой, такъ называемой, привилегированной категоріи преступниковъ, хотя не имѣются всѣ вышеозначенныя примѣты, но нѣкоторыя изъ нихъ на лицо — въ особенности часто встрѣчается между ними безпокойный, ни на секунду не остававливашійся, взглядъ. Глаза — зеркало души и къ несчастію печально отражаютъ своихъ несчастныхъ владѣльцевъ. Мнѣ приходилось видѣть, между отбывшими срокъ каторги лицъ, пользующихся теперь благосостояніемъ и уваженіемъ среди администраціи, которая принимаетъ ихъ запросто, ничуть не стѣсняясь ихъ прошлымъ; одинъ изъ такихъ, г-нъ Ландсбергъ, исполняетъ теперь на островѣ должность агента Русско-Китайскаго банка. Попадаются крестьяне, особенно въ Корсаковскомъ посту, состояніе которыхъ равняется милліону.

Въ Александровскомъ посту самымъ богатымъ купцомъ считается Бородинъ, тоже изъ отбывшихъ наказаніе и Ландсбергъ; перваго изъ нихъ ограбилъ Селивановъ, что мною описано выше. Есть на островѣ и частныя богатые предприниматели: какъ то,

Маевъ, имѣющій богатѣйшіе угольные копи. Мнѣ приходилось не разъ слышать сѣтованіе и жалобы на дурное обращеніе послѣдняго съ рабочими.

Самый прискорбный фактъ, поражающій всѣхъ путешественниковъ, это вѣчное недоѣданіе и холодовка сс. поселенцевъ, отбывшихъ срокъ каторги и лишенныхъ казеннаго пайка. По истинѣ можно сказать, что они то именно и каторжные, а не тѣ, которые обезпечены хоть какимъ бы то ни было, но все таки хлѣбомъ,—поселенцы и этого лишены. Что же касается работы, то ея такъ мало, что для исполненія ея достаточно одной десятой всѣхъ поселенцевъ, остальнымъ девяти десятымъ предоставлено формально голодать или умышленно совершить преступленіе дабы попасть въ тюрьму.

Самый главный бичъ Сахалина, толкающій не одинъ десятокъ арестантовъ на новыя преступленія — это картежная игра и, отчасти, пьянство. Сахалинъ поглащаетъ десятки тысячъ колодъ картъ, — играютъ всѣ, большіе и маленькіе. Послѣднимъ нечего проигрывать — денегъ нѣтъ, лишнихъ вещей также: они проигрываютъ себя, смотря по условію на день на два, недѣлю, мѣсяць и даже до года; такой проигравшійся долженъ исполнять всѣ работы, которыя на него возложить счастливый соперникъ, что же касается до одежды, то ее проигрываютъ еще не получая изъ казны за мѣсяць, два и даже

полгода до полученія ея. Въ кандалной тюрьмѣ есть специальная камера, въ которой содержатся эти несчастные игроки — она такъ и зовется «промотной».

Грустную картину представляютъ эти несчастные, положительно раздѣтые до нага, безъ всякой постели, валяющіеся на голыхъ доскахъ и дрожащіе отъ холода и голода всю ночь и день напролетъ. Тюремная администрація постановила за промотъ не наказывать розгами такъ какъ это, по ея словамъ, мало вразумительное средство, а взамѣнъ практикуетъ заключеніе въ «промотной» камерѣ, гдѣ изъ слѣдуемой казенной пищи и хлѣба удерживается часть до той поры, пока изъ этой принудительной экономіи получится сумма, необходимая для покупки халата и прочихъ принадлежностей арестантскаго туалета. Такой промотчикъ взамѣнъ $2\frac{1}{2}$ ф. чернаго хлѣба получаетъ всего 1 ф., горячую же пищу черезъ два дня на третій. Меня поразила ихъ страшная блѣдность, худоба и словно пьяная походка, цвѣтъ лица у нѣкоторыхъ, долгое время пробывшихъ въ этой «промотной» камерѣ иногда совсѣмъ черный, словно земля, а глаза... но буду ли я въ состояніи описать ихъ выраженіе, скажу въ двухъ словахъ, что такіе глаза и такое выраженіе я видѣлъ часто у собакъ, которыхъ хозяинъ безпричинно побьетъ. А главное, что въ «промотную» попадаютъ большей частью, если только не всѣ, моло-

дые неопытные арестанты, не знающіе тюремныхъ, тѣмъ болѣе сахалинскихъ, правилъ, подговоренные болѣе опытными арестантами, продать одежду и, авось, отыгратъся; послѣдній ничѣмъ не рискуетъ, а напротивъ, если новичекъ по счастью выиграетъ, то и ему попадетъ малая толика, а что онъ рискуетъ «промотной», то это его ничуть не трогаетъ. Напротивъ, мнѣ приходилось часто наблюдать, что болѣе опытные или, такъ сказать, хитрые арестанты никогда почти не жалѣютъ такихъ профановъ и даже смѣются надъ ними, вообще я замѣчалъ, что арестанты стараются возбуждать въ такихъ новичкахъ какъ можно больше ненависти къ начальству и къ его мѣрамъ. Чѣмъ болѣе ожесточенъ арестантъ на начальство, тѣмъ дальше онъ будетъ отъ него и *eo ipso* изъ такого не можетъ выработаться фискаль-доносчикъ.

Каждую весну изъ Россіи приходятъ свѣжія партіи каторжниковъ. Прибытіе такого парохода съ нетерпѣніемъ ожидается арестантами: одни надѣются увидѣть жену, другіе родныхъ, третьи ожидаютъ встрѣтить знакомыхъ, добрыхъ пріятелей по тюрьмѣ; прибывшій изъ Россіи арестантъ всегда денежный, — каковъ бы онъ ни былъ, а родные въ такую дальнюю дорогу снабдятъ его, по силѣ возможности, деньгами. Попавъ на островъ и будучи выпущенъ на свободу (я говорю о малосрочныхъ), арестантъ сразу

теряется: онъ не знаетъ, что ему дѣлать, кругомъ онъ слышитъ о строгости начальства, о невозможности выполнять назначаемого начальствомъ урока. Тутъ же, будто бы вскользь, поминается о возможности побѣга, единственное препятствіе котораго—отсутствіе денегъ. Неопытный молодой арестантъ, просидѣвшій, большей частью, нѣсколько лѣтъ до отправки на Сахалинъ слушаетъ съ затаенною радостію о возможности побѣга,—значить этотъ проклятый островъ не безъ выхода, — мелькаетъ въ его головѣ, значить и отсюда можно выбраться! И вотъ новичка опытный коллега отводитъ въ сторону и въ двухъ словахъ кончаетъ дѣло.

— «Хочешь свободу?» — «Хочу» — понятно звучитъ въ отвѣтъ. — «Деньги есть?» — «Есть!» — «Сколько?» Получается отвѣтъ, сколько именно есть у него наличныхъ и что можно изъ вещей превратить въ деньги. Происходитъ это скоро, тихо, подъ величайшимъ секретомъ. Наконецъ все готово для пути. Незамѣтнымъ образомъ по одиночкѣ выходятъ арестанты изъ вольной тюрьмы и, по ранѣе означенному направленію, пускаются въ путь... Вернись несчастный пока есть еще время, не видать тебѣ воли на землѣ, шепчутъ ему на ухо высокія столѣтнія пихты и кедры, но не понимаетъ ихъ молодой арестантъ. И вотъ черезъ два три—дня возвращается старый арестантъ назадъ

въ тюрьму, но только одинъ: молодого и слѣдъ простылъ.

— Гдѣ твой товарищъ? спрашиваютъ его тѣ, которые замѣтили ихъ переговоры. — «Какой, такой товарищъ?! нѣтъ у меня его, и не было, — ходилъ самъ посмотрѣть тайгу, да заблудился и проплуталъ вотъ два дня...

Спросить еще одинъ, два да и перестануть спрашивать; знаютъ они, что скорѣй камень заговорить, чѣмъ проговорится онъ.

А въ тюремныхъ книгахъ противъ фамиліи молодого бѣглеца помѣтка: «бѣжалъ такого то числа въ казенныхъ вещахъ» казенныя вещи даже краснымъ карандашомъ отмѣчены.

Въ глухой тайгѣ, около сваленныхъ бурей столѣтнихъ гигантовъ, лежитъ Авель и глядитъ въ высь въ чудное голубое небо: достигъ онъ свободы, хоть и не той, что искалъ...

Много я слыхалъ о подобныхъ преступленіяхъ и, правду сказать, не вѣрилъ имъ, относя ихъ къ выдумкѣ досужей фантазіи, покуда не узналъ все это поближе. Однажды я шелъ съ знакомымъ мнѣ чиновникомъ по улицѣ селенія, вдругъ мнѣ навстрѣчу попадаетъ субъектъ, поразившій меня своимъ выраженіемъ: при одномъ взглядѣ на него я прозакладывалъ бы душу, что человѣкъ этотъ совершилъ тяжелое, страшное преступленіе. Чиновникъ замѣтилъ мое смущеніе и, понявъ причину его, кивкомъ пальца

подозвалъ къ себѣ, поразившаго такъ меня арестанта. Я отшатнулся, не понимая, что хочетъ чиновникъ отъ него, но скоро все объяснилось: когда послѣдній подошелъ, чиновникъ, спокойно указывая на меня, попросилъ арестанта рассказать послѣднее его преступленіе: до сихъ поръ не могу я безъ содроганья вспомнить его. Онъ передавалъ его со всѣми мельчайшими деталями, словно рассказъ этотъ доставлялъ ему какое-то тайное удовольствіе: это былъ Каинъ, также заманилъ онъ молодого денежнаго арестанта въ тайгу, и тамъ, убивъ его, ограбилъ. Все прошло тихо незамѣтно, никто его не подозрѣвалъ, объ несчастномъ забыли и думать. Какъ вдругъ на имя его получилось письмо отъ матери убитаго, писала она по его адресу потому, что онъ еще при жизни уговорилъ того послать письмо домой съ просьбой о деньгахъ на его адресъ потому, что ему легче будетъ достать деньги, чѣмъ кому-либо. И вотъ это письмо разбудило совѣсть убійцы, днемъ и ночью стала она грызть его, лишила покоя, ничего на умъ не шло: ни ѣда, ни сонъ, — словно живой стоитъ передъ нимъ убитый и пристально смотритъ ему въ глаза. Не стерпѣлъ несчастный, пошелъ къ начальнику тюрьмы и чисто-сердечно во всемъ сознался. Его судили, прибавили срокъ каторги и отстегали плетьюми, но все-таки совѣсть не успокоилась и вездѣ, гдѣ только его слушали онъ рассказывалъ

свой грѣхъ; бывали случаи, что его арестанты били за это, но чѣмъ больше его били, тѣмъ болѣе, тѣмъ ярче рассказывалъ онъ о своемъ преступленіи, словно въ этомъ самобичеваніи онъ находилъ покой и искупленіе.

Рѣзко бросается въ глаза громадный процентъ психически больныхъ арестантовъ: въ одномъ Александровкомъ посту ихъ содержится около 500 человѣкъ; главный родъ помѣшательства—тихая меланхолія, хотя есть и фуріаты, но сравнительно малый процентъ. Однимъ изъ главныхъ проводниковъ болѣзни врачи считаютъ одиночныя камеры и сопряженный съ ними онанизмъ. Меня крайне заинтересовалъ одинъ больной: когда-то онъ былъ механикомъ, сосланъ за убійство жены изъ-за ревности, его *idée fixe*, найти вѣчный двигатель «*perpetuum mobile*»; мнѣ пришлось видѣть его рисунки и, признаюсь, что я не повѣрилъ, что ихъ рисовалъ больной человекъ, до того точно и чисто были они вырисованы; въ общемъ улавливалась мысль, но громадное количество всевозможныхъ колбъ, двигателей, цилиндровъ рѣшительно сбивало съ толку. Главное, что я помню въ его рисункахъ и что меня крайне удивило это то, что во всѣхъ его машинахъ ни въ одной части не участвовало колесо, неизбежно, необходимое во всѣхъ двигателяхъ: его вездѣ замѣнялъ трехугольникъ. Я слышалъ со стороны, что всѣ его рисунки со-

бираль мѣстный ординаторъ-врачъ Ляндао для отсылки на механической заводъ. Не знаю, какой оттуда получился отвѣтъ, но опять скажу, что по нимъ нельзя никогда даже предположить, чтобъ рисовавшій ихъ, по словамъ того же ординатора, былъ неизлѣчимый психически-больной.

Хорошую память по себѣ оставила сестра милосердія г-жа Маерь: благодаря ей устроенъ на островѣ въ Александровскомъ посту первый дѣтскій пріютъ и при немъ рабочій домъ, сотни лицъ, благодаря ей, получали въ немъ работу и имѣли возможность заработать на черный день. Меня удивило разнообразіе работъ, начиная отъ скульптурной и живописной и кончая сапожной мастерской. Всякій, кто, что только, умѣлъ дѣлать, шелъ къ ней и непременно находилъ работу.

Говорятъ, что кромѣ этихъ работъ сестра помогала всѣмъ, кто къ ней ни обращался, на что потратила довольно большое состояніе.

Несмотря на строгій режимъ и особенно бдительный полицейскій надзоръ, не проходитъ недѣли, чтобъ не случилось какого-нибудь преступленія; большей частью жертвами преступленія бываютъ тѣ же каторжные и поселенцы,—за убійство чиновника грозить висѣлица, а за убійство своего брата, какъ принято тамъ называть другъ друга, грозитъ только прибавка срока, что не очень страшно, въ особенности большесрочнымъ.

Мнѣ пришлось видѣть, какъ привели изъ тайги двухъ бродягъ; солдаты застали ихъ, когда они варили себѣ пищу: въ котелкѣ оказалось вмѣсто говядины, человѣческое мясо, въ сумкахъ также нашли сырыя, мягкія части человѣческаго тѣла. Ихъ будутъ судить за бродяжничество и за людоѣдство, но это для нихъ не такъ страшно, какъ будущій судъ арестантовъ, судъ своихъ надъ своими. Арестанты все прощаютъ, даже такой случай, какъ я описалъ сначала съ новичкомъ, но убійство своего стараго товарища они ни за что не простятъ, и какъ только ихъ заключатъ въ тюрьму, надъ ними совершится расправа. Жестокая безмилосердная, — она съ одной стороны справедлива; ушли трое бродяжить, трое должны и прити назадъ, или же всѣ трое должны погибнуть съ голоду, но убійство одного изъ ушедшихъ для утоленія голода не прощается.

Я видѣлъ въ пріемномъ покоѣ больницы, на шкафу, черепъ одного изъ такихъ людоѣдовъ, по фамиліи Голубева; онъ былъ арестованъ, при такихъ же условіяхъ, какъ и вышеозначенные, — по приговору онъ долженъ былъ получить 40 плетей. И плети эти, были для него смертельны: арестанты, всѣ, безъ исключенія, потребовали отъ палача (который кстати сказать находится въ зависимости отъ арестантской артели, такъ какъ получаетъ отъ нея мѣсячное жалованье усиленной порціей и деньгами), чтобъ онъ

постарался такъ наказать людоѣда, чтобы тотъ больше не всталъ. Палачъ постарался и Голубковъ умеръ подь плетьюми.

Придерживаясь системы минимальныхъ расходовъ, сахалинская тюремная администрація окончательно забросила нравственную сторону арестантовъ, такъ какъ нѣсколько проповѣдей въ годъ, сказанныхъ тюремнымъ священникомъ не могутъ быть причислены къ сильно дѣйствующимъ возбудителямъ павшей нравственности. Мнѣ приходилось видѣть и слышать съ какимъ вообще интересомъ и вниманіемъ прислуживаются арестанты къ тѣмъ лицамъ, которыя склонны видѣть въ нихъ не только однихъ преступниковъ, но и людей. Я никогда не забуду тѣхъ теплыхъ, задушевныхъ отзывовъ арестантовъ о врачѣ Лобусѣ и сестрѣ милосердія, г-жѣ Маеръ: въ каждомъ словѣ ихъ такъ и сказывалась горячая, правдивая благодарность.

Я помню, мнѣ рассказывалъ одинъ арестантъ, что во время Пасхи къ нимъ въ тюрьму по обыкновенію пришелъ начальникъ тюрьмы г. П—ъ, суровая, а иногда крайнія мѣры котораго стали страшилищемъ всѣхъ арестантовъ; и вотъ этотъ начальникъ, почувствовавъ себя на этотъ разъ человѣкомъ, обратился къ нимъ съ теплыми, сердечными словами, которыя такъ тронули слушателей, что многіе рыдали навзрыдь. И послѣ этого случая мнѣніе объ немъ совершенно переимѣ-

нилось. «Ишь, вѣдь въ немъ тоже есть душа, даромъ что сердить, другой разъ можетъ и наказываетъ, а въ душѣ жалѣеть, съ нами вѣдь тоже нельзя очень ужъ слабо», говорили въ послѣдствіи между собою арестанты. И такихъ случаевъ я слышалъ много, что дало мнѣ поводъ предполагать, что нѣтъ ни одного арестанта неисправимаго, — только одинъ нуждается въ меньшемъ, а другой въ большемъ воздѣйствіи, но отнюдь не въ суровыхъ мѣрахъ, которыя давно доказали администраціи всю свою несостоятельность; въ большинствѣ случаевъ, если не во всѣхъ, доброе слово, нравоучительная бесѣда достигали большаго, чѣмъ самыя крутыя мѣры, которыя не исправляли, а запугивали и ожесточали сердца. Не буду говорить, что тоска по родинѣ не дѣлаетъ своего: сотни удавленныхъ побѣговъ и тысячи не удавшихся ясно за себя говорятъ, но къ несчастію это зло непоправимое, такъ какъ лежитъ въ основѣ самаго наказанія, но улучшение мѣстнаго быта арестантовъ несомнѣнно сильно сократило бы процентъ этихъ побѣговъ, тѣмъ болѣе, что всякій побѣгъ съ острова сопряженъ съ рискомъ жизни; тогда лишь самыя смѣлые, отчаянные арестанты рѣшились бы на него, теперь же побѣгъ, эта завѣтная мечта, самаго тихаго, самаго скромнаго арестанта.

Я видѣлъ многихъ трудолюбивыхъ мастеровыхъ—арестантовъ, которые, хорошо срав-

нительно зарабатывая, отказывали себѣ во всемъ необходимомъ, собирая лишь деньги на покупку лодки, для предстоящаго побѣга. Они откровенно говорили, что какъ бы они ни трудились, ни старались, они не въ состояніи заставить начальство смотрѣть на нихъ, какъ на людей, и при первой же оплошности, при первомъ проступкѣ съ ними будетъ поступлено, не какъ съ людьми. Побѣги дѣлятся на нѣсколько видовъ: одни бѣгушіе рѣшаются достигъ свободы во что бы то ни стало, даже съ рискомъ жизни, другіе, хотя и хотятъ достигъ свободы, но съ возможно меньшимъ рискомъ, третьи же — просто маниаки побѣга: всякую весну, насушивъ мѣшокъ сухарей, такой бѣглець отправляется въ тайгу, собирать грибы и ягоды, какъ мѣтко охарактеризовали этотъ родъ побѣга арестанты, и сидѣть въ ней покуда не кончится запасъ сухарей, послѣ чего возвращается назадъ въ тюрьму. Теперь подобныхъ бѣглецовъ не судятъ, а раньше судили и въ концѣ-концовъ засуживали до абсурда — до 150 лѣтъ; грустно, но тѣмъ не менѣе смѣшно видѣть старика 80 лѣтъ, у котораго впереди 100, а то и больше лѣтъ каторги. Судъ надъ подобными преступниками отливается въ формы фарса. Что же касается перваго разряда бѣглецовъ, то самыя строгія мѣры, примѣняемыя къ нимъ, не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ люди эти

потерявъ всякую надежду на легальную свободу, притѣсняемые всѣми, кому лишь не лѣнь изъ служащихъ, отчаялись. Возможное истребленіе этого зла лежитъ въ глубокомъ нравственномъ началѣ.

Сильнымъ пособіемъ тайной проституціи на Сахалинѣ надо считать большое, сравнительно, количество солдатъ, которые всѣ почти холостые.

Соединивъ написанное мною о Сахалинѣ съ написаннымъ моими предшественниками мы видимъ, что о Сахалинѣ еще не достигъ того состоянія, въ которомъ онъ будетъ полезенъ, какъ государству, такъ и обществу. Одна лишь смертная казнь можетъ лишить человѣка человѣческихъ правъ, но, такъ называемая, гражданская смерть, кромѣ вреда и болѣзненнаго нароста ничего изъ себя не представляетъ.

*
* *

Срокъ моего пребыванія на островѣ быстро приблизился къ концу, масса новыхъ неизвѣданныхъ и неиспытанныхъ до сего времени чувствъ ускорили его. 8 дней, проведенныхъ мною на Сахалинѣ показались мнѣ однимъ длиннымъ днемъ, такъ силенъ былъ интересъ ко всему видѣнному и пережитому.

На островѣ попадаются еще хотъ и въ маломъ количествѣ прежніе его владѣльцы: гиляки; ихъ осталось около 5000 т. душъ; особенно въ послѣднее время, когда русскіе

поселки вплоть приблизились къ нимъ, усилилась смертность у гиляковъ. Преобладающею болѣзною въ смыслѣ заразительности и опасности несомнѣнно является сифилисъ, въ прежнее время положительно имъ неизвѣстный, теперь же встрѣчающійся на каждомъ шагу. Гиляки дѣлятся на бѣлыхъ и черныхъ (это мѣстное подраздѣленіе ихъ); первые болѣе осѣдлы и воспримчивы къ культурѣ, вторые же, напротивъ, не имѣютъ никакой осѣдлости, переходя съ мѣста на мѣсто, смотря по изобиліи рыбы и пушнаго звѣря. Между ними много есть людоѣдовъ и скрываются они въ глубинѣ тайги. Бывали случаи, что бѣглые арестанты въ своихъ скитаніяхъ по тайгѣ натыкались на нихъ и падали жертвами ихъ людоѣдства. Въ Александровскомъ посту есть одинъ арестантъ, какимъ то чудеснымъ способомъ спасшійся отъ нихъ; онъ рассказалъ мнѣ, какую страшную ночь провелъ онъ у гиляковъ, ожидая дня казни; его привязали къ дереву, поставили сторожей и, только благодаря хитрости, онъ успѣлъ спастись. На слѣдующій день, когда проснулись всѣ гиляки его повели къ старшинѣ на допросъ. Подъ высоко поднятымъ навѣсомъ изъ полотна, на голой землѣ сидѣло нѣсколько старыхъ гиляковъ; осмотрѣвъ его съ ногъ до головы одинъ изъ нихъ на плохомъ русскомъ языкѣ сталъ спрашивать, зачѣмъ онъ къ нимъ забрался, есть ли у него товарищи и гдѣ они,

имѣютъ ли они оружіе, и кто именно самъ плѣнникъ—бродяга или кто иной? Сообразивъ, что если онъ назовется бродягой, то его ожидаетъ мучительная смерть, онъ сталъ говорить имъ, что онъ одинъ изъ рабочихъ, посланныхъ съ инженерами и съ солдатами въ глубь страны для ея изслѣдованія и что солдаты и прочіе рабочіе должны сейчасъ быть здѣсь. Слова его, какъ видно, произвели на слушателей сильное впечатлѣніе, они стали между собой быстро о чемъ то говорить и, какъ видно, вполне повѣрили разсказу тѣмъ, болѣе что разсказъ совпалъ съ слухами о задуманной русскими экспедиціи въ глубь страны. Послѣ разсказа съ нимъ стали совсѣмъ иначе обращаться: прежде всего развязали и этимъ уже дали возможность въ случаѣ чего защищаться, тѣмъ болѣе что у него имѣлся маленькій шести-зарядный револьверъ ускользнувшій отъ ихъ вниманія, при задержаніи. Тогда онъ обратился къ старшему изъ нихъ, сѣдому гиляку, именно тому, который говорилъ съ нимъ по русски съ просьбой, чтобъ его накормили, такъ какъ онъ со вчерашняго дня ничего не ѣлъ и немедленно освободили.

Гиляки опять между собою поговорили и, видно согласившись съ его требованіемъ, подозвали одного изъ стоявшихъ позади гиляковъ и, что то сказавъ ему, послали куда то. Черезъ минуту онъ вернулся, неся кусокъ рыбы кѣты и черный сухарь, который

и передалъ плѣннику. Онъ съ аппетитомъ съѣлъ все это на глазахъ гиляковъ и, поклонившись имъ, отошелъ отъ нихъ, наблюдая за ними, какое впечатлѣніе это произведетъ на нихъ. Но видно они дѣйствительно рѣшили отпустить его и не препятствовали уходу, онъ шелъ, а сердце билось такъ сильно отъ радости избавленія, что ему приходилось нѣсколько разъ останавливаться, чтобъ перевести духъ; наконецъ, онъ отошелъ на довольно большое разстояніе и не безъ трепета обернулся назадъ,—идутъ ли за нимъ или нѣтъ? Но нѣтъ, слава Богу, никто за нимъ не слѣдилъ и онъ былъ предоставленъ самому себѣ. Но что дѣлать дальше? въ распоряженіи его остался лишь маленькій кусокъ недоѣденнаго сухаря,—больше ничего. Онъ шелъ все впередъ, надѣясь встрѣтить жилое мѣсто и къ вечеру онъ окончательно выбился изъ силъ. Онъ былъ увѣренъ, что ему суждено погибнуть въ тайгѣ. Измученный, голодный прилегъ онъ на землю отдохнуть. Не успѣлъ онъ прилечь, какъ сонъ смежилъ его очи и онъ заснулъ—во снѣ ему показалось, что кто то давитъ его за горло онъ проснулся и съ ужасомъ замѣтилъ около головы какое то маленькое животное, онъ вскрикнулъ и испуганный звѣрекъ бросился въ бѣгство: это былъ кавунокъ, звѣрекъ не опасный, похожій на сибирскую бѣлку, только немного больше ея. Проснувшись, онъ не могъ

больше уснуть и, опредѣливъ направление побрелъ почти ощупью дальше. Наконецъ гдѣ то далеко онъ услышалъ лай собаки. Черезъ полчаса онъ былъ въ селеніи бѣлыхъ гиляковъ, которымъ рассказалъ все случившееся съ нимъ. Принять онъ былъ ими довольно радушно и, за имѣвшуюся на немъ запасную ситцевую рубашку получилъ хлѣба и рыбы, а также одинъ изъ нихъ обѣщался его проводить до перваго русскаго поселка.

* *
*

Лѣвое побережье Сахалина славится ловомъ рыбы, въ особенности кэты, которая милліардами идетъ вдоль ея береговъ весною и тутъ-то ее и ловятъ милліонами, — рыба эта очень вкусна и похожа на нашу семгу. Къ сожалѣнію, самые большіе ловы принадлежатъ японцамъ, которые платятъ нашему правительству по 7 коп. за пудъ пойманной рыбы.

Рыба эта приноситъ японскимъ промышленникамъ громадный доходъ, такъ какъ треть всѣхъ японцевъ только ею и существуетъ. Охотно ее покупаютъ и китайцы, такъ что въ общемъ ловъ и продажа этой рыбы принесла бы нашему правительству не малый доходъ, а также поставила бы японцевъ, которые безъ кэты не могли бы обойтись, въ зависимое отъ Россіи положеніе.

Каждый годъ около береговъ Сахалина

вылавливается множество сельдей, — японцы изъ нихъ приготовляютъ тукъ для удобренія полей. Во всѣхъ отношеніяхъ островъ Сахалинъ богатъ, только до сихъ поръ не пользуются этимъ богатствомъ, какъ слѣдуетъ. Строевой лѣсъ, каменный уголь, золото, желѣзо, мѣдь и рыба являются главными доходными статьями его, но всѣ эти промыслы въ зачаткѣ своего развитія. Островъ изобилуетъ и пушнымъ звѣремъ, медвѣдемъ, рысями, кавунками, но въ особенности сободемъ, который, кстати сказать, своимъ мѣхомъ немного дешевле камчатскаго и якутскаго. Хлѣбопашество также не сильно развито: съятъ столько, на сколько надѣются будетъ спросъ; весь почти хлѣбъ потребляется мѣстнымъ населеніемъ, очень малое количество его перевозятъ на материкъ. Въ особенности хорошъ скотъ и лошади—это объясняется обширными хорошими лугами, на которыхъ имъ предоставлено полное приволье. Но несмотря на это, во всемъ сказывается подневольное житье, главное, что бросается сразу въ глаза—это приниженность всего ссыльнаго элемента, даже и состоятельнаго. Бывшій произволъ наложилъ на нихъ отпечатокъ той запуганности, которая только можетъ быть сглажена долгими годами свободаго, ни отъ кого независимаго, существованія.

* *
*

Въ субботу 21 августа пароходъ, на ко-

торомъ я пріѣхалъ на Сахалинъ, отправлялся обратно въ Одессу и я рѣшилъ ѣхать на немъ. Поблагодаривъ гостепріимнаго хозяина и обязательныхъ чиновниковъ, я къ вечеру находился на палубѣ судна. Въ 10 часовъ раздался свистокъ капитана и гигантъ, развивая пары, тронулся въ путь. Съ пристани махали намъ платками, но вслѣдствіе быстро надвигавшейся темноты, пристань скрылась изъ глазъ.

Опять чудное темно-синее небо и безконечно широкое море охватило насъ со всѣхъ сторонъ. Судно шло во Владивостокъ, гдѣ должно было взять грузъ для Портъ-Артура и Одессы. Не стану описывать обратнаго пути, скажу только, что во все время не случилось ничего интереснаго, не считая встрѣченнаго нами англійскаго судна около Де-Кастрій, которое при встрѣчѣ съ нами, довольно любезно салютовало. Пріѣхавъ во Владивостокъ, я долженъ былъ дожидаться, пока не нагрузятъ судна,—это заняло около двухъ дней времени. Время это я просидѣлъ большей частію въ библіотекѣ морского военнаго собранія. Громадное количество книгъ, и довольно рѣдкихъ, предоставлено было моему вліянію и дѣйствительно сознаюсь, что я провелъ эти два дня прекрасно, въ особенности много книгъ о путешествіяхъ, которыхъ за неимѣніемъ времени я не успѣлъ прочитать, а только слегка просмотрѣлъ.

Наконецъ судно готово было къ пути;

въ качествѣ пассажировъ къ намъ поступило на судно новыхъ три лица—одинъ русскій офицеръ, ѣхавшій обратно въ Портъ-Артуръ, коммерсантъ-японецъ и корейскій чиновникъ, одѣтый съ ногъ до головы въ бѣлыя одежды. При разговорѣ оказалось, что японецъ и кореецъ говорятъ довольно недурно по-русски. Я сталъ спрашивать японца о мнѣніи его о русскихъ, — оказалось, что онъ ими очень доволенъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ они якобы очень грубы и во многомъ уступаютъ не только англичанамъ, но и самимъ японцамъ. Я постарался напомнить недавнее прошлое Японіи, японецъ поморщился, но довольно развязно отвѣтилъ, что то, что было, то прошло и надо, молъ, считаться съ настоящимъ, а не прошлымъ. Въ Японіи, по словамъ этого японца, главное неудовольствіе къ Россіи основано на неправильномъ якобы вмѣшателствѣ русскихъ въ Японско-Китайскую войну, занятіе Манчжуріи и стремленіе захватить подъ свой протекторатъ Корею.—«Но послѣдняго никогда не будетъ»,—замѣтилъ японецъ,—«Корея для японцевъ, а не для кого-либо другого, это убѣжденіе освящено годами, и такъ или иначе, но она должна принадлежать японцамъ». Я усомнился, но, не желая раздражать японца, прекратилъ разговоръ.

Кореецъ оказался иначе настроеннымъ, чѣмъ японецъ, только лишь въ протекторатѣ Рос-

си и ея помощи онъ видѣлъ возможность дальнѣйшаго существованія Кореи. Она измучена внутренними раздорами, она разорена, неурожаями, эпидеміями и войнами и, несмотря на это, мнимые друзья японцы смотрятъ на нихъ, не какъ на равноправныхъ согражданъ, а какъ на доходную статью, нѣтъ, Корея скорѣй желаетъ быть русской, чѣмъ японской. Мало ли японцы пролили корейской крови и за это должны они ихъ любить? Нѣтъ, никогда,— пусть они не думаютъ, что мы согласимся на мирный переходъ въ руки японцевъ. И онъ взглянулъ искоса на японца, во взглядѣ его мелькнулъ огонекъ ненависти. И тутъ я понялъ, что сближеніе японцевъ съ корейцами мирнымъ путемъ невозможно.

Мы плыли Японскимъ моремъ, по лѣвую руку отъ насъ, тянулся громадный японскій островъ Нипонъ съ главными ихъ столицами Kioto и Jeddo. Около самой Кореи островъ Нипонъ отстоитъ всего въ 180 верстахъ отъ Кореи, а мелкіе японскіе острова еще ближе какъ: Назенто, Карестто. Намъ пришлось остановиться въ Нагассаки. Первое впечатлѣніе производитъ онъ европейскаго порта и только ближе присмотрѣвшись, можно узнать, что находишься въ японскомъ городѣ— городъ окруженъ горами и разбитъ на самомъ берегу; дома всѣ маленькіе, чисто японскіе, вездѣ въ окнахъ масса цвѣтовъ.— какъ видно японцы ихъ очень любятъ. Отличаются

немного своей архитектурой консульские дома, въ особенности нашего консула: красивый двухъ-этажный домикъ въ швейцарскомъ стилѣ является чуть ли не лучшимъ украшеніемъ всего города. На берегу вдоль всего города тянутся длинные складочные амбары.

День и ночь происходитъ разгрузка и нагрузка судовъ, рейдъ полонъ всевозможными флагами. Нагассаки славится кромѣ того, какъ курортъ, —туда съѣзжается много иностранцевъ, въ томъ числѣ и русскихъ; ходятъ слухи, что воды курорта весьма полезны отъ извѣстныхъ болѣзней, но я думаю, что самое цѣлебное въ этомъ курортѣ его восхитительный воздухъ. Вѣчная весна — не достаточно ли этого, чтобъ всякій больной чувствовалъ себя, какъ въ раю? Къ тому же фрукты, — трудно описать всевозможные разновидности ихъ и все это дешево, почти даромъ. Жизнь въ гостиницѣ также дешева, номеръ со всѣмъ дневнымъ содержаніемъ стоитъ 3 фр., на наши деньги 1 р. 20 к. А что за столъ! у насъ по крайней мѣрѣ надо бы за него заплатить два, три рубля. Завтракъ изъ трехъ блюдъ, т.-е. кофе или чай, молоко, свѣжее масло, какое-либо жаркое, смотря по желанію потребителя и фрукты — послѣдніе всегда въ громадномъ количествѣ стоятъ въ вазахъ на столѣ, на нихъ просто не обращаютъ вниманіе хозяева и считаютъ ихъ необходимой принадлежностью всякаго

стола. Послѣ завтрака, часа въ 2 обѣдъ, онъ заключается, по крайней мѣрѣ изъ 5—6 блюдъ; чего тутъ только нѣтъ: и мясныя блюда и растительныя въ особенности послѣднія— тутъ вы найдете все—начиная отъ редиски и кончая морской капустой, которая кстати сказать, въ японскомъ приготовленіи очень хороша. Но попадаются иногда такія блюда, отъ которыхъ вы невольно отодвинитесь, а именно морскія утки, схожія съ нашими устрицами, но только морскія,—во всемъ остальномъ онѣ сильно разнятся, между прочимъ это любимѣйшее блюдо туземцевъ.

Вообще жизнь въ Нагассаки очень мила и привлекательна; общество очень любезно и разнообразно. Понятно преобладающимъ элементомъ являются японцы, но это ужъ не тѣ дикіе островитяне: всѣ японцы, проживающіе здѣсь, непременно говорятъ на англійскомъ языкѣ, а иногда и на французскомъ и нѣмецкомъ; японскія чиновники народъ весьма любезный и деликатный. Бывали случаи въ таможенной жизни, гдѣ европейскія дамы эксплуатировали эту любезность и провозили много контрабанды: несмотря на то, что японскимъ чиновникамъ все это стало извѣстнымъ, они не рѣшаются осматривать прилично одѣтую даму; какая разница съ нашими таможенными въ Сосновицахъ и Александровѣ, гдѣ дамъ раздѣваютъ чуть ли не до нага; хотя эта операція и производится женщинами, но, конечно, она обременительна

и тяжела. На наше судно тоже прїѣзжали японскіе таможенныя чиновники, но удовлетворившись словомъ капитана сейчасъ же, безъ всякаго осмотра вернулись назадъ. Я любовался докомъ, — дѣйствительно онъ представляетъ изъ себя послѣднее слово науки; построень онъ англичанами и обошелся японцамъ до двухъ милліоновъ іенъ, т. е. 1.800,000 руб. на наши деньги.

Въ городѣ мнѣ часто попадались японскіе солдаты и офицеры; одѣты они, какъ первые, такъ и вторые, очень чисто; форма военныхъ японцевъ это — точная копія французской, даже въ мелкихъ деталяхъ она ничѣмъ не отличается отъ нея.

Во время послѣдней китайской войны, Нагассаки былъ базисомъ японскихъ военныхъ операцій; отсюда посылались войска, отсюда шли и жизненные припасы. Этотъ городъ напоминаетъ мнѣ нашъ Николаевъ на Черномъ морѣ, но только лѣтомъ. Въ особенности богата растительность: цѣлые лѣса лимоновъ, апельсинъ, банановъ переносятъ васъ въ сказочный миръ фантазій.

Какъ портъ, Нагассаки является импульсомъ всей морской жизни, соприкасающейся съ материкомъ. Не будь Нагассаки портомъ, не было бы можетъ быть и Корейскаго вопроса.

Типичны японки, въ особенности съ грудными дѣтьми, которыхъ онѣ носятъ, словно маленькихъ обезьянъ, за спиной; обувь у

нихъ деревянная, т. е. подошва, сверху нѣтъ ничего, что бы прикрывало ногу кромѣ ремней, толщина такой подошвы достигаетъ иногда до $1\frac{1}{2}$ вершка, такъ что, идя, японка принуждена сгибаться впередъ — иначе они бы свалились съ ногъ.

Японки, какъ и вообще все населеніе острововъ этихъ, отличаются маленькимъ ростомъ, — всѣ онѣ брюнетки съ черными глазами, хотя попадаются и голубые, но это ужъ рѣдкость. Признакомъ принадлежности къ высшему обществу считается имѣть зубы выкрашенные въ черный цвѣтъ; мода эта соблюдается и теперь, но только однѣми женщинами, одежда дамъ, принадлежащихъ высшему обществу, равно и прическа ничѣмъ не отличаются отъ таковой бѣднаго сословія. Мнѣ пришлось зайти въ японскій магазинъ столярныхъ издѣлій; этотъ магазинъ, какъ и вообще всѣ японскіе, имѣетъ лишь три стѣны, четвертая наружная вставляется лишь на ночь. Мое вниманіе обратило нѣсколько изящно отдѣланныхъ столиковъ, между ними были и дамскіе рабочіе; всѣ они отличались тщательной отдѣлкой, доходящей почти до художественности. Въ особенности поражалъ лакъ, чистота блеска его равнялась съ гладкостью зеркальнаго хорошаго стекла; на нихъ изображены всевозможныя японскія птицы, въ особенности ибисы, всѣ эти рисунки инкрустированы перламутромъ и очень эффектны. Къ несчастію

цѣны довольно высоки: за маленькій трехножнѣй столикъ запросили съ меня 4 рубля—цѣна довольно высокая. Впослѣдствіи оказалось, что цѣны съ запросомъ; сейчасъ же при магазинѣ и жилое помѣщеніе; все оно отличается простотой и ничтожнымъ количествомъ мебели,—два три тонкихъ, японской работы, стула, одинъ столъ и вдоль стѣны лавки—вотъ вся мебель японской квартиры. Много однихъ лишь цвѣтовъ; стекла въ домахъ замѣняются бумагой особеннаго приготовления, почти прозрачной, полы покрыты красивыми циновками, при каждой квартирѣ есть маленькая комната-молельня. Между японскими женщинами развито сильно пристрастіе къ куренію, курятъ онѣ не папирсы, а трубки, маленькія съ длиннымъ, тонкимъ мундштукомъ, очень изящныя. Зашелъ я въ магазинъ стеклянныхъ издѣлій,—попадаютъ красивыя вещицы, но цѣны на нихъ очень высоки, съ меня запросили 5 іенъ за разкрашенный бокаль, — цѣна невѣроятная и я, понятно, отказался; я замѣтилъ, что такія же вещи китайскаго издѣлія, ни чѣмъ имъ не уступающія по изяществу, гораздо дешевле.

Смотрѣлъ японскія картины масляной работы; всѣ онѣ сильно бросаются въ глаза своею пестротой, на нѣкоторыхъ изъ нихъ написаны просто несообразности, что доказываетъ отсутствіе пониманія о всякой перспективѣ; на картинѣ изображенъ японецъ,

стоящій на порогѣ своего дома и если на него взглянуть со стороны, то онъ выше самага дома. Вообще живопись японская скорѣй символическая, чѣмъ реальная; довольно хорошо удаются имъ птицы, въ особенности ибисы.

Въ городѣ есть нѣсколько фотографій, на столѣ которыхъ и стѣнахъ—масса всевозможныхъ карточекъ, снятыхъ съ туземцевъ и моряковъ. Попалась мнѣ цѣлая серія фотографическихъ снимковъ послѣдней китайской войны, но она настолько дорога, что можетъ лишь быть приобрѣтена богатымъ человѣкомъ.

Зашелъ я въ «Чайный домъ»: въ тѣни деревьевъ разставлены столики, гдѣ можно достать все, что угодно. Онъ расположенъ на холмѣ и дорога къ нему идетъ ступенями, вродѣ нашихъ лѣстницъ, по сторонамъ молельни виднѣются флаги. Я видѣлъ, какъ сюда пришли нѣсколько японокъ и, скинувъ свои сандалии, опустившись на колѣни, стали молиться. Войдя въ храмъ я увидѣлъ на стѣнѣ нѣсколько картинъ, изображающихъ не то людей, не то какихъ то звѣрей; всѣ стѣны исписаны японскими изреченіями, между которыми интересны въ переводѣ такія наприм.: «Не смотри другому въ ротъ, а смотри себѣ на руки» и т. п. Но главное, что мнѣ понравилось, это—разстилавшійся у подножія холма видъ на всю почти окрестность. Благодаря трехдневной

остановкѣ я успѣлъ осмотрѣть весь городъ и долженъ признаться, что никогда и нигдѣ ни одинъ городъ не произвелъ на меня такого пріятнаго впечатленія; я выѣхалъ изъ него съ новымъ запасомъ силъ.

Черезъ сутки мы были въ Желтомъ морѣ; справа отъ насъ осталась Корея, съ лѣвой начиналась территорія Срединной Имперіи. Желтое море представляетъ изъ себя громадную бухту, вдающуюся межъ выступающими двумя полуостровами. Несмотря на свою замкнутость оно неспокойно и часто сильные штормы не даютъ возможности войти въ него судну. Съ нами, къ счастью ничего подобнаго не случилось и мы благополучно продолжали свое путешествіе; штормъ захватилъ насъ уже въ самомъ морѣ и не представлялъ изъ себя особенной опасности, хотя всѣхъ порядкомъ помочилъ, а болѣе трусливыхъ и напугалъ. На всемъ пути по Желтому морю мы не встрѣтили ни одного островка; говорятъ, что море это страшной глубины. На третій день пути предъ нами сталъ обрисовываться синей туманной полосой Портъ-Артурскій полуостровъ. Черезъ 9 часовъ берегъ сталъ видѣнъ, какъ на ладони,—къ нему осталось не болѣе 10 морскихъ миль. Портъ-Артуръ расположенъ на остромъ, выдающемся сильно въ море полуостровѣ и представляетъ изъ себя какъ портъ, незамѣнимый ничѣмъ рейдъ. Его

смѣло можно назвать вторымъ Гибралтаромъ. Онъ является господствующей точкой между двумя заливами и ключемъ Желтаго моря.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза это— массивныя громадныя орудія, смотрящія своими убійственными пастями на всякое, вновь прибывающее судно; около одного изъ орудій тихимъ ровнымъ шагомъ расхаживалъ солдатикъ. Въ моей душѣ что-то дрогнуло— воспоминаніе о далекой родинѣ, при видѣ этого солдатика или что другое, но я попочувствовалъ, что я въ Россіи,—до сихъ поръ кругомъ были чужіе, здѣсь же свои. «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ» —мелькнули стихи въ моемъ умѣ и рука сама машинально протянулась снять шапку, чтобъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Насъ давно ужъ увидали и на пристани стояло много лицъ, судя по одеждѣ, русскихъ. Большая часть изъ нихъ были военные. Судно тихо граціозно, словно ловкій танцоръ на зеркальномъ паркетѣ, приближалось къ пристани. Осталось не болѣе версты; на палубѣ были выстроены въ одну шеренгу съ офицеромъ во главѣ, слѣдовавшіе изъ Владивостока въ Портъ-Артуръ новобранцы. Раздался рѣзкій свистокъ командира, грянулъ пушечный выстрѣлъ и якорь, громыхая тысяче-пудовой цѣпью, ринулся на дно Желтаго моря. Но не успѣлъ выстрѣлъ откликнуться эхомъ въ пустынныхъ горахъ, какъ

съ пристани, въ отвѣтъ братскому привѣтствію раздался залпъ и русское, иногда грозное, но теперь привѣтственное «ура» потрясло воздухъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли въ шлюпкѣ и направились къ берегу; въ сердцѣ чувствовалась какая то тихая радость, словно я ожидалъ встрѣтить давно невиданныхъ родныхъ. Если бы меня спросили, что сильнѣй произвело на меня впечатлѣніе,—Нагасаки съ своей вѣчной весной или русскій Портъ-Артуръ, то я, не задумываясь ни на минуту, отвѣтилъ-бы—Портъ-Артуръ.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ окруженъ офицерами, которые на перерывъ разспрашивали, что и какъ въ Россіи. Я не успѣвалъ отвѣчать на всѣ отдѣльные вопросы и, какъ говорятъ, закружился. Офицеры это замѣтили и пригласили меня въ свой клубъ, на что я съ радостью согласился, предвкушая заранѣе отдыхъ.

Портъ-Артуръ представляетъ изъ себя скорѣе крѣпость, чѣмъ городъ—вездѣ, куда ни бросишь взглядъ, бастіоны, башни, валы, бойницы. Глядя на его обстановку со стороны военнаго искусства, твердо вѣришь, что съ доблестнымъ гарнизономъ и храбрымъ, образованнымъ комендантомъ крѣпость эта—неприступна ни съ моря, ни съ суши.

Войдя въ клубъ, я былъ просто пораженъ его изысканной обстановкой; въ немъ было уже много народу—наравнѣ съ офицерами

имъ пользовались и дамы; нѣкоторыя изъ нихъ проводили большую половину дня въ немъ и только уходили домой спать. Завѣдующій клубомъ указалъ мнѣ комнату и попросилъ считать себя въ ней, какъ дома; я сильно обрадовался этому предложенію, такъ какъ имѣлъ возможность отдохнуть, въ чемъ крайне нуждался. Что тамъ ни говорятъ объ удобствахъ на пароходахъ, но я ни разу не выспался и вообще не отдохнулъ какъ слѣдуетъ на морѣ, — все казалось, что чего то не доставало. И это не только со мною, но и но всѣми — я не слыхалъ ни отъ одного изъ пассажировъ, чтобы онъ себя чувствовалъ хорошо, какъ у себя дома, будь это на пароходѣ, желѣзной дорогѣ при самыхъ лучшихъ условіяхъ — все чего то нѣтъ.

Портъ-Артурское военное собраніе занимаетъ одинъ изъ лучшихъ домовъ города; состоитъ оно изъ 16 комнатъ, есть билліардная, бальная и просто комнаты для бесѣдъ; наверху помѣщаются три комнатки на случай пріѣзда кого-нибудь изъ знакомыхъ. Таковую-то комнату мнѣ и отвели; распаковывая вещи я съ затаенной радостью поглядывалъ на чисто убранную кровать, — непреодолимая сила тянула къ ней и я, не успѣвъ разобратъ, завалился спать. Проспалъ я почти цѣлыя сутки, но за то почувствовалъ себя какъ бы вновь народившемся на свѣтъ, — усталости какъ ни бывало.

Собственно говоря, Портъ-Артуръ самъ по

себѣ не великъ — его сильно раздвигаютъ и увеличиваютъ предмѣстья; это городъ чисто военный, онъ сильно напоминаетъ Ново-Георгиевскъ и Бобруйскъ, хотя попадаются и штатскіе; много корейцевъ, японцевъ, китайцевъ — послѣдніе всѣ почти торговцы, японцы же парикмахеры, прачки и мастеровые; корейцы исключительно чернорабочіе и это не только здѣсь, — сколько я не видалъ ихъ во Владивостокѣ, Нагасаки и другихъ приморскихъ мѣстахъ, — они вѣрны себѣ. Я приписываю это ихъ полной безхитрости, — по моему это народъ самый простой и не взыскательный изъ всѣхъ азіатскихъ племенъ.

Въ крѣпости живетъ нѣсколько англичанъ: консулъ, представители фирмъ и корреспонденты.

Портъ-Артуръ является главной резиденціей намѣстника Квантуанской области вице-адмирала Алексѣева. Въ числѣ русскихъ крѣпостей Портъ-Артуръ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто, какъ крупная боевая единица. Въ силѣ и устойчивости ея не можетъ быть и сомнѣній; но не нужно забывать, что Портъ-Артуръ находится на окраинѣ русскихъ владѣній и въ критическую минуту ему придется лишь своею грудью встрѣтить врага, а также онъ долженъ принимать подъ свою защиту военныя судна, потерпѣвшія аварію и требующія исправленія — все это вмѣстѣ взятое требуетъ отъ него полной готовно-

сти во всякую минуту оправдать возлагаемая на него задачи. Въ Портъ-Артурѣ есть хорошій докъ, но достаточенъ ли онъ одинъ для будущихъ операций? Во время моего пребыванія тамъ, я слышалъ предположеніе о скоромъ сооруженіи другого. Дай Богъ, чтобъ слухъ этотъ оказался фактомъ. Нѣтъ сомнѣній, что Портъ является бѣльмомъ въ глазу, не только японцевъ и китайцевъ, но и у давнишнихъ нашихъ доброжелателей—просвѣщенныхъ мореплавателей.

Я осмотрѣлъ весь городъ и въ общемъ получилъ прекрасное впечатлѣніе,—есть все, что нужно городу и все то, что необходимо крѣпости. Меня крайне удивляла та свобода, которой пользуются англичане и японцы при осмотрѣ крѣпости. Словно русскій сказочный богатырь стоитъ онъ и словно шепчетъ любопытнымъ: «смотрите и замѣчайте и чѣмъ больше у васъ явится данныхъ и желаній взять его, тѣмъ болѣе васъ похоронятъ у стѣнъ моихъ». Гуляя по главной улицѣ, я то и дѣло оглядывался на проходящихъ мимо экстра-вагантныхъ дамъ въ невозможныхъ шляпкахъ и ярко-пестрыхъ, до боли глазъ, платьяхъ. Многія изъ нихъ пріѣхали поискать счастья изъ-за атлантики: есть и дочери туманнаго Албіона, но больше всего евреекъ. Обладая утонченнымъ слухомъ всѣ онѣ вѣроятно слышали звонъ Портъ-Артурскаго золота и слетѣлись къ нему изъ Бердичева, Одессы, Варшавы и Парижа. Вообще

я не видалъ столь алчныхъ на золото женщинъ, какъ здѣсь,—самый скромный ужинъ съ одной изъ такихъ Мессалинъ, поглощаетъ все мѣсячное жалованіе молодого поручика и начинающаго сѣдѣть капитана. И все-таки наша молодежь не обращаетъ на это никакого вниманія, стремится къ нимъ и, словно мотылекъ на свѣчѣ, обжигаетъ свои молодья крылья и часто замертво падаетъ у ногъ, прельстившаго ихъ соблазна. Въ этомъ отношеніи, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, я даю предпочтеніе японкамъ. Продавая себя, т.-е. тѣло въ силу установившагося, онѣ никогда не продаютъ своей совѣсти и сколько мнѣ приходилось наблюдать, замѣтя въ комъ къ себѣ влеченіе онѣ за безчестіе считаютъ обирать того. Я видѣлъ много европейцевъ, живущихъ съ японками и ими они безусловно довольны. Японка не проситъ купить ей шляпы или платья или что другое,—все что касается до ея туалета она приготовляетъ своими руками. Наши же домо-рошенныя Клеопатры чувствуютъ особую дикую радость, если имъ удастся кого разорить. И это вездѣ, начиная съ Москвы отъ Омона и Яра и кончая Портъ-Артуромъ, подъ красивой, въ сущности, или поддѣльно-красивой оболочкой онѣ таятъ хищные порывы современныхъ аргонавтокъ.

Но довольно объ нихъ, зло зломъ и останется, и мы не въ силахъ измѣнить русла теченія общественной жизни. Во время пре-

быванія моего въ Портъ-Артурѣ случился одинъ инцидентъ на одномъ коммерческомъ англійскомъ пароходѣ, при осмотрѣ его найдено было въ нижнемъ трюмѣ оружіе: какъ-то ружья, револьверы и кинжалы, предназначавшіеся для китайскихъ мятежниковъ. Пароходъ понятно арестовали и поставили на якорь. И вдругъ ночью Портъ-Артуръ былъ разбуженъ залпомъ орудій. Поднялся страшный переполохъ, думали наступать непріятель. Всякій вооружился чѣмъ попало. Тревога же объяснилась тѣмъ, что пароходъ съ конфискованнымъ грузомъ рѣшилъ, пользуясь темнотой удрать въ море, но во-время былъ замѣченъ часовыми и возвращенъ назадъ. Тогда комендантъ принялъ болѣе строгія мѣры, а именно заарестовалъ пароходный дневникъ и всѣ паспорта,—этого было достаточно,—безъ этихъ документовъ ни одно судно, понятно, кромѣ пиратскаго, не рѣшится отправиться въ путь. Этотъ случай ясно доказываетъ безцеремонность владѣльцевъ судна, а нашу слишкомъ ужъ утрированную щепетильность во всѣхъ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ съ иностранцами. Что скажутъ просвѣщенные европейцы? Этотъ вопросъ виситъ Дамокловымъ мечемъ надъ головой всякаго, уполномоченнаго властью россиянина.

Отъ Портъ-Артура мнѣ приходилось ѣхать уже по желѣзной дорогѣ черезъ Мукденъ, Харбинъ, Цицикаръ и Хайларъ.

Я былъ пріятно пораженъ комфортабель-

ностью и красотой вагоновъ, — такіе вагоны я видѣлъ въ Россіи лишь въ царскихъ поѣздахъ; они гораздо длиннѣе нашихъ и несравненно красивѣе ихъ — всѣ безъ исключенія окна чуть не до пола и всѣ зеркальнаго стекла. Стоимость же поѣзда во второмъ классѣ, равняется нашему третьему. Въ особенности бросается въ глаза вѣжливое обращеніе какъ кондукторской бригады, такъ и станціоннаго начальства. Станціонные буфеты содержатся въ примѣрной чистотѣ и отличаются разнообразіемъ закусокъ и кушаній. Немного странно кажется европейцу оригинальная китайская одежда желѣзнодорожно—служащихъ; двѣ трети ихъ китайцы.

Вся мѣстность между Портъ-Артуромъ и Мукденомъ представляетъ изъ себя прекрасно обработанныя, въ землѣдѣльческомъ отношеніи, поля. Лѣвая сторона желѣзнодорожнаго пути покрыта мѣстами лѣсомъ, между которыми, то тутъ, то тамъ попадаются обработанныя поля, большей частью подъ рисъ. На этихъ поляхъ еще до сихъ поръ попадаются кости убитыхъ въ послѣднюю войну китайцевъ; никому не приходится въ голову похоронить ихъ, сами китайцы проходятъ мимо ихъ совершенно равнодушно, словно такъ и надо. Въ послѣдствіи я только узналъ, что къ погребенію труповъ китайцы относятся болѣе чѣмъ странно. Мнѣ лично приходилось бывать на китайскомъ кладбищѣ, гдѣ меня крайне по-

ражали почти открытые трупы, едва присыпанные землею: трупъ вообще китайцы закапываютъ не болѣе, какъ на четверть въ землю. Иногда случается видѣть въ большихъ китайскихъ городахъ, какъ по ихъ улицѣ свиньи таскаютъ изъ разрытыхъ могилъ на кладбищѣ куски человѣческаго мяса. Мнѣ пришлось обратить на такое явленіе вниманіе одного вліятельнаго въ городѣ китайца. Тотъ, къ моему удивленію, не нашелъ въ этомъ ничего изъ ряда вонъ выходящаго,—по его подлиннымъ словамъ оказалось, что лучше трупу быть съѣденнымъ свиньями и этимъ хоть быть имъ полезнымъ, чѣмъ гнить безъ всякой пользы.—«Какова жизнь, такова и смерть»,—добавилъ китаецъ,—«всякій человѣкъ при жизни долженъ стараться принести кому либо пользу и если этого онъ не могъ достигнуть при жизни, то хоть послѣ смерти долженъ онъ исправить свою ошибку. Обратите вниманіе»—замѣтилъ онъ мнѣ,—«что всѣ, поѣдаемые свиньями трупы были при жизни лѣнивыми и бесполезными существами»... Къ несчастью я не могъ согласиться съ выводами китайца—философа, и при всякой такой картинѣ чувствовалъ крайнее отвращеніе и тошноту.

Подъ самымъ Мукденомъ находится китайскій буддійскій монастырь, въ немъ находится около 500 ламъ; въ извѣстные дни года сюда стекается множество богомоль-

цевъ. Пользуясь остановкой поѣзда, я поспѣшилъ воспользоваться имъ для осмотра монастыря. Монастырь представляетъ изъ себя не одно большее, какъ обыкновенно, зданіе, а цѣлый рядъ маленькихъ домиковъ, соединенныхъ между собою коридорами. Я жалѣлъ только о томъ, что времени было мало—его казалось тѣмъ менѣе, чѣмъ больше было матеріала для изученія. Какихъ не встрѣчалось здѣсь типовъ и костюмовъ! Сколько проходило предъ глазами различныхъ оригинальныхъ сценъ! Многіе изъ ламъ были въ однѣхъ юбкахъ, стянутыхъ на туловищѣ поясомъ, за который былъ воткнутъ столовый китайскій приборъ, заключающійся изъ ножа, ложки и палочекъ. По моему это скорѣй носится для украшенія, чѣмъ для употребленія, такъ какъ они всѣ предпочитаютъ собственную пятерню, которую запускаютъ во всякія кушанія, а потомъ облизываютъ ее и вытираютъ объ голову или объ халатъ,—а вмѣсто ложки находятъ болѣе удобнымъ чашку, вѣроятно какъ скорѣе достигающую цѣли. Появился лама задрапированный плащомъ, причемъ одна рука и плечо оставлены голыми. Это оказался въ послѣдствіе старшій изъ ламъ. Другіе же ходятъ въ обыкновенныхъ халатахъ или же просто прикрытые кускомъ какой либо ткани. Головы у большинства ничѣмъ не прикрыты и, по большей части, обриту, нѣкоторые носятъ шапочки на самой ма-

кушкѣ головы въ родѣ казанскихъ ермолокъ, иные въ шляпахъ съ шариками наверху и лентами назадъ, другіе повязаны, какъ бабы, платками. Мужчины бритые или съ усами; у немногихъ—жиденькая бородка, но и она—рѣдкое явленіе. Въ толпѣ также много женщинъ съ ихъ оригинальными прическами, на подобіе щита, для достиженія чего волосы промазываются столярнымъ клеемъ. Они раздѣляются на затылкѣ на двѣ пряди, расчесываются въ видѣ широкихъ лентъ и, благодаря клею, остаются, какъ деревянные въ данномъ положеніи. На эти ленты изъ волосъ надѣваются разныя украшенія—серебряныя съ кораллами и бирюзой или мѣдныя съ цвѣтными стеклышками, смотря по состоянію. Костюмъ женщинъ, безобразно уродливый, представляетъ изъ себя родъ длинной, узкой рубашки съ узкими, длиннѣйшими рукавами, подобренными на плечахъ буффами; рукава обыкновенно подбиты ватой и простеганы частыми рубчиками. Дѣвушки ходятъ по монастырю вездѣ сами, свободно, хотя и считаютъ долгомъ казаться застѣнчивыми; за то дѣти, словно волчата—къ нимъ нельзя ни за что притронуться: иначе они подымутъ такой визгъ, что хоть бѣги. Они въ малѣйшемъ моемъ движеніи самаго невиннаго характера сейчасъ видятъ намѣреніе преслѣдовать ихъ и спасаются отъ опасности бѣгствомъ, но, отбѣжавъ на нѣкоторое разстояніе, улыбаются,

показывая два ряда прекрасныхъ, блестящихъ зубовъ. Встрѣчаются впрочемъ дѣти вовсе не робкія. Посреди толпы людей я замѣтилъ много лошадей, которыя ничуть не стѣсняются присутствіемъ людей и гуляютъ, гдѣ пожелаютъ. Все говоритъ, кричитъ, хохочетъ, потѣшается и лишь, весьма немногіе стоятъ задумчиво и спокойно, увлекшись созерцаніемъ какой нибудь диковины. Лицъ, принадлежащихъ къ духовенству можно было сразу отличить отъ прочихъ такъ по ихъ одеждамъ, такъ и по ихъ жизнерадостности: имъ гораздо легче и вольготнѣй живется, чѣмъ прочему населенію. Однако я не замѣтилъ въ нихъ степенности—они дурачились наравнѣ съ прочими, если еще не болѣе. Одинъ лама шутливо толкнулъ другого, но такъ сильно, что тотъ шлепнулся во всю длину въ лужу. Тотъ въ свою очередь, поднявшись и набравъ полную горсть грязи, влѣпилъ ее своему сопернику прямо въ лицо, засоривъ тому глаза, но все это было сдѣлано безъ всякой злобы, просто любя, въ родѣ милой шутки.

Наглядѣвшись на толпу, я отправился взглянуть на монастырь. Онъ обнесенъ высокою кирпичной стѣной съ украшеніями, идущими по верхнему краю и выдѣланными изъ того же кирпича. Внутренность его представляла колоннаду, въ глубинѣ которой помѣщается бронзовая статуя Будды. Между колоннами стояли въ два ряда низенькія

скамейки, на которыхъ сидѣли ламы и совершали богослуженіе: они всѣ до одного громко и монотонно читали по своимъ тетрадкамъ молитвы, по временамъ сопровождая это чтеніе барабаннымъ боемъ и звуками мѣдныхъ тарелокъ. Двое изъ нихъ, кромѣ того, трубили въ извѣстные моменты въ трубы, длиною около 7—8 аршинъ и болѣе; они производили сначала одинъ протяжный, ровный звукъ, потомъ вводили въ него не частые переливы и колебанія. Въ двухъ другихъ храмахъ меньшаго размѣра, находившихся по бокамъ, происходило то же самое. Вообще богослуженіе въ буддійскихъ храмахъ почти никогда не прекращается. Но что это за богослуженіе! Я всякій разъ выносилъ самое тяжелое впечатлѣніе, когда бывалъ въ храмахъ во время службы. Ни въ одномъ изъ ламъ, участвовавшихъ въ богослуженіи, я не замѣтилъ проявленія не только какого-нибудь чувства, но даже и внѣшняго благоговѣнія. Храмъ похожъ скорѣй на фабрику, чѣмъ на мѣсто молитвъ и на фабрикѣ этой обязанность нерадивыхъ и въ высшей степени лѣнивыхъ рабочихъ состояла въ томъ, чтобы отбубнить положенные молитвы, ударить извѣстное число разъ въ барабанъ и въ тарелки и погудѣть въ трубы. Окончивъ опротивѣвшую работу, этотъ фабрично - набожный людъ безпорядочной шумной толпой летѣлъ вонъ изъ храма въ кухню, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ

даровой обѣдъ, или же бѣжалъ на улицу
глазѣть и шляться до тѣхъ поръ пока при-
зывный звукъ не соберетъ ихъ снова на
низенькія скамейки, для повторенія въ сто-
тысячно первый разъ все одного и того же.
Понятно, до какой степени должны опроти-
вѣть имъ и храмъ и стоящіе въ немъ идо-
лы и эти молитвы. Да, на мой взглядъ ламы—
одни изъ несчастнѣйшихъ дармоѣдовъ, не-
знающихъ наслажденій, доставляемыхъ про-
изводительнымъ трудомъ, а исполняющихъ
всю свою жизнь бесплодную работу, подобно
Данаидамъ, наполнявшимъ водою бездонныя
бочки.

*
* *

Станція Мукденъ (или Мукде, какъ назы-
ваютъ его китайцы) съ городомъ того же
названія представляетъ изъ себя чисто азі-
атскій, китайскій городъ, съ почти полумил-
ліоннымъ населеніемъ. Городъ построенъ по
плану Пекина и также разбитъ на кварталы,
по сословіямъ проживающихъ въ нихъ; въ
городѣ на каждомъ шагу можно встрѣтить
воспоминанія недавнаго пребыванія здѣсь
европейскихъ войскъ. Главная кумирня, на-
ходящаяся въ центрѣ такъ называемаго ки-
тайцами святого Хаема, въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ пробита ядрами, какъ и всѣ, болѣе
выдающіеся дома, которые при бомбарди-
ровкѣ представляли изъ себя выдающуюся
мишень. Европейцевъ въ немъ теперь го-

раздо больше, чѣмъ до войны, хотя китайцы по прежнему, если не хуже смотрятъ на нихъ. Я сужу по себѣ: гуляя по городу для осмотра, его я на каждомъ шагу встрѣчался съ китайцами, которые ни чуть не скрывали ко мнѣ, какъ къ европейцу, своей ненависти. Желая осмотрѣть кумирню, я обратился съ просьбой къ завѣдывающему ею ламѣ, но получилъ категорическій отказъ, оригинально редактированный, а именно: что они не ѣздятъ осматривать наши храмы и намъ бы тоже не слѣдовало подсматривать, что они дѣлаютъ и какъ молятся. Я всѣми силами старался объяснить, что, осматривая храмъ я не имѣю никакого злого умысла, но къ несчастію все было тщетно. Понятно я могъ получить это разрѣшеніе черезъ нашего консула, но не хотѣлъ прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ и благоразумно отказался отъ его осмотра. Городъ расположенъ на холмѣ, внизу котораго протекаетъ большая рѣка Ляо-хэ, которая вся сплошь покрыта характерными китайскими гондолами и баржами, — рѣка эта судоходна и до проведенія желѣзной дороги являлась единственнымъ путемъ подвоза необходимыхъ продуктовъ. Въ горячіе лѣтніе дни китайцы перебираются на такія баржи со всѣмъ своимъ семействомъ, гдѣ днюютъ и ночуютъ, пользуясь болѣе прохладнымъ воздухомъ. Пеструю и довольно красивую картину представляетъ изъ себя множество разноцвѣт-

ныхъ флаговъ: всякому китайцу разрѣшается на своей лодкѣ или баржѣ вывѣсить какой ему угодно флагъ. Этимъ разрѣшеніемъ, какъ видно, они широко пользуются, такъ какъ болѣе странныхъ флаговъ я во всемъ мірѣ не видалъ, даже въ самой Венеціи, гдѣ тоже горазды на нихъ.

Торговля въ городѣ совершается положительно вездѣ и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: продаютъ въ лавкахъ, на площадяхъ и на улицахъ; здѣсь торгуютъ, главнымъ образомъ мелкимъ товаромъ, на столикахъ напр.: различными фруктами и нарѣзанными арбузами, и какимъ неприхотливымъ надо быть, чтобъ ѣсть эти арбузы, остающіеся открытыми цѣлый день на такомъ пыльномъ воздухѣ. Зашелъ я въ китайскую кухню, устроенную въ видѣ плиты съ тремя котлами, — въ одномъ варилась лапша, въ другомъ свиное мясо съ какою то зеленой приправой, въ третьемъ варился рисъ; кромѣ этихъ кушаній на столѣ лежали, приготовленные къ продажѣ, пирожки съ мясной начинкой, сильно пахнушіе чеснокомъ, который издали давалъ себя чувствовать. Я попробовалъ всѣ кушанья и долженъ признаться, что они, по моему личному, вкусу, рѣшительно не годятся къ употребленію. Заглянулъ я въ мастерскую, гдѣ рабочіе выбивали изъ длинной тонкой полосы мѣди всевоз-

“На Дальній Востокъ“.

можные рисунки. Мнѣ указали аптеку, самъ бы ее я никогда не нашелъ,—такъ мало отличается она отъ прочихъ лавокъ. Громадное количество банокъ, коробокъ и шкатулокъ было наполнено всевозможными лѣкарствами. Слыша и зная, что китайцы очень дорого платятъ за рога изюбра, изъ которыхъ они готовятъ какое то лѣкарство, я черезъ переводчика полюбопытствовалъ спросить его. Аптекарь, старый, какъ лунь, сѣдой китаецъ, взглянувъ на меня подозрительно, укоризненно покивалъ головой моему проводнику, какъ видно укоряя того въ чемъ то, и на повторенную уже мной самимъ просьбу сказалъ, что ничего подобнаго у него нѣтъ. Во все время разговора онъ не спускалъ глазъ съ моего проводника, опасаясь, что тотъ уличить его во лжи. Эта тайна приготовленія лекарства изъ рогъ изюбра не всѣмъ извѣстна, а тѣмъ кому извѣстна то охраняется ими какъ святыня. Когда я вышелъ изъ аптеки и хотѣлъ объ этомъ разспросить проводника, то на всѣ мои вопросы получилъ уклончивые отвѣты, видно проводникъ устыдился своей откровенности съ «бѣлымъ дьяволомъ». Чѣмъ дальше я шелъ въ глубь города, тѣмъ болѣе производилъ онъ на меня впечатлѣніе гостиннаго двора, пестраго, оживленнаго и притомъ грязнаго, пыльнаго и зараженнаго испареніями разныхъ нечистотъ, которыя, хотя

отчасти и убираются бѣдняками, продающими ихъ потомъ для удобренія земли, но не совершенно, и во многихъ мѣстахъ на улицахъ буквально дыханіе спираетъ въ груди отъ амміачныхъ и сѣроводородныхъ паровъ. Улицы въ Мукденѣ не особенно узки, но въ переулкахъ разѣздъ двухъ телѣгъ совершенно невозможенъ, потому что вся ширина ихъ равняется тѣлежной оси, и, вслѣдствіи этого, вѣзжающій съ одного конца обыкновенно кричитъ во весь переулокъ, чтобы другой кто либо не вѣхалъ съ противоположнаго конца; а если это случится, то одинъ изъ встрѣтившихся долженъ выпрягать лошадь, поворачивать телѣгу, поднявъ ее оглоблями къ верху, или вытаскивать обратно и завозить въ боковую улицу, чтобъ дать другому проѣхать. Улицы и переулки, хоть и вымощены камнями, но крайне неровными, такъ что лошади ужасно портятъ на нихъ свои копыта; среди улицы часто встрѣчаются выбоины, доказывающія, что ея никогда не поправляютъ. Тротуары представляютъ или землянныя возвышенія или груды набросанныхъ камней, по которымъ не ходятъ, а лазятъ, прыгаютъ или совсѣмъ обходятъ ихъ. Лавокъ болѣе всего, съ мелочнымъ товаромъ, какъ говорятъ, со всякой всячиной, чайныхъ же лавокъ совсѣмъ не замѣтно или я ихъ не замѣтилъ,—впрочемъ чай тутъ находится въ амбарахъ и

складахъ, такъ какъ торговля имъ производится оптомъ. Но если нигдѣ не видно чаю, то за то вездѣ такъ и лѣзетъ въ глаза лукъ и чеснокъ до которыхъ китайцы сильныя лакомки. Надъ лавками вдоль и поперекъ прибиты висячія вывѣски, большей частью изъ разноцвѣтныхъ досокъ съ надписями, а также въ видѣ разныхъ символическихъ значковъ, подвѣшенныхъ на короткихъ ленточкахъ, и эти то разноцвѣтныя вывѣски придаютъ картинѣ ту пріятную пестроту, безъ которой она была-бы сѣра и монотонна.

Между китайцами я много встрѣчалъ лицъ, даже по нашему европейскому взгляду, красивыхъ, но это — мужчины, — я не могу того же сказать относительно китайскихъ женщинъ; я видѣлъ много женщинъ, особенно когда проходилъ главной улицей; тутъ преимущественно ихъ царство: имѣя почти цѣлый день свободнымъ (я говорю о богатомъ классѣ) онѣ только тѣмъ и занимаются, что ходятъ или ѣздятъ другъ къ другу въ гости. Ни одного лица не видалъ я настолько пріятнымъ или миловиднымъ, чтобъ могъ вынести впечатлѣніе, что и между ними есть красивыя. Онѣ, повидимому, и сами, бѣдняжки, не особенно высокаго мнѣнія о своей красотѣ, потому что бѣлятся и румянятся безпощадно; брови даже не подрисовываютъ, а прямо рисуютъ черной краской. Губы красятъ въ густой коричневый цвѣтъ и, если

есть у нихъ, что хорошаго, такъ это черные глаза, которые блестятъ и точно свѣтятся, несмотря на свою черноту, но кривизна и узкость ихъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Особенно, что бросается въ глаза на улицѣ—такъ это множество собакъ и все худыя, болѣзненные, съ вылѣзшей шерстью,—онѣ крайне жалки:—видно, что вся жизнь ихъ проходитъ въ голоданіи. На мои вопросы есть ли въ городѣ богадѣльня и больница, я получилъ отвѣтъ, что таковыхъ нѣтъ и въ поминѣ, но если встрѣчается необходимость оказать кому медицинскую помощь, или въ случаѣ крайности приютить, то объ этомъ городъ заботится, опредѣляя такого въ небогатое семейство и платя ему за опеку такового.

Къ вечеру погода перемѣнилась къ худшему. На небѣ собрались темныя тучи и разразились грозой. Во время грозы я былъ уже на станціи и свѣрялся, когда я буду имѣть возможность слѣдовать дальше. Оказалось, что первый пассажирскій поѣздъ прибудетъ не раньше утра. Пришлось бесполезно просидѣть на станціи около 10 часовъ. Желая хоть воспользоваться ими въ пользу, я съ самага вечера залегъ спать. Мнѣ приснился странный сонъ: я видѣлъ, какъ надо мною склонился какой-то сѣдой, съ злымъ выраженіемъ лица, китаецъ и, глядя пристально мнѣ въ глаза, укоризненно

киваль мнѣ головой; взглядъ его былъ на столько остеръ, что я проснулся и открылъ глаза. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это—мой проводникъ, стоящій на порогѣ; я спросилъ, чего ему надо и онъ отвѣтилъ, что пришелъ спросить, буду ли я въ немъ завтра нуждаться. Я сказалъ, что нѣтъ и попросилъ его оставить меня въ покоѣ. Но долго послѣ этого я не могъ уснуть — въ склонившемся во снѣ надо мною китайца я узналъ аптекаря, у котораго днемъ просилъ лѣкарства: то же лицо, то же укоризненное покачиваніе головой. Только спустя часа два я заснулъ, но сонъ мой былъ ужъ не крѣпокъ, это была скорѣй дремота. На разсвѣтѣ я былъ ужъ въ поѣздѣ экспрессъ и черезъ нѣсколько минутъ несея далѣе въ глубь Китая. Мимо насъ, какъ въ калейдоскопѣ замелькали китайскіе города, Тѣ-линь, Кій-нганъ, Чанъ, Фынъ-хуа, Куан-чен-цзе. Съ обоихъ сторонъ желѣзнодорожнаго полотна разноцвѣтными квадратами мелькали тщательно обработанныя поля. Въ этихъ участкахъ земли ясно высказалась китайская терпѣливость — каждый аршинъ земли былъ обработанъ до совершенства, вездѣ прокопаны для стока воды и для орошенія канавы. И дѣйствительно, — несмотря на всю громадность территоріи Китайской имперіи, въ ней мало попадается удобныхъ для хлѣбопашества земель, и вотъ только, благо-

даря ея въздѣльванію, доведенному до совершенства, она въ состояніи кормиться плодами земель своихъ. При нашей обработкѣ и ширинѣ розмаха китайцы на половину бы вымерли съ голоду.

Мнѣ приходилось видѣть около Пекина на рѣкѣ Бай-хо плоты, которые крайне меня удивляли: представьте себѣ громадный плотъ, удерживаемый на якоряхъ, поверхность котораго на полъ-аршина покрыта землею—и вотъ на этой землѣ, за неимѣніемъ мѣста, сѣютъ огурцы и всевозможныя овощи.

Чѣмъ ближе мы приближались къ Харбину, тѣмъ менѣе встрѣчалось обработанныхъ полей—до сихъ поръ плодородная полоса переходила въ каменисто-солончаковую землю, дающую еще кое-какую траву, но абсолютно не годную подъ сады и хлѣбопашество. За Куан-чен-цзе, по лѣвую руку пути начинается знаменитая манджурская степь, тянущаяся на нѣсколько тысячъ верстъ. Хлѣбопашества здѣсь нѣтъ, а взамѣнь процвѣтаетъ скотоводство. Громадныя стада буйволовъ, коровъ и овецъ краснорѣчиво говорятъ о средствахъ къ жизни окрестнаго населенія.

Вотъ мы и въ Харбинѣ; городъ похожъ на большую, хорошо обстроенную деревню, кой-гдѣ попадаются дома и русской архитектуры, — построены они въ послѣднее время. Самое большое зданіе занято подъ уп-

равленіе Русско-Китайской желѣзной дороги, невдалекѣ его красуется домъ, нѣтъ скорѣе дворецъ г-на Юговича, главнаго начальника по постройкѣ этой дороги и одного изъ крупнѣйшихъ ея акціонеровъ. Городъ, несмотря на массу китайцевъ скорѣй похожъ на русскій, чѣмъ на китайскій — куда ни взглянешь, вездѣ военные. На каждомъ шагу попадаются по-европейски разодѣтыя дамы—это жены офицеровъ и родственницы. Будущность Харбина блестяща. Придетъ время и онъ будетъ главнымъ административнымъ и комерческимъ центромъ для всей Манджуріи, но пока до этого ему далеко, хотя онъ и растетъ не по днямъ, а по часамъ. На задахъ Харбина проживаютъ небогатые китайцы, занимающіеся садоводствомъ. Сѣютъ здѣсь большей частью особый злакъ (гаолянъ), а также просо, но больше всего огурцовъ, капусты, арбузовъ, луку и чесноку. Всѣ эти овощи вы можете купить здѣсь за полцѣны ихъ настоящей стоимости. За ними вамъ даже не приходится итти на базаръ, такъ какъ ихъ разносятъ въ корзинахъ на кромьслѣ манзы. Въ особенности дешево здѣсь фазаны и дикія утки: ихъ привозятъ на базаръ тысячами. Въ городъ часто приѣзжаютъ труппы артистовъ, тогда становится немного веселѣй, въ обыкновенное-же время тоска страшная. За то «монополь» торгуетъ на славу, пьютъ вино всѣ, начиная

отъ семи-лѣтнихъ Ваничекъ и посѣдѣвшихъ въ жизненныхъ невзгодахъ мужей и чуть ли не кончая милыми, неземными барышнями, которыя въ противное вино добавляютъ немного одеколону для запаху или для крѣпости—не знаю, но вполне согласенъ, что спиться въ Харбинѣ болѣе, чѣмъ легко. Я пробылъ въ Харбинѣ цѣлыя сутки и все время былъ какъ въ туманѣ: при каждой встрѣчѣ, при каждомъ новомъ знакомствѣ появлялась рюмочка, за ней другая, третья—до той поры, пока количество выпитыхъ не переходило границы самосознанія. Зашелъ я въ мѣстный клубъ—игра въ немъ боевая, т. е. хочу сказать на животъ и смерть; цѣлыя состоянія таютъ въ нѣсколько часовъ,—я думаю и въ московскомъ Англійскомъ клубѣ не всегда играютъ такъ крупно. Коммерческія игры еще туда сюда,—проиграть въ нихъ особенно нельзя, играютъ въ винтъ иногда по копейкѣ очко, иногда по полторы.

Проигрываютъ все, что есть, что предвидится и... то, чего нельзя проиграть. Такой проигрышъ равносителенъ ставкѣ жизни на карту. Въ иныхъ отношеніяхъ—городъ, какъ городъ, если таковымъ можно его назвать. Но довольно объ немъ, мало въ немъ занимательнаго и Богъ съ нимъ—завернемъ въ него тогда, когда житья въ немъ будетъ лучше.

Опять замелькали въ окнахъ поля, но рѣдко гдѣ встрѣчаются обработанныя — большей частью лежатъ они мертвыми, сжигаемая отвѣсными лучами огненнаго солнца. Въ сторонѣ отъ Харбина, около 100 верстъ находится еще одинъ, но ужъ чисто китайскій городъ Хулан-ченъ. Говорятъ, онъ гораздо больше и красивѣе Харбина, но я сомнѣваюсь, — если онъ ужъ чисто китайскій, то представляю его себѣ въ умѣ — навѣрное хорошъ! Каковъ бы ни былъ китайскій городъ большой, онъ во всемъ уступаетъ гораздо меньшему, но хотя отчасти прикоснувшись къ культурой.

По дорогѣ стали часто попадаться китайскія деревни. Нѣсколько словъ объ этихъ деревняхъ: строятся онѣ разное — или въ длину выстраиваются съ обѣихъ сторонъ нѣсколько десятковъ домовъ, или же безъ всякаго порядка, какъ попало и гдѣ попало. Форма домовъ тоже странная — у насъ въ Малороссіи строятъ такъ амбары. Главная странность ихъ въ томъ, что будучи всѣ одно-этажными, они имѣютъ приподнятый полъ почти до половины избы, вслѣдствіе чего входная дверь находится на разстояніи двухъ и больше аршинъ отъ земли; для входа пристраиваютъ лѣсенку; окна большія, но безъ стеколъ, ихъ замѣняетъ особаго рода бумага; внутренность такого дома до омерзѣнія грязна, половину избы занимаетъ во з

вышеніе, похожее на наши нары, но гораздо ниже ихъ; на немъ вповалку спятъ китайцы, — матрасовъ и подушекъ у нихъ и въ поминѣ нѣтъ, — первое замѣняетъ у нихъ циновка, сплетенная изъ тонкихъ вѣтокъ или хвороста, второе — просто деревянный чурбанъ съ сдѣланной выемкой для шеи; прикрываются они верхнимъ платьемъ.

Не имѣя хорошихъ печей, а что-то въ родѣ камина, они въ холодную зиму чуть не замерзаютъ и по цѣлымъ ночамъ просиживаютъ на корточкахъ, около разложеннаго среди пола огня. До проведенія желѣзной дороги всѣ эти бѣдняки единственно существовали переноской товаровъ, такъ какъ всѣ селенія, попадавшіяся намъ на пути, лежали на трактѣ слѣдованія обозовъ. Можно себѣ представить то бѣдственное положеніе, въ какомъ они очутились послѣ проведенія желѣзной дороги! Хлѣбопашествомъ заняться нельзя, такъ какъ земля плоха, просить милостыню не у кого—всѣ нищіе. Одно—итти въ хунгузы, а ихъ не мало—сотни тысячъ, если не больше; подымись они всѣ за одно, то на врядъ бы китайское правительство сумѣло бы справиться съ ними, тѣмъ болѣе, что такихъ бѣдняковъ много и внутри имперіи. Съ Харбина съ нами сѣлъ китайскій чиновникъ, ѣхавшій въ Хайларъ; это былъ очень начитанный и

образованный человекъ, прекрасно владѣющій англійскимъ и нѣмецкимъ языками; по-русски онъ объяснялся съ грѣхомъ пополамъ. Впослѣдствіи онъ объяснилъ мнѣ, что они не учились по-русски, какъ и всѣ прочіе образованные китайцы по той причинѣ, что не думали никогда имѣть съ русскими такихъ близкихъ сношеній.

— А съ англичанами или нѣмцами вы думали имѣть?—спросилъ я.

— Да, конечно, — простодушно отвѣтилъ онъ мнѣ. — Вы знаете, что русскихъ прежде у насъ очень мало было, а въ иномъ городѣ и вовсе не было, а англичане и нѣмцы вездѣ были и есть.

— Извините за нескромный вопросъ, — обратился я къ нему, — къ кому вы чувствуете больше симпатій: къ намъ русскимъ или къ англичанамъ, къ нѣмцамъ и вообще къ прочимъ европейцамъ?

Китаецъ немного задумался; на его блѣдномъ высокомъ челѣ появилась глубокая складка, чуть замѣтная улыбка молніей скользнула по блѣднымъ тонкимъ губамъ и медленно, словно боясь проговориться онъ отвѣтилъ.

— Сказать вамъ опредѣленно затрудняюсь, — любовь и симпатіи къ кому бы то ни было, это — плата за извѣстные услуги, совѣты, наконецъ помощь, но къ крайнему моему сожалѣнію ни одна изъ вышеприве-

денныхъ державъ ничего подобнаго не оказала моей бѣдной, полуразоренной родинѣ, за что же любить?

Я сразу смѣшался; сердечной правдивостью дышало каждое его слово, но, взявъ себя въ руки я поспѣшилъ слѣдующимъ вопросомъ скрыть свое чувство.

— Но послушайте, все-таки разница же есть между нами? — говорите откровенно, чѣмъ правдивѣе будетъ вашъ отвѣтъ, тѣмъ благодарнѣе буду я вамъ.

Чиновникъ въ это время закуривалъ папиросу и сквозь дымъ первой затяжки откровенно бросилъ мнѣ:

— Конечно русскіе, — они давно наши сосѣди и, если мы сталкивались въ пограничныхъ вопросахъ, то это не суть важно, главное мы видимъ въ васъ болѣе чисто-сердечныхъ, болѣе религіозныхъ людей, чѣмъ прочіе, а тамъ, гдѣ уважаютъ и вполнѣ подчиняются такой любвеобильной религіи, какъ ваша, тамъ не можетъ быть подлости, кровожаднаго желанія истребленія себѣ подобныхъ существъ; англичане тоже христіане, я это знаю, но погоня за наживой, какимъ бы то ни было путемъ отодвинуло религію на задній планъ; у англичанъ все, что не англійское, ничего не стоитъ, весь свѣтъ они видятъ лишь въ себѣ и въ своемъ золотѣ. Вы провели по нашей землѣ желѣзную дорогу и стали почти хозяевами страны,

но вы провели ее съ нашего согласія, — выгодно для насъ или нѣтъ, это второстепенный вопросъ, — но все-таки по обоюдному согласію, а англичане? дали ли мы имъ право отравлять милліоны китайцевъ опиумомъ, — нѣтъ, сто тысячъ разъ нѣтъ! а все-таки они имъ торгуютъ, каждый годъ отправляя десятки тысячъ несчастныхъ въ безвременную могилу... Неужели за это ихъ любить, или напимѣръ, за то, что подъ видомъ китайскаго предпріятія, ссудя деньгами какого-нибудь изъ нашихъ ренегатовъ выжимаютъ послѣдніе соки изъ края?!

Мѣткость выраженій, энтузіазмъ съ какимъ онъ говорилъ о страданіяхъ своей родины, тронулъ меня, — я захотѣлъ его утѣшить!

— Но вѣдь это зло не вѣчно, народъ пойметъ же наконецъ, что опиумъ для него ядъ, а разъ пойметъ, такъ и бросить!

Въ томъ-то и несчастіе, что онъ давно ужъ понялъ, и не бросаетъ, а напротивъ, болѣе привыкаетъ и не только низшія сословія; — это зло давно проникло и въ высшіе круги; я не знаю, кажется, ни одного высокопоставленнаго чиновника, чтобъ онъ не курилъ его; самъ великій Ли-хун-чангъ былъ усерднѣйшимъ его потребителемъ; онъ старался даже измѣнить законъ, запрещающій ввозъ этого мертвоноснаго яда, онъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ, либераль-

нѣйшихъ китайцевъ, что же мы смѣемъ требовать отъ низшихъ массъ?.. Жизнь нашего рабочаго не ускользнула должно быть отъ вашихъ наблюдений, — это самая тяжелая жизнь человѣка на всемъ земномъ шарѣ: представьте себѣ—извѣстный нашъ милліонеръ Ти-фун-тай платитъ своимъ поденщикамъ 5 коп., — я ужъ перевожу на ваши деньги—это за цѣлый день труда, я забылъ прибавить, что онъ ихъ еще кормитъ, если такъ можно назвать выдачу на рабочаго двухъ горстей рису, — хотя вари, хотя сырымъ ѣшь,—и это считается еще значительной платой, что же другіе платятъ? чѣмъ живутъ семьи этихъ несчастныхъ, на которыхъ они, быть можетъ, только и надѣются? А послѣдняя война? она принесла намъ моръ, неурожай, голодовку и болѣзни и за что? за то, что народъ не могъ больше выносить ярма... Согласитесь сами, что мы существуемъ, я подразумеваю государственный строй, около 200 столѣтій и помнимъ прекрасно свою исторію, тогда, когда у васъ ее еще и въ поминѣ не было и намъ, прожившимъ болѣе европейцевъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ, навязываютъ свою культуру, религію... Чѣмъ вы счастливѣе насъ? Электричествомъ, фонографами и всевозможными изобрѣтеніями, имѣющими цѣлью не науку, но возможность дать вамъ какъ можно удобнѣе двигаться съ одного конца въ другой, переговорить

на нѣсколько сотъ, а можетъ и тысячъ верстъ съ кѣмъ нибудъ, и больше изобрѣтеній, касающихся мірового значенія, у васъ нѣтъ... Вы не можете воскресить не только умершаго, но трудно больного; чѣмъ-же вы выше насъ? Вы говорите, что у насъ масса народу вымираетъ отъ голоду каждый годъ,—вѣрно, но это съ той поры, какъ къ намъ пришли вы, европейцы, до того времени у насъ ничего подобнаго не было, мы жили мирно, не залѣзали впередъ и стремились лишь прожить, какъ подобаешь честному человѣку. Что мы не хотѣли никого обидѣть, ни у кого ничего не захватить доказываетъ ужъ то, что у насъ даже нѣтъ настоящаго войска. Земли у насъ много, въ ней кроется много богатствъ, — европейцы намъ посовѣтовали ее разрабатывать, мы согласились и что же вышло? Тѣ мѣста, которыя были исконно нашими, теперь въ рукахъ иностранцевъ, а мы остались въ родѣ глупой, нсрадивой матери, не умѣвшей уберечь свое дитя и послѣ гибели его, плачущей надъ нимъ... Посмотрите, что дѣлали католическіе и протестанскіе миссіонеры, какими средствами склоняли они къ переходу въ свою религію: подарки изъ одежды, денежныя подачки и общанія, вотъ ихъ главные двигатели. Они настроили миссій, но скажите, пожалуйста, увидѣвъ ее въ первый разъ, сочтете ли вы ее за домъ молитвъ,—нѣтъ! вы безусловно

скажете, что это маленькая крѣпость, это блокгаузъ. Мало ли преступниковъ ускользало отъ наказанія, принявъ католицизмъ: за него тогда хлопоталъ патерьъ, а позади его стоялъ консулъ той державы, которой принадлежитъ миссія. И что же получилось? Выгоды, сопряженные съ переходомъ въ другую вѣру, сдѣлали свое дѣло: нашлось много охотниковъ и даже такихъ, кои по нѣскольکو разъ крестились: чтобъ больше выгодать, они бы крестились безъ конца, если бы ихъ не уличали; согласитесь, что вѣра такого человѣка равносильна полному безвѣрію.

Въ силу справедливости я долженъ былъ съ нимъ согласиться. Я хотѣлъ узнать его мнѣніе относительно послѣдней войны, какъ вообще они ее считаютъ вынужденной или произвольной. Вопросъ этотъ, какъ видно было по лицу моего собесѣдника, сильно взволновалъ его.

— Вы спрашиваете, за что я считаю послѣднюю войну... конечно за вынужденную,— быстро заговорилъ онъ, но, замѣтивъ на моемъ лицѣ сочувствіе къ себѣ, онъ тихо добавилъ,— а какъ вы считали войну, во время которой непріятель сжегъ вамъ Москву, вынужденной или нѣтъ,— и не давъ мнѣ отвѣтить, указывая въ окно пальцемъ продолжалъ,— посмотрите вездѣ и на каждомъ шагу слѣды разрушенія, въ кустахъ валяются сотни, не прибранныхъ никѣмъ китайскихъ тру-

„На Дальній Востокъ“.

повъ, кости которыхъ ясно свидѣтельству-
ютъ о этой ужасной войнѣ. Приходъ ва-
шихъ войскъ мы благославляли, вы спасли
отъ разрушенія не одинъ городъ: Цицикаръ,
Гиринъ, Мукденъ; не такъ поступали съ нами
наши мнимые друзья англичане, не говоря
о нѣмцахъ: тѣ, словно кровожадные звѣри,
истребляли все, что ни попадало имъ подъ
руку... Слезы матерей, защищавшихъ сво-
ихъ дѣтей, вопли отцовъ и сыновей заглу-
шались залпами скорострѣльныхъ ружей;
они никому не давали пощады, никого не
брали въ плѣнъ... Мы азіаты, мы дикари,
но спросите у самаго маленькаго, но созна-
тельно относящагося къ жизни китайца,
знаетъ и помнитъ ли онъ эти слова и онъ
вамъ приведетъ ихъ слово въ слово: «въ
плѣнъ не брать, пардону не давать, такъ
чтобъ за тысячу лѣтъ ни одинъ китаецъ не
смѣлъ косо взглянуть на нѣмца». Эти слова
кровью начерчены въ сердцахъ нашихъ и
пройдетъ столько же тысячъ лѣтъ, сколько
мы ужъ просуществовали, а слова эти не
умрутъ. Противъ усовершенствованныхъ ору-
дій смерти мы могли лишь выставить юно-
шей, почти дѣтей, сильныхъ духомъ, но сла-
быхъ тѣломъ, которые шли на вѣрную
смерть, не имѣя въ рукахъ даже простой
палки; они были убѣждены, что при видѣ
ихъ безоружности въ нихъ не будутъ стрѣ-
лять, они еще предполагали, что то стихій-

ное чувство высшей справедливости, которое они несли въ своихъ сердцахъ, передастся и ихъ врагамъ, — какъ жестоко они ошиблись: первый залпъ сдѣлалъ свое дѣло. Бѣлая, безъ единого до той поры пятнышка, платя ихъ сразу стали пурпурными и молодая, ни въ чемъ неповинная, кромѣ любви къ отечеству, кровь брызнула въ глаза разстрѣливателей...

Я видѣлъ, какъ смертная блѣдность покрыла лицо чиновника и поспѣшилъ подать ему стаканъ воды, — онъ глотнулъ и немного успокоился. Съ горячей задушевностью схватилъ онъ мою руку и склонившись ко мнѣ немного на бокъ тихо замѣтилъ:

— Вы, вы русскіе въ этомъ не виновны, вы боролись съ вооруженными, но тогда, когда вы боролись съ тѣми, съ которыми нестыдно было биться, англичане, а главное нѣмцы разстрѣливали безвинныхъ. Я лишь молю тѣни моихъ великихъ предковъ, чтобъ въ то время, когда Китай могъ бы отвѣчать тѣми-же словами нѣмцамъ, не было-бы ни ружей, ни пушекъ — ничего, чѣмъ можно истреблять человѣчество, тогда нѣмцы остались бы предъ нами вѣчно нравственно обязанными.

Я съ восхищеніемъ слушалъ каждое слово великодушнаго китайца: такъ говорить и такъ чувствовать могъ лишь философъ, сознающій всю тщету человѣческой борь-

бы изъ-за преобладанія. Если такихъ китайцевъ много, мелькнуло въ моемъ умѣ, то сильно ужъ насолили европейцы имъ, заставивъ непривычными руками взяться за оружіе. При этомъ я вспомнилъ рассказы очевидцевъ, какъ до войны еще члены англійскаго и нѣмецкаго посольства и ихъ гости устраивали настоящія охоты на уличныхъ собакъ единственно потому, что они облѣзлыя и не красивы на взглядъ. Я самъ замѣчалъ, что при приближеніи европейцевъ такая собака бросается со всѣхъ ногъ, куда глаза глядятъ, словно угорѣлая. Воспоминаніе объ охотѣ на нихъ не забыто даже собаками.

Я выглянулъ въ окно: мѣстность становилась все ровнѣй, кой-гдѣ стали попадаться обработанныя поля, огороды, здѣсь и тамъ изъ за зелени деревьевъ выглядывали одинокія фанзы, сколоченныя на скорую руку и какъ видно изъ сырого дерева. Проѣхали станцію,—до Хайлара остался одинъ полустанокъ. Китайскій чиновникъ сталъ собирать вещи, я послѣдовалъ его примѣру и не успѣлъ затянуть послѣдній ремень, какъ кондукторъ возвѣстилъ о пріѣздѣ въ Хайларъ. Я попрощался съ милымъ китайскимъ чиновникомъ, пожелавъ ему всего лучшаго и крѣпко пожавъ ему руку. Не успѣлъ я проститься, какъ въ вагонъ ворвались, словно разбойники, толкая и давя другъ друга,

носильщики и русскіе и китайскіе; не сказалъ я и слова, какъ вещи мои оказались въ рукахъ у одного изъ носильщиковъ, сильно напоминавшаго мнѣ лицомъ и корпусомъ, по крайней мѣрѣ Кармелюка, если не Стеньку Разина; мнѣ осталось только безропотно слѣдовать за нимъ, что я и сдѣлалъ; выйдя на дебаркадеръ, я безпомощно оглянулся: въ этомъ городѣ у меня не было ни одной живой души знакомой, и я былъ предоставленъ собственной изобрѣтательности. Вещи я попросилъ внести въ буфетъ, попросивъ буфетчика посмотрѣть за ними, самъ же отправился посмотрѣть единственно интересную въ этомъ городѣ монгольскую кумирню, но пока я до нея дошелъ, мнѣ пришлось немного ознакомиться и съ городомъ; назвать его городомъ это все равно, что назвать таковымъ Нерчинскъ: оба они такъ именуются въ статистическихъ спискахъ и оба ничего общаго съ городами не имѣютъ. Хайларъ—это просто деревня. Наконецъ я и въ кумирнѣ. Какой-то китаецъ, какъ видно прислужникъ кумирни, съ полною любезностію повелъ меня на террасу передъ кумирней и отворилъ въ нее дверь; около кумирни сидѣли двое ламъ, какъ видно по ихъ одеждѣ, и играли въ шахматы; они были такъ захвачены процессомъ игры, что даже не замѣтили моего прихода и увидали меня тогда лишь, когда мой проводникъ китаецъ обратился къ нимъ. Тогда одинъ

изъ нихъ, какъ видно старшій, довольно полный, съ круглымъ брюшкомъ лама любезно предложилъ мнѣ рукой войти въ кумирню. При входѣ вниманіе обращаютъ на себя идола, — большія безобразныя фігуры съ злыми выраженіями фізіономій, стоящія въ воинственныхъ позахъ съ оружіемъ въ рукахъ или съ сжатыми кулаками, какъ будто собирающіяся сокрушить cadaго, осмѣливагося явиться къ нимъ. Не знаю, зачѣмъ придали имъ такое выраженіе лица, но я полагаю, что они могутъ скорѣй возбудить страхъ въ богомольцахъ, чѣмъ молитвенное настроеніе. Затѣмъ меня поразило большое пустое пространство въ кумирнѣ, словно его забыли заставить чѣмъ нибудь, оно прямо таки рѣзало глаза. Здѣсь помѣщаются сотни и тысячи богомольцевъ, приходящихъ молиться. Въ китайскихъ кумирняхъ не бываетъ богослуженій и каждый молится про себя, какъ умѣетъ. На жертвенникѣ стояли чаши, какой-то пирогъ, лепешки и полныя тарелки рису, кругомъ жертвенника размѣщены были вычурной формы деревянные подсвѣчники со свѣчами изъ какой-то темно-желтой массы.

Около самыхъ дверей я замѣтилъ попугая кричавшаго мнѣ «попка деньга» я остановился на минуту и, сообразивъ, что это — затѣя ламъ, но довольно остроумная, вынулъ серебряный рубль и положилъ на тарелку около самого попугая, въ благодар-

ность за что, тотъ со всей силы хотѣлъ меня стукнуть острымъ клювомъ по рукѣ и только, благодаря быстротѣ, я спасъ свою руку. Замѣтившій это лама подошелъ съ палочкой къ нему, желая должно быть преподать ему урокъ китайской вѣжливости, но тотъ поднялъ такой крикъ, что и привыкшій къ нему лама поспѣшилъ уйти отъ него.

Я вышелъ изъ кумирни; чудное блѣдно-розовое небо, тихій, словно ласкающій благоуханіями, вѣтерокъ заставлялъ забывать, что находишься въ манджурской степи, — такъ и думалось, что гдѣ-нибудь на югѣ въ благодатномъ солнечномъ краѣ. Я взглянулъ въ сторону города и первое, что мнѣ бросилось въ глаза — это возвращающаяся съ ученія рота; глаза мои съ удовольствіемъ остановились на этихъ сѣрыхъ отъ пыли бѣлыхъ рубашкахъ. Въ жизни всегда такъ — послѣ бури наступаетъ затишье, такъ и въ Манджуріи: послѣ боевой страды наступила эпоха мирнаго возрожденія всего края.

Пройдетъ немного времени и вся пустынная пока манджурская степь по линіи желѣзной дороги покроется цвѣтущими селами и городами, утихнетъ спорный задоръ и двѣ величайшія въ мірѣ имперіи, протянувъ братски руку, пойдутъ совмѣстно, одной дорогой, — дорогой прогресса и культуры.

